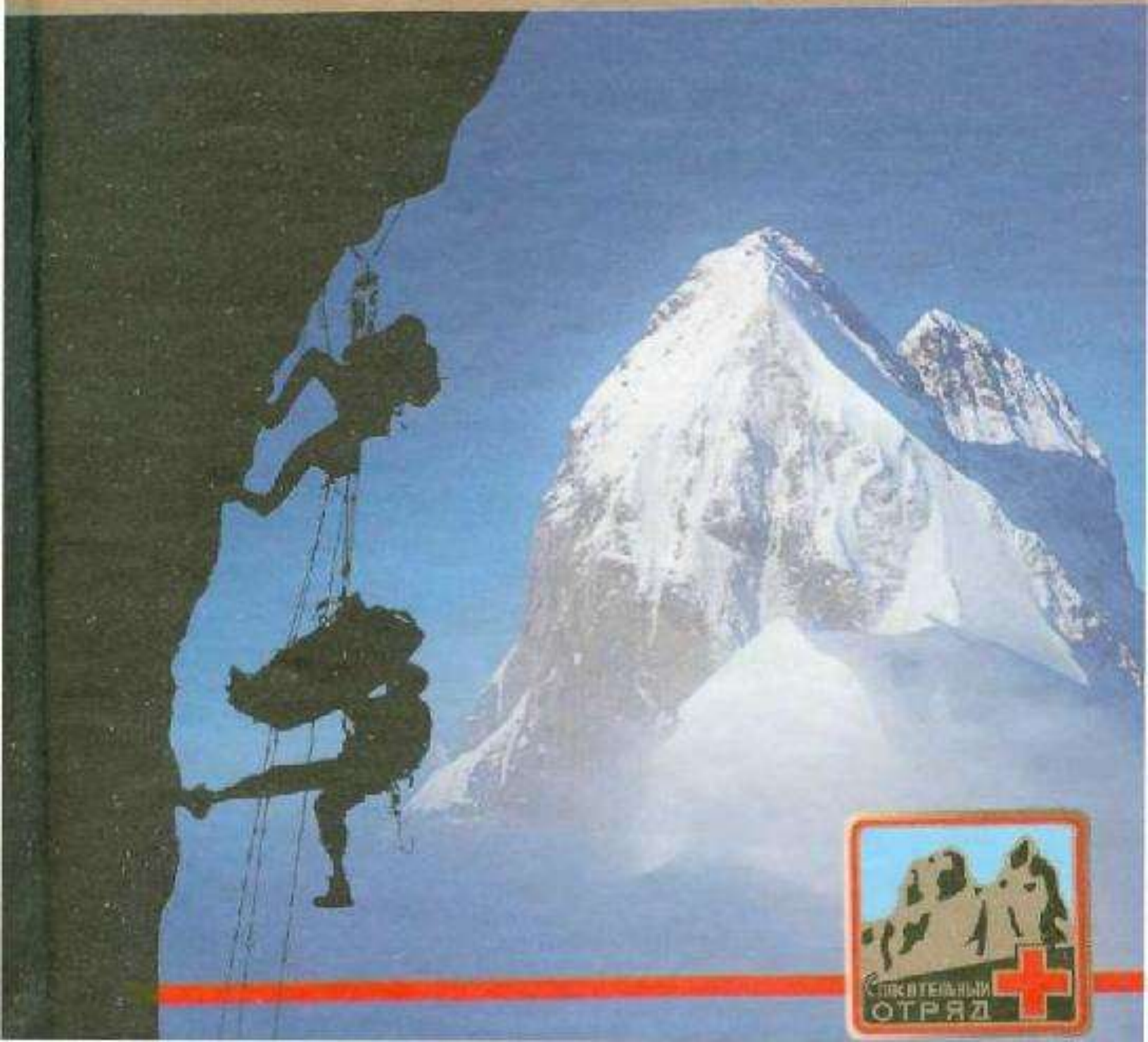

В. И. КЛЕСТОВ

ЗАПИСКИ СПАСАТЕЛЯ

Валерий Иосифович Клестов

ЗАПИСКИ СПАСАТЕЛЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

АННОТАЦИЯ	4
ОБ АВТОРЕ.....	4
К ЧИТАТЕЛЮ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ЧАСТЬ 1 - СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ	7
ПО ДАГЕСТАНУ	7
ЖИЗНЬ НА ЛЕЗВИИ	8
ЦЕНА РЕШЕНИЯ.....	10
СЕРДЦЕ С АРМЕНИЕЙ	16
КРОСС ВО ИМЯ ЖИЗНИ.....	20
НОЧЬ НА ДЖАНТУГАНЕ	25
ДИЛЕММА	31
ЦЕПОЧКА ВОКРУГ ВЕРШИНЫ	35
РИСК РАДИ ТРАДИЦИИ.....	37
ПУТЕШЕСТВИЕ С ВЕРШИНЫ ДОНГУЗОРУН	48
ХОЛОДНАЯ НОЧЕВКА	52
ФЕВРАЛЬСКИЙ ДЕНЬ.....	58
ХАЛАТНОСТЬ	64
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ.....	67
В СНЕЖНОМ ПЛЕНУ	69
АКСАУТСКАЯ ИСТОРИЯ.....	76
КАК ОН СЕБЯ СПАС	79
ВЗРЫВ	82
ЭКСТРАСЕНСЫ.....	85
ЭКСТРЕННАЯ ТРАНСПОРТИРОВКА.....	92
ВИСОКОСНЫЙ ГОД В ГОРАХ	95
ЖИВУЧЕСТЬ.....	100
СПАСРАБОТЫ ПО НЕДОРАЗУМЕНИЮ	103

ТВОЙ ДОМ.....	106
ЖЕНСКИЙ ВАРИАНТ.....	110
КЕРОСИН.....	112
МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ.....	114
ОБМАН.....	116
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ.....	120
СОБАКА БЕЗ ТОЧКИ РУ И ДЕТИ.....	125
ЭКСПЕРИМЕНТ.....	127
ГЛИССЕР.....	128
ДУША.....	130
КОНЕЦ ВЕРЕВКИ.....	132
КРЫМСКИЕ МОТИВЫ ИЛИ АРЕНАЯ КУРОЧКА.....	134
НЕЗАПЛАНИРОВАННЫЕ СПУСКИ.....	137
ПЯТАЯ ТОЧКА.....	138
СТРЕСС.....	139
ЭПИЗОДЫ.....	142
КАК СТАНОВИЛИСЬ СПАСАТЕЛЯМИ.....	145
ЧАСТЬ 2 -КАК ЭТО БЫЛО.....	149
ПОЧЕМУ?!.....	149
ИДЕОЛОГИЯ.....	150
ЧЕМ КОНЧАЕТСЯ ПОДВИГ.....	151
ТРИЛОГИЯ.....	152
ЭКСПЕДИЦИЯ.....	153
ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС.....	154
ОБЩЕНИЯ.....	156
НА ВЫСОТЕ.....	158
ЧАСТЬ 3 - ЭЛЬБРУССКИЕ НОВЕЛЛЫ.....	159
ЭКСКУРС.....	159
ЛЕГЕНДЫ.....	160
ЛЕДЯНОЕ ЦАРСТВО.....	161
ОДНАЖДЫ ЗИМОЙ.....	165
ВРЕМЯ ВСПЯТЬ.....	167
ПРОГУЛКА.....	169
ВЫСОКОМЕРИЕ.....	170

КРЕПКОЕ СЛОВО	172
ДЕНЬГИ	173
ВОСКРЕСЕНИЕ	174
ПЕРВАЯ ЛЕДИ.....	176
ЧАСТЬ 4 – ИСПЫТАНИЯ	181
РЕАНИМАЦИЯ	181
ВЫЖИВАНИЕ.....	183
АССОЦИАЦИИ.....	185
ВСТАТЬ!	187
ЧТО ДЕЛАТЬ?	189
ПРОДОЛЖЕНИЕ АССОЦИАЦИИ.....	191
ПОЧТИ СКАЗКА ШАХЕРЕЗАДЫ	194
ЭПИЛОГ	198
СЛОВАРЬ АЛЬПИНИСТСКИХ ТЕРМИНОВ	199

АННОТАЦИЯ

Книга повествует о разных спасательных акциях, в которых автор принимал участие. Лаконично, с профессиональным знанием дела он вводит читателя в мир экстремальных ситуаций. Изложенные события могут служить образцом выживаемости. **Автор «Записок спасателя» лауреат международного конкурса литературы об экстриме.**

ОБ АВТОРЕ

Автор, известный альпинист, один из основоположников промышленного альпинизма, профессиональный спасатель, имеющий в своем активе спасательные акции на сложнейших альпинистских вертикалях Ушбы, Чатына, Шхельды, Ягноба, Мечты и других известных гор. По образованию - математик. Много лет работал старшим инструктором Контрольно-спасательного пункта Центрального Кавказа, а затем начальником Шхельдинского поисково-спасательного отряда Эльбрусской спасательной службы МЧС России. Участник ликвидации последствий землетрясения в Армении в декабре 1988 года. Подготовил многочисленный отряд спасателей из разных стран. Валерий Клестов - Почетный спасатель, отмечен орденом Почета за участие в спасении людей.

Читателю предстоит пережить каждую из описываемых спасательных акций, и ощутить всю сложность и высокое благородство спасателя.

К ЧИТАТЕЛЮ

Эпизоды работы спасателя описаны в книге непосредственным участником спасательных работ, по своему выбору сделавшим участие и руководство спасательными работами делом многих лет жизни. Автор принимал участие и руководил спасательными работами в горах Памира и Кавказа, был ликвидатором последствий землетрясений и техногенных взрывов.

Спасатели работают в непростых технических или метеорологических условиях, имея дело со всем многообразием человеческих судеб и характеров, набором пиковых ситуаций, неординарных поступков.

Альпинист сам выбирает маршрут и партнера по связке, принимает решение о выходе, может отменить его или перенести на другое время из-за неблагоприятных условий погоды или иных обстоятельств. У спасателя такого выбора нет, он должен выходить на маршрут немедленно, практически в любых условиях. Поэтому работать спасателем можно, только чувствуя себя на своем месте. Конечно, бывают и исключения, но жизнь быстро расставляет все по местам.

Не нужно видеть здесь изложения отчетов о проведении спасработ, чего, возможно, захотел бы читатель, давно знакомый со спецификой альпинизма, развлекательного чтения о катастрофах и авариях. Любители такой информации получают ее в куда большем количестве по телевизору в рубрике "катастрофы и дорожные происшествия". Эти "Записки" обращены к широкому кругу размышляющих читателей. Рассказов профессионалов о своей работе, действительно приоткрывающих для многих новые горизонты, существует не так уж много, и предлагаемая книга должна дополнить их.

Хотелось бы, чтобы "Записки спасателя" нашли своего читателя среди обдумывающих свое место в потоке жизненных событий (вовсе не обязательно в альпинизме).

В строгой и разумной системе подготовки альпинистов в бывшем СССР нашлось место и для обучения спасателей. Необходимым условием получения спортсменами-альпинистами разряда кандидата в мастера спорта (КМС) было участие в спасательных работах, сдача нормативов и получение номерного жетона "Спасательный отряд". Около десяти тысяч спортсменов в те годы получили почетное звание спасателя.

Автор книги не раз руководил сборами по обучению будущих спасателей. В. И. Клестов после сдачи экзаменов лично мне вручил жетон члена спасательного отряда № 6099. Прошли десятилетия, а я с гордостью ношу этот жетон на груди - знак умения оказывать помощь людям.

Читатели, кто знаком с горами не понаслышке, по достоинству оценят воспоминания спасателя.

Ну, а те, кому посчастливилось бывать в Приэльбрусье и совершать там восхождения или путешествия, снова встретятся с автором, увидят, что он по-прежнему в строю, и вместе с ним, еще раз переживут былое.

Сергей Долгий

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мной прочитано свыше четырехсот книг, посвященных горам - от учебных пособий до художественных произведений. Многие авторы описывают

захватывающие восхождения на красивые технически сложные высокие горы. Иногда упоминаются несчастные случаи и сопровождающие их спасательные работы. Книг, полностью посвященных спасателям, спасательным акциям, наполненных острыми переживаниями, я не встречал.

Большую часть жизни я провел в горах и знаю работу спасателей изнутри, поэтому и хочу заполнить вакуум рассказами о спасательных акциях и о людях, причастных к ним. Я приглашаю читателей вместе со мной заглянуть за кулисы жизни спасателей, пройти путь, полный торжества и трагедий, необъяснимого счастья и неисправимого горя.

Сам я не раз испытал на себе холодное дыхание смерти: попадал в лавины, под камнепады, знаю, что такое срыв на стене и свободный полет, познал холодные бессонные ночи и цену глотка воды на скальных вертикалях. Знаю не понаслышке о поддержке друга в трудную минуту. Увы, приходилось встречаться с предательством и безразличием, граничащим с преступлением.

"Записки" написаны по эпизодам, имевшим место в моей практике спасателя. Не ищите в рассказах хронологии. Каждый эпизод можно читать отдельно. Они как бы немного не связаны между собой. Хочу отметить субъективизм описываемых мной событий. Мои восприятия, оценку каждого случая не следует принимать как непререкаемый источник истины, которого, вообще-то, в природе не существует. Заранее знаю горький скептицизм в оценке действий спасателей со стороны отдельных людей. Спасатель никогда не должен ожидать благодарности за свои усилия и нужно быть стойким перед некомпетентной критикой. Один из известных лавинщиков мира М. Отуотер, работавший много лет в горах, утверждал, что если спасатель не готов встретиться лицом к лицу с невежеством, непониманием и иногда собственническими интересами, ему лучше оставить эту деятельность. Поисково-спасательные работы - трудное и, порой, неблагодарное занятие. Мир полон беспечных людей, из-за чего довольно часто возникают экстремальные ситуации. Надо делать все что можешь для спасения человека и не задумываться над второстепенным. Всегда придерживался принципа - работать в полную силу и того же требовал от других. Наиболее мучительные решения, которые я принимал как руководитель спасательных работ об их прекращении, когда поиск мог быть безрезультатным, или продолжение работ угрожало жизни спасателей.

Неизмеримо трудным было объяснение с родителями, потерявшими детей, о принятии такого решения.

Конец моей карьеры спасателя не был торжественным, случайно или нет, он прошел по лезвию жизни, но я считаю, что мне повезло.

По этическим соображениям, некоторые фамилии и имена изменены.

Пусть книга будет светлой памятью о моих друзьях и коллегах- спасателях, к сожалению, ушедших от нас

ЧАСТЬ 1 - СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

ПО ДАГЕСТАНУ

Навсегда запомнились первые в моей жизни спасательные работы. Это случилось в шестидесятые годы в Дагестане. По приглашению моего друга Курбана Гаджиева я, Виктор Марченко и еще несколько киевлян отправились из Киева в Дагестан. Курбан радушно, по-кавказски, принял нас в Махачкале. Предложил для восхождений интересный район на границе с Грузией. Наши будущие вершины находились в трехстах километрах от города. Вначале на грузовике, а затем по тропам мы двигались к цели. Красивейшие места, приветливые люди встречались нам по пути. Интересно, что тропы в этом горном труднопроходимом районе прокладывал восьмидесятилетний Ибрагим, глава многочисленной семьи. Родственники ему активно помогали. Они совершенно безвозмездно строили тропы для людей.

Дагестан многонационален. Есть аулы, где часть жителей говорит на одном языке, остальные - на другом. Однако это не мешает им жить миролюбиво.

Наша объединенная с махачкалинцами группа, человек двадцать, упорно продвигалась к высокому горам. Путь проходил над горной речкой. На одном из участков тропа была размыта и обрывалась. Нужно было сделать большой шаг над пропастью, чтобы преодолеть это место. Курбан натянул перила из основной веревки на опасном месте, закрепил их и мы по одному на скользящем карабине переходили этот участок провалившейся тропы. Тяжелые рюкзаки за спинами затрудняли переправу. Когда один из альпинистов нашей группы Степан подошел к перилам, уже большая часть ребят переправилась. Подойдя к перилам, он не застраховался, а, схватившись руками за перила, резко шагнул через провал. Рюкзак качнуло. Степа сначала завис на одной руке, а затем оборвался на глубину примерно двадцать пять метров к речке. Упал на камни. Мы быстро спустились к нему. Он стонал. Осмотрели его. Лицо стало сизым, особенно вокруг губ. Между ребрами была рана. Рана всасывала воздух со свистом. Быстро наложили стерильную повязку, закрепив ее пластырем. Связали веревкой носилки из

ледорубов, положили пострадавшего на травмированный бок и понесли в ближайший аул. Постепенно цвет лица Степы приходил в норму, дыхание улучшалось. Он начал говорить. Больше травм у него не было. Любопытно, что в рюкзаке, с которым он упал, продукты находились в разных банках - стеклянных и металлических, металлические банки от удара о камни искорежились, а стеклянные все остались целыми.

Местные селяне с заботой приняли больного. Сельский врач сказал, что мы сделали все правильно, пообещал присмотреть за Степаном.

В этом районе мы совершили интересные восхождения. На одной из вершин мы сняли записку 1934 года, в которой альпинисты проклинали Общество пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ) за плохое обеспечение экспедиции: им выдали в те далекие годы прогнившие ботинки, которые развалились во время восхождения.

Через десять дней, возвращаясь домой, мы поблагодарили за заботу земляков Курбана и забрали Степана. Он уже мог идти сам.

ЖИЗНЬ НА ЛЕЗВИИ

Поисковые работы на Эльбрусе начались за двое суток до случившегося. Искали пропавшую группу английских альпинистов. Леонид Андреев, Сергей Лобастов и я вылетели на вертолете осмотреть район. На борту вертолета кроме нас находился шеф Эльбрусской поисково-спасательной службы Борис Тилов и двое англичан: пожилой мужчина - отец одного из пропавших и девушка - тоже чья-то родственница. Сверху никаких следов не обнаружили. Облет заканчивался, и это поняли англичане. Вижу, на глазах отца появились слезы. Сделали ли мы все, что смогли? Похоже, нет! Спрашиваю ребят: как насчет десанта на вершину? Молча кивают. Бросаюсь к кабине пилота: "Леша, прошу, сбрось нас, если возможно, на вершину".

За штурвалом был Алексей Севостьянов - пилот от бога, вертолетный гений. Многие спасательные акции с его участием проводились за пределами человеческих возможностей, на грани риска и мастерства, жизни и смерти. Алексей дал понять, что при малейшей возможности, несмотря на сильный боковой ветер, приземлимся. Правда, высота здесь 5621 метр над уровнем моря... Вертолет развернулся, облетел вершину Эльбруса. Завис. Действуем быстро - выбрасываем рюкзаки, прыгаем сами. Прижимаясь друг к другу, накрываем собой рюкзаки - даем возможность вертолету отлететь. Он уходит в сторону Баксанского ущелья.

Под ногами - Восточная вершина Эльбруса. Десятки раз я был на ней, но десантировался впервые. Красиво! Перед нами - Главный Кавказский хребет во всем своем величии. На фоне неба вдали выделяется величественная грозная Ушба, Донгузорун, опоясанный "семеркой"*, и другие известные вершины. Но хватит лирики - надо искать англичан. От высоты несколько пошатывает. Хотя мы живем постоянно на высоте две тысячи метров, резкий подъем на эту высоту чувствуется. Хуже всех Сергею, он только приехал из Кишинева, был в отпуске. Решаю: Сергей остается возле рюкзаков, а я иду искать в кратер к скальным выступам, Леонид

- на северную сторону вершинного купола. Договариваемся быть все время в поле видимости и на радиосвязи. "С Богом, мужики, пошли!"

Следов нигде не видно. Прохожу весь кратер, внимательно оглядываю снежные заносы под скалами в надежде обнаружить пещеру с людьми. Никаких признаков людей нет. Ветер усиливается. С запада потянулась облачность. Прикидываю: если сейчас же не начнем спуск, исчезнет видимость, начнется непогода, а это на Эльбрусе чревато. Принимаю решение: спускаемся. Тем более, что у нас в рюкзаках продукты, которые ждут спасатели в "бочках" (теплушки для жилья) на Гарабаши. Они ведь уже двое суток на склонах вершины искали англичан и остались без продуктов. Одеваем "кошки-автоматы" фирмы "Salewa Mesner". Движемся с вершины вниз на седловину, по ходу внимательно смотрим: нет ли каких-нибудь следов. На седловине подходим к разрушенной и забитой снегом и льдом хижине, оглядываем ее. Нахожу импортный шнурок от ботинка, кладу, на всякий случай, в карман. Выходим с седловины на "косую" полку, ветер усиливается. Очень холодно, ведь в апреле на такой высоте еще зима. Правда, тут и летом не жарко, всегда снег и лед, а сейчас температура около -50 °С.

Спускаемся. Под ногами гладкий чистый лед - ветер сдул с ледового панциря вершины весь снег. Предлагаю ребятам развернуться лицом к склону, разойтись цепочкой, чтобы не быть друг под другом в случае срыва. Движемся с Леонидом параллельно. Сергей немного отстает. Далеко внизу просматриваются скалы Пастухова. Ни одного снежного пятнышка вокруг поля жесткого зеленого зимнего льда. Склон не крутой - градусов 25. Шаг за шагом спускаемся вниз. Внимательно смотрю под ноги. И... вдруг! Нагрузив левую ногу, вижу, как отделяется передняя часть кошки. Теряю равновесие, падаю и скольжу вниз. Мысль одна - зацепиться, развернуться головой вверх. Краем глаза глубоко внизу вижу "хицан" (скальный выступ на льду). Скорость скольжения увеличивается, всеми силами направляю себя на этот выступ. Удастся перевернуться на живот и развернуться головой вверх. Скорость растет. Наконец удар. Я в воздухе - от удара о камень меня катапультировало. Приземляюсь ниже "хицана" на снег, который за ним надуло ветром. Останавливаюсь. Больно. Неудобно. Хочется изменить положение. Оглядываюсь. Оказывается, лежу на краю двухметровой полосы снега. Дальше опять лед. Нельзя ни двигаться, ни поменять неудобное положение тела. Надо ждать ребят. Сжимаю зубы. Боль пронизывает все тело. Первым подходит Леонид: "Живой?" Говорить не могу, отвечаю глазами. Берет у меня в рюкзаке рацию и сообщает о случившемся вниз - ребятам на Гарабаши. Но они уже знают, срыв произошел на их глазах. Не разобрали только, кто сорвался. Когда нас увидели на "косой" полке, несколько человек пошли навстречу, чтобы помочь разгрузить наши рюкзаки. Снизу ко мне подходят Абухалим Эльмезов и Игорь Череску. Потом другие ребята из нашей спасательной службы. У всех один и тот же вопрос: "Живой?" Погода начинает резко ухудшаться. Пошел снег, холодает. Слышу, как по радио на базу передают возможные мои травмы: переломы таза, бедра, ребер, травмы головы и других частей тела. Вижу, как закручивают в лед ледобур, закрепляют веревку. До скал Пастухова сорок метров. Значит, летел метров четыреста. Слышу ребята решают, что делать - начать транспортировку или ждать, когда поднесут акью. Разум победил, стоять на этом склоне долго

нельзя, можно замерзнуть. Положили меня на два каримата, но один из них сильным порывом ветра вырвало из-под меня и тут же унесло по склону. Укутали пуховками и потащили. Перед этим Игорь сделал мне обезболивающую инъекцию, но промедол не действует, чувствую каждый гребешок гофрированного жесткого льда. Боль заливает все тело. Останавливаются. Проверяют жив ли? Ругаюсь, обещаю что когда встану на ноги буду учить, как правильно транспортировать. Но это болевой шок. Ребята делают все верно. Подносят акью, меня аккуратно перекалывают в нее и тащат дальше. Подходит с импровизированными, собранными из старых горных лыж, санями, Юра Соловьев. Юра много лет проработал спасателем в ущелье Адырсу, сам был тяжело травмирован и прекрасно знает как тяжело на такой высоте тащить человека. Сани несколько облегчат тяжелый труд. Видимости почти нет. Слышу шум вертолета. Как же он сумел пробиться сквозь пургу?! Может это у меня бред? - Нет. После третьего захода вертолет зависает над нами. Меня в акье забрасывают на борт. Это А. Севостьянов, узнав, что случилось, рискуя собой, экипажем, машиной, пробился сквозь непогоду и снял меня со склона Эльбруса.

По дороге в Нальчик Алексей залетел в альплагерь "Эльбрус", забрал мою жену Светлану на борт и взял курс на город.

В нальчикском аэропорту нас ждали две "скорые". Одну он вызвал по рации, подлетая к городу, а на второй приехали спасатели из нальчикской поисково-спасательной службы во главе с начальником Александром Лавровым. Больница. В бригаде врачей мой друг Али Теунов, альпинист, опытнейший хирург. Делают снимки. Слышу голоса врачей - надо оперировать. Меряют давление - 40 на 0, откладывают операцию. Вливают кровь,

плазму, надевают маску, просят глубоко дышать. Проваливаюсь. Открываю глаза - рядом Света. Первый вопрос: "Когда, наконец, начнут операцию?"

- Тебя прооперировали вчера в одиннадцать вечера, а сейчас половина одиннадцатого утра.

Реанимационная палата. Тут все на грани жизни и смерти, как на лезвии бритвы. Но это уже другая история... О том, что англичане нашлись, мне сообщили на третий день после операции. Заблудившись на вершине, они ушли в сторону Пятигорска совершенно не логичным путем. Повезло им, остались живы.

Так закончилась моя последняя спасательная акция, вернее, в ней я участвовал уже, как пострадавший. А до этого в моей карьере спасателя было много спасательных работ или "спасаловок", как их называют спасатели.

ЦЕНА РЕШЕНИЯ

Полночь. Сажу в радиорубке и обдумываю сказанное за день в эфире, особенно за последние часы. Обычно в экстремальных ситуациях к рекомендациям старшего инструктора КСП прислушиваются, а сегодня в этот промозглый день не удалось убедить ребят спуститься со стены. За окном ливень - это здесь. А в восьми часах хода отсюда, на Чатыне, что творится? А на других горах? Везде на высоте выше трех тысяч валит с небес всюду проникающая снежная крупа. Середина июля - а погода как глубокой осенью. Много народу на выходах, но тяжелей всех, конечно, на ромбе Чатына, не только потому, что сложное лазанье, - на стене мокро и холодно. Снеговая "крыша" спускает на тебя потоки ледяной воды. Однажды после спуска со стены в непогоду, грелся я со своей связкой - Олегом Ерохиным в прокаленной сауне, не снимая пуховок, и не мог согреться. Команда наша тогда приняла верное решение - сойти с маршрута. Горы ведь вечно стоят, а люди к ним приходят и уходят.

Приблизительно в этом духе через ретранслятор (наблюдатель с радиостанцией для связи спортивной группы с базой), сидящий на бивуаке "Немецкие ночевки", начиная с дневной связи и до полночи пытался убедить московских альпинистов начать спуск по пути подъема.

А события развивались со скоростью экспресса. Накануне шестерка провела висячую ночевку в гамаках под потоками воды. К этому времени после неудачной попытки пройти последнюю, одиннадцатую, веревку стены обессиленный Владимир, промокший и замерзший, спустился на полку. За ним Игорь, с усилием, на "зубах", выйдя под водопадом на "крышу", понял, что из-за ураганного ветра, снежной крупы и стреляющих из тумана кусков льда, дальше идти невозможно. Подошедший к нему тоже насквозь мокрый Андрей начал тут же спускаться. Игорь дюльфернул следом. Пока Андрей с Игорем двигались вверх, Володя, закрепив веревку, начал спускаться и попал на отвес. Страховал его Сергей. Назад подняться сил уже не было и он завис под карнизом. Общими усилиями ребята вытащили его на полку. В невменяемом состоянии замерзший Владимир продолжал руками движения, имитирующие подъем на жумарах. Через полчаса его не стало.

-Ребята, принимайте решение, немедленно спускайтесь, еще одна мокрая

ночевка чревата. На стене набито много крючьев для спуска.

Воспользуйтесь ими. - Звучало многократно в эфире.

Даю указание группе и спасотряду о выходе на радиосвязь каждый час. С наступлением темноты со стены сообщили о решении заночевать и попросили утренней связи. Потянулся к тумблеру, чтобы выключить рацию и тут

раздался леденящий душу крик в эфире:

-Помогите! Нас побил камнями! Наташа без сознания!

Мельком смотрю на часы - пять минут первого. Как можно спокойней

спрашиваю позывной, на какой горе, какие травмы. Беру лист бумаги, готовлюсь записывать. Но в эфире тишина, только обычные помехи потрескивают. Может быть мне померещилось?

- Ответьте, кто в эфире, я - "Луч" - на приеме.

-

Проходит несколько минут тишины, только шумы в наушниках, да стучит в окно радиорубки дождь. Что же еще стряслось? Почему молчат? Открываю журнал регистрации выходов альпинистских групп в высокогорную зону и вдруг тот же крик в эфире:

-Снова камни! Камень пробил палатку и попал Наташе в голову, она погибла!

-Дорогой, ответь, где находишься, с какого лагеря, я - "Луч"; прием.

-Мы из "Баксана", на Уллукаре. Наташа погибла!

Мгновенно понимаю что за группа. Накануне баксанцы были на КСП, консультировались по маршруту шестой категории трудности. Но почему они на маршруте? Эта группа должна была выйти сегодня утром. Но какое это имеет сейчас значение; надо быстро принять решение.

-Проверьте еще раз дыхание, пульс у Наташи, на каком участке маршрута вы находитесь, постарайтесь уйти из-под камнепада за надежный выступ. "Луч" - на постоянном приеме.

-Мы - в кулуаре левее маршрута, в трех веревках от "шапки".

-Уходите в безопасное место. Сейчас позову для консультации врача. Будьте на приеме.

Поднимаю на ноги все КСП - врача, радиста и инструктора. Это - весь штатный состав. Врач и радист идут в радиорубку, а мы, инструкторы, обсуждаем оптимальный вариант

организации спасательных работ. По журналу регистрации групп, выходящих в высокогорную зону, определяем, кто из общественных спасателей, с соответствующей квалификацией, ближе всего находится к Уллукаре. Оказалось, группа Николая Дроботенко - великолепного спортсмена и надежного человека. Они накануне прошли эту "шестерку" и отдыхают в альплагере "Джантуган". Даже внутренне успокоился - Николай не подведет. Так как в непогоду этот маршрут может простреливаться камнями, тем более на стене люди, порекомендую его головному отряду подниматься по тройке и подойти через ледовый купол к маршруту сверху.

Под Чатыном в соответствии с планом московских сборов должен находиться их спасотряд. Начальник спасательного отряда москвичей сидит на бивуаке "Немецкие ночевки". У него в распоряжении двадцать три спасателя разной квалификации - от мастеров до второразрядников. Рекомендую ему два варианта организации спасработ: либо подняться к замерзающим альпинистам по пути подъема (на ромбе, из-за крутости стены камни и осколки льда пролетают, не задевая маршрут), либо пройти снежноледовый кулуар с траверсом вправо, чтобы быстрее к ним подойти и помочь безопасней спуститься. Кроме того, на ушбинском плато должны находиться альпинисты из альплагеря "Баксан" - их можно отправить по тройке на Чатын, чтобы сверху спуститься к группе, оказавшейся в сложном положении на стене.

Что делается на Уллукаре? Подходит наш доктор и сообщает, что никто на связь не выходит.

-Продолжайте вызывать и начало каждого часа прослушивайте.

На утро мы составили программу спасательных работ. В голове невидимые нити связывали две горы, далеко стоящие друг от друга. Радист непрерывно вызывал группу на Уллукаре. Владимир Болонин на машине поехал в "Джантуган" с моей запиской для Николая Дроботенко о подключении его к спасработам. В альплагере "Баксан" узнали о ЧП лишь на утренней циркулярной связи КСП с альплагерями. Кажется, все на сегодня. Разрешаю себе немного до рассвета поспать. Под шум дождя отключаюсь.

Чтобы читатель разобрался в системе оказания помощи альпинистам, терпящим бедствие в горах, дам небольшую об этом справку.

Система оказания помощи расписана положениями, основана на высокой сознательности альпинистов.

До создания профессиональной службы Министерства чрезвычайных ситуаций, в стране существовала система КСП. В распоряжении КСП работали высококвалифицированные инструкторы альпинизма, в совершенстве знающие свой горный район. КСП имели необходимый для оказания помощи пострадавшим инвентарь, средства связи и автотранспорт.

Спасательные пункты проводили профилактическую работу, готовили спасателей-общественников. Инструкторы КСП оказывали помощь терпящим бедствие, участвуя в спасательных акциях, часто руководя ими. На огромный горный район Приэльбрусья профсоюзы, которым подчинялись КСП, выделяли всего три штатные единицы. Система оказания помощи в горах предусматривала, что каждый альплагерь или альпинистские сборы должны иметь общественные спасательные отряды, состоящие из самых лучших спортсменов. Члены спасательного отряда должны иметь альпинистскую квалификацию не ниже групп, выходящих на спортивные восхождения, и всегда находиться в состоянии мобилизационной готовности. КСП, в случае возникновения аварийной ситуации, могли привлекать необходимое число альпинистов к спасательным работам, координировали работу общественных спасательных отрядов.

Спасательный отряд должен выходить на работу в следующих случаях:

- а) при аварии;
- б) при нарушении восходителями контрольного срока;
- в) при потере связи с группой;
- г) при внезапном резком ухудшении погоды.

Получив сигнал бедствия, спасатели немедленно выполняют приказание начальника спасательного отряда, который согласовывает свои действия с КСП района.

Рассвет изменения в погоде не принес. Дождь продолжался. Трех часов сна как и не было, ощущалась висящая тяжесть: с группой на Уллукаре связи нет и Чатын молчит. Отправляю радиста спать; от постоянных вызовов он охрип. Выхожу в эфир, называя позывной отряда Дроботенко, - он тут же отвечает, что его головной отряд находится возле ночевок "Рыжие камни". Здесь все идет по плану, Колин отряд в движении. Сейчас шесть часов, значит к восьми они пройдут ледопад, затем плато и выйдут к перевалу Кашкаташ под начало троечного маршрута. Что день грядущий нам готовит? Внимательно просматриваю журнал выходов: где еще находятся альпинисты, которых можно подключить к спасработам? Обращаю внимание на то, что под Чатыном должна быть команда армейских альпинистов. Они заявили тот же маршрут, что и москвичи. На первой утренней связи, при необходимости, их надо подсоединить к спасработам. Как прошла ночь на Чатыне? Вечером ребята сообщили, что не работает примус и палатка лопнула от ветра. Положение критическое, я бы спускался. Надо быть в движении. А что делает спасотряд московских сборов? Где он? Вызываю начспаса. Отвечает, что слышит меня на тройку, находится на бивуаке "Немецкие ночевки".

-Сколько веревок прошел спасотряд? - В эфире молчание.

Повторяю вопрос. Ведь по докладу начспаса головной отряд подошел под маршрут еще вчера в 17.30. До темноты можно было пройти вверх до Абалаковской полки, а с рассветом продолжить движение вверх к пострадавшим, по ходу навешивая веревки для спуска. Таков план спасательных работ.

-Головной отряд вчера не вышел из-за плохой видимости, выходит сейчас. Второй отряд в составе пяти человек подходит к Ушбинскому плато, чтобы, объединившись с баксанцами, по тройке подняться на вершину.

Вот так номер! Вчера случилась авария, погоды нет, а спасатели не торопятся. Почему?! Вопрос - без ответа. Что-то неладно с организацией этих сборов. Требую немедленного выхода спасательного отряда.

На семичасовой связи со стены Чатына сообщают, что провели тяжелую холодную ночь и решили спускаться по пути подъема. Это правильно. Начали бы они движение вниз вчера.

Быстро летит время. На связи Дроботенко.

-У нас все в порядке, работаем на маршруте. Из-за дождя промокли, холодно, дует сильный ветер. Прошу, по возможности, поднести теплую одежду для команды.

-Вспомогательный отряд в получасе хода от вас. У них пуховки, плащи, бензин для примусов, продукты, палатки. Я - "Луч" - на приеме.

Вызываю "Луч 14" - позывной вспомогательного отряда, собранного из разрядников альплагерей "Шхельда" и "Эльбрус". Отряд с бивуачным снаряжением, по распоряжению КСП, вышел сразу за головным спасотрядом. "Вспомогатели" ответили почти мгновенно.

-"Луч", мы слышали ваш разговор с головным отрядом. Отправляем налегке четырех ребят с пухом вдогонку Дроботенко. Мы - на приеме.

Ну, что еще можно сказать, ребята четко работают, на совесть. Смотрю на часы. Через три минуты циркулярная связь с лагерями.

Обменявшись с альплагерями позывными и выслушав доклады начспасов о местонахождении групп, КСП предупреждает о том, что на время непогоды выход в

высокогорную зону запрещен. Запрет, естественно, не распространяется на спасателей. "Луна" - это позывной альплагеря "Баксан", остается на связи, и начспасу поступает сообщение о ночном происшествии с их группой. Спасательный отряд "Баксана" должен немедленно прибыть на КСП района для подключения в спасательную операцию на Уллукаре.

Вблизи от Чатына набралось тридцать восемь альпинистов. Все они, по указанию КСП, находились в распоряжении начальника спасательного отряда московских сборов Караулова и, казалось, за спасательную акцию можно не волноваться. Но, как оказалось, это было формально. Ни начспас, ни его команда на стену не пошли. Один из основных спасателей этого сбора почему-то находился в "Джантугане". Узнав о начале спасработ, он вышел в сторону Шхельдинского ущелья только через сутки, но к стене так и не подошел. Остальные члены спасательного отряда нашли причины

бездействовать. Только во второй половине дня, когда еще один из восходителей умер от холода и истощения, а другой, сорвавшись со стены, бездыханным прилетел к палаткам спасателей, двойка армейцев, по собственной инициативе, начала навешивать веревки навстречу измученным альпинистам. Армейцы встретились с оставшейся тройкой, пройдя вверх три веревки. Встретившись, все ребята по закрепленным веревкам спустились со стены.

В те же часы на Уллукаре команда Николая Дроботенко, надев на себя по две пуховки, пробивалась, почти ползком, сквозь ураганный ветер и завесу снежной крупы через ледовую "шапку" горы к последнему участку маршрута. Они шли в надежде найти людей, с которыми уже шестнадцать часов не было связи. Последнее, что слышали от пропавших альпинистов, был крик отчаяния... И вдруг в эфире, в нарушение правил радиобмена, раздался хриловатый, несколько восторженный Колин голос:

-Валера! Мы их нашли, они живы. Ребята в двадцати метрах ниже "шапки". Спускаюсь к ним.

Мне очень хорошо знакома радость человека, нашедшего пропавших людей.

Спасатели подошли вовремя. У пострадавших уже не было ни моральных, ни физических сил двигаться дальше. В районе еще сутки продолжалась спасательная акция.

СЕРДЦЕ С АРМЕНИЕЙ

Сообщение о землетрясении в Армении меня застало дома, в Киеве. Телевидение и радио сообщали об огромных жертвах и разрушениях в городах Ленинакане и Спитаке. Требуются люди, умеющие оказать помощь в экстремальных ситуациях, работая в автономном режиме. Лучше других это могут делать спасатели-альпинисты. Это понятно - в горах спасатели всегда

работают автономно. Сердце подсказало, что в далекой Армении мы необходимы. Тем более, что тогдашний председатель Совмина бывшего СССР Н.И. Рыжков, выступая по телевидению, как-то беспомощно просил всех о помощи. Было ясно, государство людям не поможет.

Созвонился с Виктором Яковиной - директором альпклуба и Игорем Полевым - гостренером Украины по альпинизму и, как в горах, когда возникает аварийная ситуация, четко оговорили возможность создания Киевского спасательного отряда и выезд на место происшествия. Городские и республиканские власти, к которым мы обращались, отправить спасателей не смогли. Узнав, что я собираю команду, люди звонили мне домой круглые сутки. Одним из первых в телефонной трубке я услышал знакомый голос Анатолия Омеляненко - отца троих детей, рвущегося на помощь детям Армении. Многие люди предлагали пищу, одежду, свое участие. Назначили сбор желающих поехать на спасательные работы в помещении Спорткомитета. Там же решили отобрать шестнадцать наиболее подготовленных. Через Игоря Полевого вышли на секретаря ЦК комсомола Украины Александра Зинченко. Впоследствии он один из руководителей оранжевой революции в Украине, депутат Верховного совета. Александр воевал в Афганистане и поэтому хорошо понимал возможности альпинистов-спасателей в непростой обстановке по ликвидации последствий природной стихии.

Так мы попали в Армению. Отобранные шестнадцать человек были альпинистами высокой квалификации, имели звание "спасатель" и опыт проведения спасательных работ. Моим заместителем в отряде стал Григорий Чуб - человек надежный и многоопытный. Назову всех ребят, с которыми в последующий месяц мы делили все - от глотка чистой воды до риска во имя жизни. В экстремальных условиях со мной были Ю. Захарченко, В. Ивлев, В. Шульга, В. Кушпела, Ю. Кузьменко, В. Суший, В. Недопако, Е. Карпенко, О. Левицкий, П. Слюсар, А. Булыгин, А. Муринец, С. Син, А. Омеляненко. В отряде - единоначалие, основная цель - помощь пострадавшим. Этот закон, установившийся сам по себе, действовал постоянно во время пребывания в Лениакане.

Двойственность отношения к человеческому роду до сих пор берedit мою душу. С одной стороны, была жалость к людям, лишившимся родных, крова, а с другой - неприязнь к мародерству и цинизму. И тем более нужно было сделать все возможное, чтобы человечность победила.

Приехали в Ереван. Направляюсь с вокзала в Дом профсоюзов, где заседал штаб по ликвидации последствий землетрясения. Проходим подземный переход в красной форме с жетонами спасателей на груди. Ясно, что мы прибыли сюда помогать армянскому народу. Подходит ко мне молодой парень с букетом гвоздик: - Купи цветок, земляк, отдам подешевле, - с издевкой в голосе... Проглотил. Идем дальше. На перекрестках стоят танки, но нас никто не останавливает. В Доме профсоюзов встречаю деятелей из Управления альпинизма - начальника Тер-Григорьяна и других, но им не до нас, разговаривают через оттопыренную

губу, дают понять, что мы мешаем им... заниматься бумажными делами. Покидаем это, насыщенное бюрократией, даже в такое время, здание.

Едем в Ленинакан. Вокзал встречает нас потрескавшимися потолками. Выходим на площадь: слева - улица полуразрушена, народа мало. Еще в Киеве нам рекомендовали связаться с горкомом комсомола. Расспрашиваем у редких прохожих адрес. Приходим в штаб. Здесь оживление. Заходим, знакомимся. Командует Ашот Петросян - секретарь горкома комсомола. Кстати, первый человек, которого мы встретили в Армении, знал, что делать. Перед этим, узнав, что Ленинакан разбит на зоны, я пришел с командировочным удостоверением в украинскую шестую зону, предложив свои услуги и возможности. Ответ руководящего там лица был более чем циничным: зачем ребятам рисковать, закроем наряды, деньги пополам, а время проведете в палатках... Послал я его довольно далеко и обратился к комсомольцам.

Ашот и его заместитель Грант для поисковых работ выделили нам район города под названием Вардбах - новостройка. Здесь расположен электронный завод и жилой микрорайон, а рядом армейские склады. По дороге встретился молодой парень с седой головой. Разговорились. Людям, когда у них горе, поговорить хочется. Поведал, что он с семьей приехал сюда недавно из Сумгаита, спасаясь от погромов. Получили квартиру в новом доме на девятом этаже, а тут землетрясение. Когда затрясло, дом завалился, и остался только он один: вышел из комнаты, которая была уже на уровне земли. Вначале искали живых, но шансов найти было мало: ни приборов, ни техники не было, а люди просили откопать, хотя бы тела родственников, чтобы похоронить, предать земле. Копаем. Лопаты, которые привезли из Киева - единственная техника. Краны советские, которых навезли много, но они слабые, с короткими стрелами. Подобраться к разваленной, как карточный домик, девятиэтажке такой кран не может. Делаем подкопы и вытаскиваем трупы. Их много, очень много. Вытаскиваем голыми руками. Тяжелый запах. Некоторым плохо. Но люди стоят днем и ночью у нас за спиной и просят найти родных.

Кончился кислород в баллонах. Нечем резать арматуру и из-за этого тормозится разборка завалов. Рядом, в другом районе города, работают спасатели, приехавшие из Швейцарии, Израиля - у них поисковые приборы, гидравлические ножницы - режут арматуру как масло. Чтобы разобрать очередной завал, нужен большой кран. В городе, говорят, их пять штук - 125-тонных японских. Распределяет их Центральный штаб. Идем в штаб с Ашотом. Прорываемся сквозь усиленную охрану к зампреду Совмина Армении. Выслушав, он заверяет, что завтра кран нам выделят... Соврал. Захожу утром в штаб комсомола на улице Калинина, так как уже нужны антисептики: появилась опасность желудочно-кишечных заболеваний. Спасатели из отряда, работавшего рядом с нами, принесли канистру с жидкостью для дезинфекции рук - оказался коньяк. Конечно, попробовали, но еще долго мыли им руки. Утром, 23 декабря, в штабе встретился с Ашотом. Он сообщил, что нашли живого мужчину в подвале и что Центральный штаб решил начинать завтра подрывать аварийные дома для подготовки площадок под застройку будущего города. Нас просят в штабе комсомола помочь пострадавшим снять с аварийных домов их домашние вещи. Люди приходят в штаб,

записывают свои адреса, а мы, согласно этой очереди, снимаем их вещи с покосившихся девятиэтажек. 24 декабря в 13 часов начали взрывать дома. Сегодня взорвали пять аварийных домов. Надо успеть, по возможности, снять побольше вещей людям. Надо помочь живым. Берем адреса, и, разбившись на три группы, выходим к полуразвалившимся домам вместе с хозяевами квартир на работу. Работали на улицах Ширакаци, Коштояна, Фрунзе, Бульварной, Сивяна, Ереванское шоссе, Мусаэляна, Тукасяна, Таэряна, Герцена, в Фабричном переулке. Люди, жившие на этих улицах, которым наш отряд помог, обещали об этой бескорыстной помощи рассказать своим детям и внукам. Жилье мы себе устроили в брошенном строительном вагончике на окраине Вардбаха рядом с воинскими складами. Ночевать было холодно. Нашли, брошенную бочку с соляжкой. Сделали печку. Спим в спальниках на полу. От печки, начиная выше пояса, жарко и душно, а на полу иней. Построили рядом сарай для столовой и кухни. Готовим на костре. Кухней довольно профессионально командовал Александр Булыгин. Все время рвался работать на дома. Убедили, что на этом месте он нужней. Воду носили в бачках из воинской части. Тащить приходилось километра два, зато вода была свежая. Военные привозили воду на машинах издалека и мы использовали ее для приготовления пищи и умывания. Для мытья рук воду хлорировали. Гриша Чуб однажды перепутал бачки и хлорированной водой умылся, сильно опалив глаза, раствор был концентрированным. На весь Леникан работала одна маленькая баня. Ребята из городского штаба перед Новым годом сделали нам банный подарок: они приехали за нами на автобусе и вечером весь отряд отвезли помыться. Правда, на все купание с раздеванием и одеванием было отведено всего тридцать минут, но эти минуты запомнились. За здоровьем отряда внимательно следил наш врач - Слава Недопако. Его как единственного в городе нейрохирурга мобилизовали в городскую "скорую помощь", но нас он не забывал и приезжал часто. Каждое утро отряд, разбившись на три группы, выходил помогать людям. Тактика "восхождения" на коробку дома простая: двойка заходит в покосившуюся девятиэтажку. Ищем путь к необходимой квартире. Сложность заключается в том, что, в основном, нижние этажи все разрушены, нет лестничных клеток. И так, примерно, до шестого этажа, а квартиры на девярых этажах почти целые. По сигналу первой двойки поднимаются остальные, а один из спасателей остается внизу для координации. Ребята пакуют уцелевшие вещи, мебель, готовят их к транспортировке. Первая двойка закрепляет веревку, главным образом, за надежные конструкции на крыше и через спусковое устройство спускает вещи, уцелевшую мебель. В световой день успеваем помочь десяти - двенадцати семьям. Тихие "спасибо", "мы вас не забудем", "расскажем о вашей помощи своим внукам" были и остались в сердце самой высокой наградой. К сожалению, не обошлось и без того, что перед лицом, помахивая пачкой денег, требовали помочь только этим индивидуумам. Приходилось тактично и твердо отказывать, объяснять, что не зарабатывать мы приехали на эту многострадальную землю. Увы, пришлось встретиться и с мародерами. Они ходили по полуразрушенным квартирам, вырывали внутренности телевизоров, грабили пустые брошенные квартиры. Двух таких "героев" мы сдали в милицию. Тяжело вспоминать случай, когда отец мальчика, лежащего в госпитале с перебитыми ручками и ножками, попросил опустить с седьмого этажа из своей квартиры одно только пианино. Мальчик был пианистом. Поднимаемся в покосившийся дом, отца мальчика

берем с собой. Заходим в его квартиру, подходим к инструменту, а там вырваны внутренности, порваны струны: кто-то побывал здесь до нас. . . Отец раненого ребенка тихо заплакал. Я его как мог, пытался успокоить. Обнадежил, что пианино можно отремонтировать. Спустили аккуратно покалеченный инструмент на веревках. Слава Богу, таких эпизодов было немного.

В канун Нового года, 31 декабря, в 8 ч 30 мин земля снова вздрогнула. Сообщили потом, что было шесть баллов. Разрушительных последствий этого землетрясения не было. Все, что можно было разрушить, стихия уничтожила 7 декабря 1988 года.

К 1 января все поисковые и вспомогательные работы были закончены. Сдали свое снаряжение в комсомольский штаб для передачи людям: палатки, спальники, примусы. Получили благодарственные грамоты и маленькие узкие бумажки с печатью горкома комсомола, где указывалось, что такой-то был ликвидатором последствий землетрясения в Армении. Эти бумажки были впоследствии оправдательным документом на работе в Киеве, так как большинство из нас не успели перед выездом в Армению написать, как положено, заявление.

Шли с Григорием Чубом по разрушенным улицам Лениакана, наверное, в последний раз. С кузовов машин бесплатно раздавали хлеб. Немцы с машины через громкоговоритель подзывали жителей города и раздавали женщинам и детям одежду, конфеты. Гремели взрывы. Это готовили площадки под застройку будущего города. Подошел старик - он узнал нас. Рассказывал, что ему и его народу русские помогли уже второй раз на его веку. Первый раз это случилось в начале двадцатого века, когда русские спасли армян от турецкого геноцида. Со слезами благодарит за безвозмездную помощь...

2 января на военном самолете улетели домой.

КРОСС ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Авария, о которой пойдет рассказ, случилась в Таджикистане, на спуске с вершины Ходжалокан. Эту вершину я очень хорошо знаю. В восьмидесятых годах на нее было проложено пять маршрутов высшей категории сложности. В то время я был единственным из альпинистов, прошедшим все пятерочные маршруты на эту вершину, а в первопрохождении двух из них мне посчастливилось участвовать. Вершина находится в южном отроге Гиссарского хребта. Она - величественна. Еще в 18 97 году академик В. И. Липский, путешествуя по Памиро-Алаю, сделал следующую запись: "с перевала... виден высокий снежный хребет, гораздо более высокий, чем тот, где мы находились (Перевал Четырех). Главный пик этого хребта, значительно возвышающийся конический..., резко выделяется своей высотой". Вершинный купол состоит из трех огромных мраморных кубов почти правильной формы. Это, просто, чудо природы. Вначале пятидесятых годов известный альпинист и писатель А.А. Кузнецов, увидев вдали вершину, поражающую своей

необыкновенной красотой и величавостью, воскликнул: "Вот это мечта!". Так слово "мечта" стало вторым названием вершины.

"Мечта" оказалась действительно мечтой многих альпинистов, эталоном их мастерства. Как на великую Ушбу Кавказа, к Мечте стремятся многие мастера альпинизма. Эти вершины и по высоте (свыше 4700 метров над уровнем моря), и по двухкилометровым вертикальным стенам, и по красоте и сложности массивов сопоставимы. Даже подходы по двенадцать часов к началу маршрута, тоже равны. Однако к стенам Ушбы подход пролегает через лес и по суровому Шхельдинскому леднику, а к Мечте восемь часов идешь по долине, усыпанной цветами, среди которых особой красотой и нежным запахом выделяются реликтовые почти двухметровые эремурусы. Разная и температура воздуха. На Шхельдинском леднике летом не выше плюс 10 °С, а в долине реки Сиам доходит до плюс 40 °С в тени.

Теперь читатель может представить место, где происходили события.

Обычно, отправляясь для восхождения в отдаленный район, спортивные группы брали с собой мощные радиостанции и помощники-наблюдатели как радиотрансляторы передавали информацию на базу о восхождении. Наблюдатели сначала связывались на малых радиостанциях со спортивной группой, а затем информация передавалась на базу. Таким образом, на горе не чувствуешь себя в одиночестве, ощущаешь поддержку друзей.

На этот раз Кулис и Мигла вышли для восхождения на Мечту. Они планировали пройти классический маршрут по юго-восточному ребру. Вместе с отрядом разрядников спортивная двойка продвигалась по красивейшей долине реки Сиам, вода которой очень холодна и удивительно прозрачна. Два часа хода от альплагеря "Варзоб" привели к переправе через Сиаму. Здесь возле гидрологической базы переправляются на подвесной люльке по стальному канату, а затем через шесть часов тропа следует сквозь заросли цветов и приводит к базовому лагерю на зеленой "луковой" поляне. От базового лагеря разрядники выходят на красивые горы - Корона Сиамы, Шлем, Медвежий Замок и др., а двойка рижан с наблюдателями отправились через Перевал Четырех в долину реки Кадамташ. Идти к подножию Мечты еще около четырех часов, но с Перевала Четырех открывается незабываемое величие пирамиды. Со стороны ущелья Кадамташ альпинистов привлекают теплые скальные стены, вертикальные и сложные.

Кулис и Мигла в хорошем темпе двигались по маршруту. Выйдя на вершину, они связались по рации с наблюдателями, сообщили, что все в порядке, предложили им собрать палатку и отправиться на Перевал Четырех. На перевале наблюдатели должны подождать, пока двойка спустится с вершины, пройдет Перевал Мечта, свяжется с ними по радио, а затем они уже встретятся на зеленой поляне под вершиной Медвежий Замок. Пока совершалось пятерочное восхождение, отряд разрядников выполнил свою программу и отправился на альпинистскую базу "Варзоб", а Кулис с Миглой, сменив на вершине записку, начали спуск по традиционному пути четвертой категории сложности. Будучи в хорошем настроении, ребята заложили два дюльфера на скалах после вершины, затем, траверсируя кулуар, вышли на северный склон

западного гребня Мечты. Здесь, по сравнению с юговосточными и южными стенами горы, наблюдается резкий климатический контраст. Если с юга стены скальные и теплые, то северные склоны, опоясанные мощным ледником, - снежно-ледовые; здесь холодно. Этот ледник своей суровостью напоминает Шхельдинский на Кавказе - и это в центре Таджикистана, в районе одной горы! Ребята, выйдя на северную сторону Мечты, сразу начали крутить ледобуры в лед для страховки, надели кошки и продолжили спуск. Участок крутого ледового склона прошли косым дюльфером, организовали локальную станцию и напрямую начали спуск через бергшруд. А там метров шестьдесят по снегу вниз - и ты на леднике. Дойдя до снега, мужики расслабились, ведь давно не видели снега, решили глиссернуть. Кулис заложил красивую дугу и подъехал к огромному скальному выступу в центре ледника, а Мигла на большой скорости вдруг резко споткнулся и упал как подкошенный. Кулис рванулся вверх к напарнику. Случилось непредвиденное: нога Алдиса попала в ледовую трещину, скрытую под снегом, и в колене его вывернулся сустав, порвались связки...

Кулис дает другу обезболивающее и на себе тащит его вниз на ровное место. Что дальше делать?! На себе раненого далеко не унести, с наблюдателями по радио не свяжешься, станция восходителей маломощная, да и массив Мечты между ними. А день заканчивается, быстро темнеет, впереди ночь. Одному идти за помощью кратчайшим путем через Перевал Мечта очень сложно, тем более в темноте. Для прохождения перевала, нужна крючевая страховка. И Кулис принимает я думаю, самое оптимальное решение - поднимает на себе Миглу на скальный выступ, стоящий посередине ледника, укутывает его теплыми вещами, оставляет воду, лекарства, сверху накрывает друга своей пуховкой, а сам, оставшись в тонком хлопчатобумажном костюмчике, решает бежать на запад вниз по леднику Мечта. Бежал он десять часов. Это был кросс во имя жизни. Только к утру, оббежав весь массив Мечты, Кулис выбрался на Перевал Четырех. Наблюдатели тоже провели бессонную ночь, ожидая восходителей. На утренней связи ребята сообщили о случившемся происшествии в альплагерь.

Спасательный отряд собрался быстро. Олег Капитанов - один из сильнейших альпинистов Таджикистана, строитель Нурекской ГЭС, начальник учебной части альплагеря "Варзоб" - назвал состав спасательного отряда. Кроме Олега в спасательный отряд попали Виктор Иголкин из Магнитогорска, Александр - врач из Луганска, рижане Юрис и Марис. В состав отряда Олег включил и меня. На огромной скорости УАЗ Эрнеста Абдуллаева - замечательного человека и альпиниста, директора альплагеря, - понесся вниз по Варзобскому ущелью. УАЗ был до крыши забит нами и рюкзаками. Довольно быстро по горной дороге мы проехали пятьдесят четыре километра и оказались в Душанбинском аэропорту. Эрнест договорился с пилотами санавиации, и вот мы уже летим на вертолете в сторону Мечты. Пролетаем над альплагерем. Над вершиной Крылья Таджикистана поворачиваем налево и берем курс на Мечту. Еще пятнадцать минут полета - и под нами Мечта. Заходим с северной стороны, пролетаем над ледником, и здесь Олег просит пилота снизиться. Разворачиваемся, внизу уже виден большой камень, а на нем - укрытый красной пуховкой пострадавший. С высоты видно, как по леднику к Алдису идут два человека. Присматриваемся и узнаем фигуры наших друзей

- Карла Миллера и Леонида Альтшулера. Карл, Леонид, Римма и Шаймул тоже совершали восхождение на Мечту и на спуске, утром, увидев лежащего Алдиса, решили разделить. Через Перевал Мечта ушли за помощью

Римма Кудряшова с Шаймулом Галямовым, а Карл с Леонидом остались с пострадавшим. Просим пилота посадить машину на ледник. Командир стреляет из ракетницы, проверяя направление ветра, а затем разворачивает машину и вместо посадки летит на запад, объясняя нам, что слишком узкое ущелье, хотя ледник шириной метров триста и без трещин, но ему виднее. Просим его сбросить хотя бы акью. Снова разворачиваемся и с высоты ста метров над ледником сбрасываем акью. Падает она в нескольких веревках от места, где лежит Мигла. Вертолет с нами уходит, огибая западный гребень на юг, и садится далеко внизу в зеленой долине реки. Спрыгиваем на землю, выбрасываем рюкзаки и бежим в сторону языка ледника.

Темп движения все время на пределе, но весь отряд в отличной спортивной форме. На ходу успеваем обратить внимание на крутые стены Мечты. Здесь давно не было альпинистов. А двадцать лет тому назад, когда совершались восхождения, на такие стены не обращали внимания. Они были в то время проблемными. Двухкилометровые вертикали нависли над нами. Это - необыкновенно сказочная картина, но сейчас не до альпинизма и не до лирики. Мы молча продвигаемся к пострадавшему. Далековато нас выбросил командир вертолета. Под ногами средняя осыпь - самый неприятный для прохождения рельеф. Через два часа морена кончилась и появился ледник. По льду значительно легче двигаться. Быстро выскакиваем на лоб ледника, отсюда перспектива просматривается далеко: мы видим двух людей, впрягшихся, как бурлаки, в акью. Дорогой читатель, только тот, кто тащил акью с человеком, может понять нечеловеческие усилия этих парней, тащивших своего друга. Установив голосовую связь с ребятами, отряд быстро присоединился к транспортировке. Доктор сделал обезболивающий "букет", положили специальную шину на ногу больного и потащили. Относительно прохладно на леднике, но несмотря на это, пот заливает глаза. Тяжело. Постепенно снимаем с себя верхнюю одежду. Темнеет. Рюкзаки, лишние тряпки грузим на Мариса. Он - здоровый парень, как гора огромный, тащит на полусогнутых ногах непосильный для нормальных условий груз. Через каждые полтора-два часа действие обезболивающих лекарств заканчивается. Мигла начинает стонать, а мы останавливаемся и падаем рядом с акьей в изнеможении. Ему еще тяжелее. Врач набирает в шприц новый "букет" обезболивающих и делает очередную инъекцию. Видно, как начинает действовать на больного укол. Засыпая, Мигла совершенно пьяным голосом шепчет: "Ребята, какой кайф. Как в лучших ресторанах Риги". Да, может быть, когда-нибудь и встретимся в рижских ресторанах.

Транспортировка продолжается всю ночь. С восходом солнца мы дотащили акью с больным до травы, на место, куда, по договоренности с командиром вертолета, он должен прилететь. Попадали возле акьи и забылись в полуобморочном сне. Растолкал меня Олег: "Валера, где спички, надо бы примус раскочегарить". Мучительно вспоминаю, что спички в кармане пуховки, а пуховка у Мариса. Оглядываемся, Мариса рядом нет. Олег просит меня поискать его. Поднимаюсь на ноги, пошатываясь, иду в сторону морены. Земля колышется под

ногами, усталость берет свое. За большим камнем, замечаю рукав пуховки, заглядываю за угол - там лежит на спине Марис, разбросав руки и ноги, а вокруг валяются наши рюкзаки и вещи. Как это все он тащил на себе? Пока я будил Мариса, появились из-за морены пошатывающиеся Виктор и Карл. Вот так, дотасив до травы акью с пострадавшим, спасатели выпали. Отключились, полностью выработав все свои силы на спасаловке, самые выносливые альпинисты альплагеря "Варзоб". В одиннадцать утра услышали звук вертолета, а еще через десять минут вся наша команда с пострадавшим летела в сторону Душанбе.

Судьба дважды подарила мне возможность побывать в этих чистых, нетронутых человеком местах: под западными стенами Мечты - озеро изумительной красоты с плавающими айсбергами и берега его покрыты ковром горных цветов. Стены, замеченные нами во время спасательных работ, запали в душу. Очень захотелось пройти эту диретиссиму на Мечту. На следующий год, согласовав с Капитановым план похода, я с отрядом новичков прошел путь Кулиса в обратном направлении вокруг Мечты. Думаю, это пятисуточное путешествие оставило неизгладимый след в душах начинающих альпинистов и инструкторов моего отряда. Восторгом были переполнены наши души от увиденной за эти дни первозданной красоты. Я сделал технические фотографии стены, наметил подходы к началу маршрута, и вскоре мы снова были под стеной. В команде альплагеря, составленной из спасателей, мне удалось пройти красивую почти двухкилометровую вертикаль - маршрут моей мечты, оставивший неизгладимые воспоминания на многие годы. По рассказам рижан, на Новый год, через полгода после травмы, Мигла уже танцевал, вылив бокал шампанского за здоровье спасателей. Правда, в нашу команду для восхождения на Мечту, он еще не смог попасть.

НОЧЬ НА ДЖАНТУГАНЕ

Три недели в горах стояла жара. Небо - летнее, безоблачное. Редко в горах происходят несчастные случаи в такую погоду. Утром 15 групп альпинистов вышли на восхождение. На первой связи от всех групп поступила обычная информация. Однако после связи небо посерело и, как часто бывает в горах, сразу стало пасмурно. Дежурным по Контрольноспасательному пункту (КСП) в этот день был инструктор из Кишинева Константин. Спасатели, позавтракав, собрались выйти на ближайшие скалы для тренировки. И вдруг звук сирены разорвал тишину спасательного пункта. Автоматически смотрю на часы - 9.20, выхожу из своей комнаты, узнать подробности. В коридор выскакивают другие спасатели. Дежурный инструктор спускается из радиорубки и объявляет: "В группе молдаван авария. Попали под камнепад. Есть пострадавший с черепно-мозговой травмой. Авария произошла на северной стене пика Гермогенова по маршруту 3Б категории трудности".

Через двадцать минут спасательный отряд был готов к выходу. Проверив снаряжение, садимся в машину и едем к альплагерю "Джантуган". Здесь кончается горная дорога и начинаются тропы, по которым альпинисты подходят к маршрутам на известные горы, для нас же, спасателей, это - рабочие пути для транспортировки пострадавших. Подъехав к "Джантугану", выскакиваем из машины и, пройдя поляну кошей, в темпе начинаем двигаться вверх по тропе. Много раз ходил здесь, то на ледовые занятия к леднику Кашкаташ, то на восхождения. К сожалению, часто по этой тропе транспортировали пострадавших в высокогорье. Пройли зону леса, возле большого камня повернули налево и двинулись по крутой тропе, выводящей к бивуаку "Турьи озера". Двигались быстро и молча. Я шел впереди, ребята - за мной. На середине тропы услышал срывающееся дыхание идущего за мной Сергея Федосеева, нашего врача, остальные тоже тяжело задышали - нужно передохнуть. Объявил пятиминутный отдых. Сразу же включил радиостанцию; в эфире шли переговоры Сергея Фалеева, руководителя пострадавшей группы, с Константином. Он уже знал, что я со спасателями на подходе. Прерываю их переговоры, так как нужно выяснить точное местонахождение группы на маршруте и состояние пострадавшего. Задал пару вопросов и вдруг понял, что мы идем не на ту гору. Фалеев говорит: "Мы на северной стене Джантугана в трех-четырёх веревках от начала маршрута". Да, Константин ошибся. Очевидно сгоряча, от волнения, вместо Джантугана, сказал нам, что ЧП произошло на пике Гермогенова. Оказалось и на горе он как инструктор должен был быть с молдаванами, а не Фалеев, и почему-то на спасаловку не пошел. Непонятно, ведь они все вместе в Кишиневе и тренировались, и работали, а случилось несчастье, и он остался на КСП и еще послал нас не туда. Но прошло уже пять минут, а нам нужно как можно быстрее добраться до пострадавших, на разборы нет времени. Побежали вниз, а затем по тропе к бивуаку "Зеленая гостиница". В темпе прошли поляну, подошли к леднику, надели кошки. Ледник сильно разорван. Маневрируем между трещинами, приближаемся к началу маршрута. Наконец, перед нами - широкий снежно-ледовый крутой склон - это и есть северная стена Джантугана. Картина раскрылась угрожающая: снег усыпан свежесвалившимися камнями, которые продолжают скатываться,

подпрыгивая по склону, - это крупные, а мелкие камешки жужжат возле уха, как пули, рикошетят о каски. Страшно, но наверху пострадавшие. Делать нечего, движемся вверх, увертываясь, отскакивая от камней. Идем, прижимаясь к правой скальной гряде, тут чуть-чуть безопасней. Мощные грозовые разряды сопровождают нас. Во время очередной вспышки молнии успеваю сориентироваться, но от яркого света на некоторое время становится темно в глазах и кружится голова. Успеваю подумать, молясь, хотя бы никого не зацепил продолжающийся камнепад или разряд молнии.

Однажды, разряд молнии лишил жизни моего друга и напарника по связке Володю Зайцева. Этот случай оставил глубокую сердечную рану.

Прошли один бергштурнд, второй и начали движение по маршруту. Погода окончательно испортилась, морозящий дождь перешел в ливень. Видимость - веревки на две и все время ухудшается. После второго бергштурнда прошли уже три веревки, а группы не видно. Веревки с собой - пять штук. По ходу вверх начали, было, их навешивать, закручивали в лед ледобуры, подготавливая спусковые страховочные станции. Уже навесили все веревки, а группы нет. Начинаю волноваться. Несмотря на грозу, включаю рацию и вызываю Сергея Фалеева. Где же вы?! Оказывается, они выше. Приходится спускаться, снимать уже закрепленные веревки. Это замедляет работу. Связался по рации с альпинистами альплагеря "Эльбрус". Прошу, по возможности, поднести нам еще четыре веревки. Отвечают с поляны "Зеленая гостиница", где отдыхают после восхождений отряды альплагеря "Эльбрус", что с веревками к нам уже вышли. Темно. Становится холодно. Дождь переходит в снежную крупу, которая сыпется с небес потоком, проникая во все щели одежды, бьет больно по лицу. А камни продолжают сыпаться, высекая искры в темноте. Проходя восьмую веревку, наконец обнаруживаем пострадавших. Ребята были не совсем точны с определением своего места нахождения, но их можно понять. Прижавшись друг к другу, они сидят под прикрытием скального карниза. До них осталось каких-то двадцать метров, всего пол-веревки, а веревки уже нет, она вся развешена на перилах. Нам так и не поднесли веревки. Потом оказалось, что вспомогатели, подносившие веревки, заблудились в трещинах ледника на подходе и вернулись на бивуак. Ковыряемся в рюкзаках, достаем все веревочное, что было. Слава Богу, набралось обрезков метров тридцать. Навешиваем последние перила. Первым к пострадавшей группе подходит врач Сергей Федосеев. Пока он работает, думаю как начать спуск раненых, которых оказалось двое. Сначала пытаемся поместить их в акью «валетом», но ничего не получается. Федосеев рекомендует Ивана Пару положить в акью, ведь у него переломана голень и предплечье. Славу Стратулата придется нести на себе и очень осторожно - у него раздроблена черепная кость. Сергей Лобастов контужен, каска на нем разбита, но он начал спускаться по перилам сам, без сопровождающего. Каска треснула и у Фалеева, тоже, видно, хороший удар камнем получил. Марьян держится бодро, но и его задело, есть несколько ссадин. По закрепленным перилам начинаем спуск пострадавших. Анатолий Носков, Александр Булыгин со своим другом Сергеем Гутиевым и Евгением Шором, спускают акью, а мы с врачом и с Марьяном тащим попеременно на себе Славу. Он - в сознании, пытается еще что-то советовать нам. Сергей

Фалеев - замыкающий, он снимает навешенные веревки и карабины с крючьями. Густой снег валит не прекращаясь. Только иногда снежный поток прорезается пламенем молнии, которая рядом в нескольких шагах от нас разряжается в склон. Оглушительная канонада грома сопровождается постоянным свистом пролетающих камней. Справа по ходу - ледовый желоб, метра три глубиной. Не влететь бы туда. Он ведь как мусоропровод в высотных домах: все, что летит по склону, попадает в него, а потом уходит в бергшрунд. Там не удержишься. Весь организм в напряжении, во внимании, сплошной сгусток нервов. Страшно за себя, за ребят.

Вдруг в нескольких метрах от нас внизу на повороте ледового желоба вижу огоньки фонариков в нем. Это ребята, транспортировавшие акью, почему-то спустились внутрь желоба передохнуть. Ужас почти сковывает меня, ведь камнепад не утихает, еще мгновение и их всех сметут камни, несущиеся сверху. Ору не своим голосом, матерюсь, требую, чтобы они, как можно быстрее, выскочили из западни. Реакция - отличная. Пронесло.

К четырем утра снежная гроза внезапно прекратилась. Мороз сковал свободно лежащие камни. Теперь только изредка пролетают "чемоданы". Перелазим через верхний, затем через нижний бергшрунд. Стена закончилась. К шести утра спустились с пострадавшими на верхнее плато Джантуганского ледника. Два часа спустя силами подошедшего транспортировочного отряда пострадавших принесли на бивуак, а еще через час они улетели на вертолете в больницу города Нальчика.

Ивана я больше не встречал в горах. Рассказывали, что он долго лечился. Славе вшили в голову пластинку и он через год появился у нас в горах, да еще и поучаствовал в спасательных работах в ущелье Юсенги.

Комиссия по разбору этого несчастного случая, возглавляемая прекрасным человеком и мастером альпинизма из Одессы, одним из первых инструкторов, инструкторское удостоверение которого номер 32, Виктором Яковлевичем Лившицом, записала, что спасательные работы под руководством В.И. Клестова проведены без замечаний. Сейчас В.Я. Лившиц живет уже в Бостоне, в далекой Америке. А замечание было у меня. На этих спасательных работах я впервые за многие годы, почти сутки работая под проливным дождем и непрекращающимся потоком снега, не промок. Этому способствовал костюм, сшитый из американского материала gore-tex, который не промокает, не пропускает ветер и "дышит". Специальные альпинистские пластиковые ботинки сохраняли ноги от влаги и холода. Увы, такая одежда и обувь были только у меня, остальные ребята промокли до нитки. В магазинах не продавалась нужная спасателям одежда, ею не обеспечивали профсоюзы, которым спасательные службы подчинялись. Мне удалось гортексовский костюм и непромокаемые ботинки выменять у иностранцев за титановые ледобуры. Как бы я хотел, чтобы все спасатели могли работать в такой одежде! Мечты мои осуществились. После создания Министерства чрезвычайных ситуаций, все оперативные спасатели, став профессионалами, были одеты, обуты и снаряжены в соответствии с европейскими стандартами.

МЕРТВЫЙ СЕЗОН

Сезон альпинистских восхождений заканчивается обычно в конце августа. Альпинисты разъезжаются по домам, а в горах наступает тишина. В эфире нет переговоров, в спасательном пункте тоже спокойно. Спасатели могут выйти на свои заветные горы для повышения спортивного мастерства, для получения удовольствия от восхождения на сильный маршрут с друзьями. Необходимо еще подготовиться к длинному зимнему сезону - отремонтировать водопровод, канализацию, выполнить другие хозяйственные работы. Дел хватает. В памятный год "мертвый" сезон начался, вроде, как обычно. Последние альпинистские сборы закончились, альпинисты оформили бумагами с печатями свои восхождения на спасательном пункте и пришли с нами прощаться до следующего сезона. Руководитель сбора, известный в стране альпинист, поблагодарил спасателей за консультации, помощь его сборам и попросил, чтобы его сын и еще пара молодых ребят остались при КСП на неделю. До начала занятий в институте есть время, а парням очень хотелось сделать еще хотя бы одну гору. Возражений не было, тем более кое-кто из сотрудников КСП тоже собирался на гору.

По правилам альпинизма восходители выходили на гору с "благословения" выпускающего, а начальник спасательного отряда проверял маршрутный лист, уточнял путь подъема на гору и спуска с вершины, действия группы в случае аварии, устанавливал время радиосвязи, контрольный срок возвращения с маршрута. Все это записывалось в журнал регистрации выхода групп в высокогорную зону и всегда четко соблюдалось. По этим законам ходили на горы и новички и мастера. Таков был Закон Гор.

Стоял тихий солнечный день. Спасатели приводили в порядок альпинистское снаряжение после сложного летнего сезона, уточняли описания маршрутов. И во второй половине дня, как всегда вдруг, раздалась тревожная сирена. Сколько тревог пришлось мне услышать, но привыкнуть к ним невозможно, они всегда - вдруг. Захожу в радиорубку. Радист пытается выяснить ситуацию, но что-то случилось с рацией группы, передавшей тревожный сигнал. Удалось разобрать только позывной и что у пострадавшего травма головы. Затем связь вообще прервалась. Радист остался вызывать "Луч 14", а ребята пошли одеваться. Я открыл журнал регистраций групп, выходящих в высокогорную зону: кто вышел под этим позывным и на какую гору? Обычно, если я не выпускал, то обязательно принимал контрольный срок у сотрудников КСП. Смотрю на последнюю запись в журнале - записано небрежно: группа из четырех человек вышла на вершину Чегеткарабаши по Восточному ребру Северного гребня 4А категории сложности; выпустил их первый выпускающий. Ни контрольного срока, ни положенной маршрутной документации нет. Разбираться будем потом, а сейчас остается открытым вопрос, где находится пострадавший. Все маршруты на Чегеткару многократно ходил, хорошо знаю, но такая комбинация ребра и гребня, которая записана в журнале регистрации, не классифицирована. В таком направлении нет маршрута на эту гору. На всякий случай, чтобы проверить себя, заглядываю в справочник. Из трех маршрутов четвертой

категории сложности один (с северо-запада) отпадает, другой проходит по восточному ребру, а третий - по восточному контрфорсу северо-восточного гребня. Ребус! Куда выходить спасательному отряду? Выпускающего на месте нет. Нашли альпинистскую книжку одного из участников, где записано, что он был на Чегеткаре по маршруту восточного контрфорса северо-восточного гребня.

Может быть, теоретически правильно обозначать альпинистские маршруты направлениями сторон света, но практически мне всегда мешало это определять путь в горах. Под рукой редко бывал компас, тем более что из-за аномальных явлений в горной местности ориентация по этому прибору сомнительна. Лучше всего, по-моему, ориентироваться по фамилии руководителя первопроходцев конкретного маршрута и по каким-нибудь отличительным признакам рельефа на маршруте.

Итак, выбираем левую четверку по восточному ребру, вернее, маршрут Чегеля. Правый маршрут относительно недалеко, и если не удастся установить радиосвязь, может быть, услышим голоса пострадавшей группы. За пару десятков минут, пока принималось решение о выборе направления поиска, спасатели подготовились к выходу. Машина подвезла нас к альплагерю "Джантуган", а затем поисковый отряд начал подниматься по тропе ущелья Адьлсу вдоль реки. Дойдя до левобережной морены Башкаринского ледника, мы остановились для того чтобы передохнуть несколько минут. База ничего нового не сообщила. Время - начало шестого, скоро стемнеет. Понятно, что придется искать в темноте. Это очень опасная поисковая акция, тем более на камнеопасном маршруте. Даже днем при восхождении по этим маршрутам необходимо двигаться крайне осмотрительно - любое неточное движение может вызвать камнепад. Между прочим, спрашиваю о самочувствии у ребят. Один из парней начинает разгружать свой рюкзак, передавая мне веревки, железо и, сославшись на боль в колене, отправляется вниз. У страха есть запах, он, видимо, его почуял. Я был удивлен. Шли мы довольно быстро до этого места, никто не отставал, не жаловался. Ну что ж, вниз - так вниз. Но пути наши разошлись. С морены мы повернули направо, на ледник, а Алексей, назовем его так, - назад вниз по тропе.

Пересекли ледник, мимо небольшого ледникового озера подошли к началу маршрута. Стало быстро темнеть. Ночной туман густой шапкой накрывал нас. Попытались криком позвать ребят, но наши голоса поглощались облаками. Включаем налобные фонари и двумя связками, двойкой и тройкой, начинаем двигаться вверх по скалам. Маршруты левый и правый скальные, но не монолит, много осыпных полочек. Лазанье не сложное, в основном второй - третьей категории, но даже днем по маршруту нужно идти аккуратно, мягко - много свободно лежащих камней. До надоедливости, даже себе, предупреждаю ребят. Несколько часов работаем в темноте, свет фонарика из-за рельефа выхватывает только небольшие участки. В основном, ищешь зацепки на ощупь, интуитивно. Как аккуратно не шли, но каждый уже свой камень получил. Много камней пулями со свистом, сжимающим душу, пролетают мимо, далеко внизу рассыпаясь ужасно красивыми искрами. Успокаиваешься лишь тем, что раз слышишь свист, то камень не твой. В какое-то мгновение услышали ответ на наши призывы, крики вроде бы

были рядом, но уже более часа работаем вверх после этого, а ребят все нет, и голосов больше не слышать. Усталость начинает наливать в мышцы, в глазах от напряжения неприятная резь. Понимаю, перетерпев минут пятнадцать, все пройдет. Каково моим партнерам? У одного из них, крепыша, ребята его с любовью зовут Малышом, это первые "спасы". Предлагаю остановиться. Стали, попили сок из фляги, пожевали сухофруктов из карманных запасов и... решили идти дальше, ведь ждут нас. Начинает светать. За ночь прошли почти весь маршрут. Для сравнения: средней группе альпинистов в обычных условиях на это восхождение отводится трое суток. Еще одна веревка траверса, и мы на предвершинном гребне. Веревка закреплена. По перилам проходим сорок метров. Осталось пройти последнему Александру, "морячку" из Туапсе, он сидит на самостраховке за выступом на конце закрепленной веревки. Кричим ему: Страховка готова! Ответа нет. Сердце начинает холодеть. Прошу Малыша траверснуть назад, посмотреть, что там с Александром. Как медленно тянутся минуты ожидания... Наконец, Малыш звонким голосом кричит: "Саша заснул, все в порядке!". Отлегло. К восьми утра все собираемся на вершине. Достая из тура баночку с запиской. Фамилий искомой группы нет. Значит до вершины они не дошли. На связи - второй спасательный отряд. Виктор Автомонов сообщает мне, что они подходят под начало маршрута Гарфа. Подхожу к краю вершинной площадки и, глядя в сторону начала этого маршрута, ясно вижу людей глубоко внизу на площадке возле большого "жандарма". Ребята подтверждают, - это те кого мы ищем. Об этом говорю по рации Автомонову. Договариваемся, что его отряд, подымаясь к большому "жандарму", навешивает перила, а мы начинаем дюльферять с вершины напрямую к пострадавшему. Шесть веревок быстрого спуска, и я уже возле раненого парня. Он без сознания, правая часть головы пробита, пульс еле прощупывается, очень слабое дыхание. Освободил нос от сгустков крови: сразу задышал. По рации врач подсказывает о составе лекарств для инъекций. Точно выполняю его рекомендации. Проходит минут десять, акья уже рядом, быстро ее подняли спасатели второго отряда. Мы уже объединились. Перила провешены до ледника, налаживаем верхнюю страховку. Михаил, мой земляк, просит назначить его сопровождающим акьи с пострадавшим. Это - ответственная и тяжелая работа. Даю добро и становлюсь на страховку. Ребята аккуратно укладывают больного в акью, он уже ровно дышит, подносят ее на край площадки, и спуск начинается. Параллельно организовываются дюльфера для нашей эвакуации. И вдруг снизу крик Михаила: "Валера, быстрее, ко мне, Дима не дышит!". Передаю страховку Александру и дюльферю на восемьдесят метров. Дима лежит спокойно, с левого глаза катится слеза, а на шее ниточкой дергается пульс и останавливается. Делаю искусственное дыхание. Не помогает. Массаж сердца. Поочередно делаю искусственное дыхание и массаж. Пульса нет. Димины мышцы твердеют на ощупь. Это все... Ну, что я мог еще сделать!?

Сутки прошли с того момента, когда, проходя "жандарм", Дима нагрузил "живой" камень, и сорвавшись ударился головой. Сутки с начала "мертвого" сезона..

ДИЛЕММА

Ущельская комиссия пытается разобраться с тем, что произошло при спуске с вершины. На столе куча бумажек с объяснительными записками, документами, журналами радиообмена и выпуска. Специалистам необходимо выяснить причину несчастного случая и сделать рекомендательные и дисциплинарные выводы. Рекомендации комиссий обобщали причины ЧГТ и изучались восходителями, дабы не повторять трагических ошибок. Но всегда, кроме технических и прочих ошибок из-за которых произошло ЧП, подспудно подразумевалось наказание участников и организаторов восхождений. Такова была идеология системы в стране. Наказывали восходителей понижением разрядов, снимали инструкторские звания, выпускающих лишали права выпуска. Во многих случаях «карающий меч» комиссий был справедлив, но порой действовали по принципу советского «отца» народов - «лес рубят - щепки летят». Сама социальная система толкала на обязательные наказания. Даже специалисты-мастера, инструктора высших категорий, привлекаемые в ущельские комиссии, в случае «неправильных» выводов могли быть наказаны.

Комиссия, рассмотрев маршрутные документы сразу выяснила, что группу на гору выпустил инструктор не имеющий на это права. Опросили парня из спортивной группы, который сообщил об аварии, перед этим пробежавшего несколько часов по леднику. Ничего толком объяснить он не смог кроме того, что на них посыпались из кулуара камни. Начался опрос разрядника, который взял на себя ответственность на горе в момент кульминации. Юридически смерть может констатировать только врач, но спортивные альпинистские группы, в состав которых входили бы врачи, редкость. Максиму, так звали парня, пришлось взять на себя ответственность по определению жив или нет один из пострадавших. Это сложнейшее решение ему, еще не опытному альпинисту, пришлось принимать быстро и от этого зависела жизнь другого его товарища.

Сиплым, подсевшим от холода и волнения голосом, он рассказывает:

- Нас было четверо. Закрутив в лёд ледобур для страховки, мы с Толиком спустились на полку. Я стал на само страховку за выступом в конце веревки, а Толик ушел вниз по кулуару - там уже было не круто. По веревке вниз начал спускаться Андрей, а Сергей стоял выше на страховке. Андрей прошел ледобур и уже приближался ко мне. В это время сверху пошли камни, которые сбили Андрея и Сергея. Они повисли на веревке, проходящей через ледобур. Не составляло трудности определить, что они сильно травмированы. Я крикнул Толе чтобы он бежал за спасательным отрядом, а сам, выждав момент, когда перестали лететь камни, подошел к ребятам. Они висели на натянутой веревке по обе стороны ледобура, уравновешивая друг друга. Сергей был без признаков жизни. Андрей - без сознания, но прижавшись к нему я услышал слабое дыхание. Я понял, что необходимо каким-то образом приспустить Андрея. Двоих приподнять у меня не было сил. Я отстегнул от веревки Сергея и он соскользнул вниз.

- Вы убили его. Какое вы имели право определять жив ваш товарищ или нет? Перебивает взволнованный рассказ врач лагеря, член ущельской комиссии.

Максим потупившись молчит.

В комнате наступает гнетущая тишина. Затем заговорили одновременно все. Лишь начальник школы инструкторов, тоже член комиссии, Виктор Васильевич Жирнов довольно тихо произнес, но его слышали все:

- Максим, объясни, как ты определил, что у Сергея не было признаков жизни.

- После того как я понял, что он не дышит и не прощупывается пульс, заглянул ему в глаза. Они были неподвижны, зрачки расширены. Чтобы окончательно убедиться в том, что Сергей ушел из жизни, я пальцем прикоснулся к его зрачку. Реакции не было никакой, он не моргнул и я все понял. После этого я отстегнул его карабин и потихоньку начал спускать Андрея.

В комнате, где заседала комиссия, начался галдеж. Кто-то продолжал обвинять Максима, некоторые - защищали. Виктор Васильевич попросил выйти парня в коридор.

- У нас здесь заседают опытные инструктора и мастера альпинизма. Представьте себя на месте второразрядника и что бы вы сделали на его месте? Задал вопрос Виктор Васильевич.

- Но он не имел юридического права констатировать смерть. Это может сделать только врач. И если пострадавший все-таки был жив, то при падении после того, что его отцепили, мог получить травмы несовместимые с жизнью? - Настаивал врач альплагеря.

- Какие могут быть юридические моменты в такой ситуации? При

сложившихся обстоятельствах Максим поступил верно. Своим поступком он спас жизнь второму пострадавшему. Я бы действовал также. - Произнес опытейший мастер, начальник спасательного отряда альпинистского лагеря.

После этого высказывания председатель комиссии В. В. Жирнов предложил не наказывать участников восхождения и признать их действия правильными. С ним согласились.

А за двое суток до разбора...

В «каюту», в которой жили тренеры школы инструкторов Володя Болонин и я, стремительно зашел Виктор Васильевич Жирнов - начальник школы, Человек и Тренер с большой буквы.

-Мужики, прошу собраться на спасработы. Разрядники альплагеря при спуске с вершины попали под камнепад. Валера, назначаю тебя руководителем спасательного отряда. В твоём распоряжении тренеры и курсанты школы.

Такую просьбу в альпинизме выполняют беспрекословно, тем более, что она исходила от В.В. Жирнова. Слово беспрекословно звучит как-то по- армейски, но с возникновением чрезвычайной ситуации, оно применимо. В горах никто не поможет пострадавшему кроме самих альпинистов и, это аксиома.

Виктор Васильевич с таким энтузиазмом руководил Школой инструкторов, проводя с необыкновенной самоотдачей теоретические и практические занятия, что невольно каждый заражался его энергией. Всегда хотелось, работая впоследствии с профессионалами-спасателями, походить на него.

Команду мы получили во второй половине дня. Вечерние сумерки подступили к альплагерю. Густой туман покрывалом накрыл все вокруг. Пасмурно и сыро. Видимости практически нет.

Изрезанный глубокими трещинами огромный ледник использовался альпинистами, как кратчайшая дорога по которой можно подойти к долгожданным вершинам. Однако даже в хорошую погоду путь по нему опасен. Любая небрежность или невнимательность и можно угодить в глубокую трещину. Опытным инструкторам приходилось в непогоду или с наступлением темноты, не найдя тропы, останавливаться на ночевку на леднике рядом с альплагерем.

Иду практически ничего не видя перед собой и напрягаюсь от ответственности. Двадцать с лишним ребят спасательного отряда, шагают за мной шаг в шаг. По леднику с многочисленными трещинами на ночь глядя, ходить нельзя. Но на спасательных работах, ради попавших в беду людей делается то, что обычно запрещено, и поэтому движение на ощупь продолжается. Напряжение снимало то обстоятельство, что рядом со мной шагал мой партнер по альпинистской связке Володя Болонин - надежный человек как на Горе, так и в жизни. И это придавало мне уверенности в выборе пути.

Интуиция в очередной раз не подвела. В абсолютной темноте, пройдя испещренный трещинами ледник, всем отрядом выходим на бивуак «баран- кош». А на рассвете уже по морене спасатели подошли к месту аварии.

Когда идёшь на спасательные работы, обычно имеешь скудную информацию о состоянии пострадавших. Перед выходом начальник спасательного отряда альплагеря нам сказал, что на спуске с горы, в кулуаре камнепад сбросил отделение разрядников и что пострадавшие в тяжелом состоянии. По документам командиром отделения числилась инструктор Жданова. Подробностей больше никаких.

В альпинизме всегда приходится тяжело женщинам из-за больших физических и моральных нагрузок. Поэтому к женщинам-инструкторам мы, мужики, относились особо трепетно, видя как стойко они переносят трудности высокогорья наравне с нами.

Людмила Жданова, несмотря на тяжкий инструкторский труд, была женственна и обаятельна. Мне нравились её человеческие качества. Поэтому, зная о несчастном случае с ее группой, силы удваивались. Мы шли на помощь коллеге сквозь темноту по опасному леднику с максимально возможной скоростью. Впоследствии оказалось, что Люда не участвовала в этом восхождении. Это было первое самостоятельное восхождение ее разрядников.

Под вершиной в кулуаре спасатели пострадавшему с черепной травмой оказали первую помощь и тут же в акье понесли его вниз. Оставшийся отряд начал транспортировку тела. После ночи, целый световой день продолжалась изматывающая физически и морально работа транспортировщиков.

Акью с пострадавшим обычно несут шесть человек. Сил хватает пронести человека на руках в условиях высокогорья, по бездорожью ледника, заваленного остатками скальных пород, минут на десять. Затем требуется смена. Но отдыха у сменившихся спасателей, в обычном понимании, нет. Сменившиеся альпинисты, в процессе так называемого отдыха, поддерживают шестерку транспортировщиков, не давая им споткнуться на неровностях ледниках или идут впереди и расчищают путь отряду от хаотически разбросанных природой ледяных надолбов и камней. Напряженная работа не прекращается ни на минуту. Каждые десять минут лямки акьи передаются на ходу новой смене. Слышны только тяжелое прерывистое дыхание работающих парней, периодически раздается команда «смена!», да иногда переговоры по радиации с базой. И так, в течение многих часов. По радиации сообщили, что парня с травмой головы уже отправили из лагеря на машине в больницу. Начинает смеркаться. Стрелки часов приближаются к девятнадцати. Вот уже рядом альплагерь. Подъем с ледника по крутой тропе и нас уже встречают начальник лагеря, начспас и начальник Школы инструкторов. Мы подходим потные, грязные, разгоряченные, опуская акью уже не на лед, а на землю. Здороваемся. Начспас держа двумя пальцами сигарету нервно курит. Виктор Жирнов подошел ко мне и обнял. Молчаливо таким образом, благодарит за выполненную работу меня и моих коллег. Чувствуется как исходит от него какая-то теплая подбадривающая энергия. И тут раздается какой-то непривычно жесткий голос начальника альплагеря.

- Юрий Сергеевич, (начспас, авт.) дайте команду спасателям отнести акью с телом назад метров на триста, на ледник. Ведь в альплагерь приехали мои гости, неудобно перед ними,

когда в лагере будет находиться тело пострадавшего. Юрий бросил на землю сигарету, тщательно растер её носком ботинка и тихо, но очень решительно и не менее жестко произнес.

- Это конец. Спасательные работы окончены. Ребята, спасибо за работу. Вам приготовили баню, а потом вас покормят.

Начальник спасательного отряда был поставлен перед выбором. Не прогнулся перед начальством, рискуя потерять работу. Он, опытный ас, понимал, что измотанные люди такой приказ все равно не выполнят.

ЦЕПОЧКА ВОКРУГ ВЕРШИНЫ

Оперативная работа в спасательной службе дает возможность сталкиваться с человеческой моралью. Случается, сталкиваешься лицом к лицу с тяжелейшими людскими драмами. Обычно к драме приводят серии ошибок, проанализировав которые, приходишь к выводу, что катастрофа была как будто запрограммированной. Продолжительное время у нас в альпинизме существовала система подготовки спортсменов от новичка до мастера, ключевой фигурой которой был инструктор-тренер. В отличие от других видов спорта альпинизм требовал от тренера быть действующим спортсменом, постоянно совершенствоваться. Инструктор должен не только показывать правильные технические приемы, но и отвечать за безопасность людей, с которыми он работает. Мало научить правильным приемам, необходимо еще и совершать со своей группой восхождения, на практике выполняя не только технические и тактические приемы, но и создавая теплый моральный климат у подопечных в непривычных высотных условиях.

История, о которой я поведаю, началась в одном из альпинистских лагерей Кавказа.

Тренировки проводились в "скальной лаборатории". На этом скальном плацу можно отрабатывать практически все приемы, встречающиеся в горах на скальном рельефе. Четверо второразрядников двумя связками двигались с попеременной страховкой. Закрепили на выступе веревку и начали спуск. Выступ оказался "живым". Ребята при спуске его нагрузили и камень упал, увлекая их за собой. Результат падения - тяжелейшая травма головы у одного, и проникающее ранение грудной клетки у другого. Помощь спасателями была оказана. Пострадавшие отправлены в больницу.

В альпинизме имеется "институт" разбора и анализа несчастных случаев. По моему мнению, специалисты, собираемые в комиссию из многоопытных инструкторов с высокой спортивной квалификацией, довольно объективно могут проанализировать причину несчастного случая и дать рекомендации на будущее. Анализ этих комиссий сокращал повторение непростительных ошибок. На основе материалов комиссий дописывались правила поведения людей в горах.

Комиссия внимательно рассмотрела эту аварию и пришла к выводу о том, что травм могло и не быть, если бы инструктор сам проверил место проведения занятий. Павел же занял место наблюдателя. Но цепочка нарушений, увы, началась раньше. Начальник учебной части альплагеря не должен был назначать Павла тренером разрядников из-за его малого инструкторского опыта. Павел это положение тоже знал, но очень хотелось. После случая с травмами на занятиях комиссия принимает решение, которое должно прервать цепочку нарушений: "запретить инструктору работать с учебными подразделениями в текущем году". Ошибки в горах чреватые, а правила, написанные кровью, желательно выполнять. Однако цепочка нарушений законов гор продолжилась и окончилась она весьма трагично. Руководитель учебного процесса в альплагере уговаривает начальника КСП проигнорировать решение комиссии и, мотивируя нехваткой инструкторов, допустить к дальнейшей работе провинившегося инструктора. Мало того, он выпускает в течение месяца на восхождение инструкторов, работавших с учебными отделениями. Участники ходили на восхождения без наблюдения тренеров. Вышли на очередное восхождение Павел с другим инструктором Михаилом и на этот раз, бросив подопечных. Был заявлен маршрут высшей категории трудности на вершину Вольная Испания. Это - один из сложных и красивых путей на вершину. Начинается маршрут с высокого ледового плато, где обычно перед штурмом вершины организовывается бивуак. С него просматриваются все детали пути восхождения - вначале подход по крутому льду с преодолением бергшрунда, затем почти четыреста метров сложного лазанья по вертикальной скальной стене, а потом - через снежный гребень выход на вершину. Технически сложный, но очень привлекательный маршрут. Ежегодно одна-две группы смельчаков высокой квалификации совершают восхождение по этому пути. Интересно, что из четырех маршрутов высшей категории на эту вершину маршрут Мышляева самый трудный, но и наиболее безопасный. После выхода на вершину восходителем спускаются обычно по простому пути, где ходят младшие разрядники. Здесь, в основном, движение по леднику, покрытому снегом, крутизна небольшая. С вершины можно спуститься за два-три часа.

Утром на спасательный пункт по радио поступила информация от чехословацких альпинистов, о том, что в районе, где они находятся, под вершиной Вольная Испания, один "мальчик" упал в трещину под маршрутом. Через двадцать одну минуту спасательный отряд выехал в сторону альплагеря "Джантуган". За два с половиной часа поднялись почти бегом по крутой морене к бивуаку "Рыжие камни". Встречаем там чехословаков, а с ними Павел. Останавливаюсь. Остальной отряд с врачом бегут вверх дальше. Спрашиваю у него о подробностях случившегося, хочу уточнить место, где находится пострадавший. Павел что-то невнятно говорит. Вытаскиваю блокнот. Даю ручку: рисуй. Смотрю, рисует склон вправо от горы, а это - спуск с вершины. На склоне рисует трещину и отмечает место, где находится Михаил. Столбенею. Начинаю расспрашивать подробнее. Рассказывает, что вместо заявленного маршрута они пошли по более легкому. Вышли с бивуака затемно, в три часа ночи, и очень торопились. Ведь, если бы их кто-то увидел, они не смогли бы занести в мастерскую "клеточку" маршрут высшей категории. И обман они спланировали.

Михаил шел первым в связке. Перешел бергшунд по снежному мосту и начал принимать через ледоруб партнера. В момент прохождения снежного моста Павел провалился. Страховка через воткнутый в снег ледоруб не выдержала, и Михаил катапультировал в трещину. Задаю еще вопросы:

-Пойдешь со мной доставать Михаила?

-Нет, я побился.

-Где болит?

-Бедро.

-Снимай штаны!

Внимательно его осматриваю. Кроме нескольких незначительных царапин ничего. Еще раз предлагаю идти наверх со мной. Молчаливый отказ. Да, перед этим, он пробормотал, что с Михаилом в трещине переговаривался, а когда тот замолк, с помощью ледобуров и веревки выбрался на поверхность.

Рванул я один бегом вверх по леднику, затем по ледопаду на плато. Ведь спасатели, рискуя собой, будут искать Михаила в бергшунде под маршрутом Мышляева, а в это время дня именно сюда, минуя стену, падают камни с вершины. Единственной моей целью было остановить коллег и направить их туда, где действительно находится Михаил. Выскакиваю на плато. Ребята уже подошли к краю трещины. Кричу. До ребят метров шестьсот. Долго не могли понять, почему я их направляю в бергшунд на маршруте третьей категории трудности. Наконец, поняли. В бессилии падаю в снег. Выдохся. Спасатели подошли к бергшунду. Спустились в трещину на глубину двадцать пять метров и увидели там заклиненного Михаила. Достаточно было вырезать лежащую в клапане рюкзака радиостанцию, чтобы поднять на поверхность тело погибшего. В трещине на Михаиле лежала веревка и выше в семи метрах над ним узел "проводник", который был ранее закреплен на Павле. Это означало, что он отстегнулся, не спустившись к своему другу и, спасая себя, ушел. Объяснить это невозможно. Цепь замкнулась.

РИСК РАДИ ТРАДИЦИИ

Принимать какое-либо решение всегда ответственно. Во много раз ответственней принимать решение, связанное с жизнью человека. А спасателям приходится принимать решение о прекращении поисковых работ, сознавая, что завтра придется смотреть в глаза

родственникам, близким друзьям пропавшего. Думаю, это можно делать, только исчерпав все возможности и убедившись, что дальнейшие работы могут привести к новым жертвам.

По опыту многих лет работы в горах знаю, что наиболее подходящее время для восхождения на Ушбу - это конец июля - начало августа. Обычно, когда приходят альпинисты за советом о состоянии маршрута к спасателям, особенно на такие вершины, как Чатын, Шхельда, Ушба, стараешься дать максимально полезную информацию. К нам стекаются от восходителей самые свежие сведения, да и сами спасатели имеют возможность, совершенствуясь, осуществлять спортивные восхождения. Конечно, беседуя о сложных маршрутах, всегда внимательно присматриваешься и прислушиваешься к собеседнику, ведь твоя рекомендация может стать решающей во время восхождения. Важен анализ предварительных тренировочных восхождений и психологическая подготовка спортсменов, идущих на сложный маршрут. Порой бывали тяжелые собеседования. Мне, делая вывод из этих бесед, приходилось иногда не рекомендовать выход на желанную гору. Всегда это воспринималось сиюминутно, как несправедливость.

Так случилось и в этот раз. Группа спасателей прошла за несколько дней до состоявшегося разговора траверс Ушбы. Заявку на этот маршрут подала группа харьковчан. Состояние траверса было опасным - свежий снег, огромные карнизы. Прошли маршрут ребята тяжело, пришлось даже посылать поддержку к перевалу Бечо, чтобы облегчить возвращение уставшим после восхождения альпинистам. Поэтому исходя из состояния маршрута я вынужден был рекомендовать ребятам воздержаться пока от восхождения, тем более что в составе группы двое второразрядников. Хотя формально, по правилам, спортсмены второго разряда могли идти на маршрут 5А категории сложности. Но Ушба, как первая пятерка, при тяжелом состоянии маршрута, конечно, неудачный выбор. Это и высказал Володе, давнему моему приятелю, коллеге по высотным работам. Ребята, с которыми он собрался на гору, работали с ним в одной бригаде высотников. Может быть, поэтому были какие-то обязательства, мечты, не знаю, но земляки, несмотря на предупреждение, все же вышли на восхождение.

Рассказывая о восхождении, Вячеслав отметил, что после ночевки на "подушке" Северной Ушбы (это снежное плечо, где обычно останавливаются на ночевку восходители) двумя связками, двойкой и тройкой, утром они вышли на маршрут. Прошли выступающие скалы сначала тройка: Вячеслав, Петр и Степан, а затем двойка: Владимир и Илья. Опасный участок с залитыми и обледенелыми скальными выступами позади. После этого начали двигаться по крутой трехсотметровой снежно-ледовой "доске". Ушба требует от восходителей большого внимания на каждом шагу. По моему мнению, на горе нет места, где можно расслабиться и не страховаться. Снежная "доска" в зависимости от сезона, погоды, состояния фирна проходится по-разному, но всегда с тщательной страховкой, просто есть куда падать. Позднее Вячеслав рассказал, что во время движения его тройки они вдруг услышали шум скользящего тела. Петр видел скольжение, а затем и момент, когда Владимир с Ильей скрылись за перегибом... Это была авария, вернее начало трагедии. Крики тройки, повиснув в воздухе, остались без ответа...

Спускаясь по пути падения двойки, ребята вышли на снежную полку, на которой увидели рюкзак Ильи, выпавшие вещи и детали разбившегося фотоаппарата Владимира. Дальше начинался ледовый сброс, а затем ниже и скальный. Спускаться дальше по гребню, чтобы просмотреть путь падения, было невозможно. Рация улетела с Владимиром, поэтому сообщить кому-либо о несчастье они не смогли. Что делать? Ответ на этот вопрос сложен и многогранен. Есть в альпинизме правила, написанные кровью, есть неписанные Законы Гор. Конечно, жить точно по пунктам правил невозможно, тем не менее, согласно правилам, в отдаленный район одну группу не отправляют. В крайнем случае выделяют наблюдателей для постоянной радиосвязи. После пропуска двух штатных радиосвязей, спасательный отряд альплагеря обязан был немедленно выйти к группе, не вышедшей на связь. По Законам Гор, одному по разорванным ледникам ходить нельзя, а группа, в которой произошла авария, ищет пропавших до прихода спасательного отряда.

Ребята решили разделиться. Вячеслав один направился через Ушбинский ледопад, а затем по Шхельдинскому леднику за спасательным отрядом, а двойка продолжила поиск. Так они решили и, Бог им судья. Две безответных радиосвязи прошло, но почему-то альплагерь оставался в ожидании, никто не вышел на спасательные работы. Собираться в альплагере начали вечером, только после прихода Вячеслава. Кстати, в состав спасательного отряда вошли курсанты и тренеры школы инструкторов. На следующий день отряд ждал прибытия вертолета, и лишь во второй половине дня спасатели вышли в далекий путь под Ушбу. В этот день вертолет, по каким-то причинам, вылететь не смог. Двойка, оставшаяся под Ушбой, как впоследствии оказалось, спустилась к "охотничьим ночевкам" в Сванетию, поставила палатку и начала искать упавших в кулуаре, разделяющем Северную и Южную вершины горы. Это очень опасный кулуар, в него сбрасываются все отколовшиеся камни и лед с обеих вершин.

Пять суток работали спасатели на склонах Ушбы. На вторые сутки были обнаружены на скальном выступе под висячим ледником трое погибших. Трагедия стала ясной. Петр со Степаном, обнаружив тело Ильи, попытались вытащить его на вершину выступа. Во время их работы, обвалился ледник. Обрушившийся лед убил ребят.

На третьи сутки вертолет, несмотря на ураганный ветер, пробился в наше ущелье. За штурвалом, как всегда, был Алексей Севостьянов, наш дорогой водитель спасательного вертолета. Работа пилота в горах, для которого эти полеты являются обычной каждодневной работой, так отличается от работы обычных летчиков, как профессия космонавта от директора аэроклуба. Загрузили на борт продукты для спасательного отряда, и я вместе с начальником учебной части альплагеря полетел на вертолете, чтобы разобраться в обстановке. Ведь оборвалось четыре жизни. Решение, как работать дальше, надо принимать на месте. На подлете к Ушбинскому ледопаду очередной раз раскрылся вертолетный талант А. Севостьянова. Он попытался развернуть вертолет направо, чтобы залететь через Ушбинский ледопад на плато, однако ураганный поток ветра с перевала нашу многотонную машину как пушинку бросил в противоположную сторону ущелья. Возле кабины наблюдаю за работой пилота. Становится как-то страшно, а он спокойно выравнивает машину и берет курс дальше на Сванетию.

Облетаем Ушбу с юга и с другой стороны залетаем на плато. Короткая просьба командира экипажа: "Ребята, побыстрее работайте". Алексей решил все-таки приземлиться на снежное плато, а здесь четыре тысячи сто метров и вокруг скалы. Несмотря на ураганный ветер, машина зависает метрах в полутора над ледником. Быстро выбрасываем ящики с продуктами и выпрыгиваем из вертолета, который ветер сразу уносит в сторону и он исчезает за поворотом. К нам подходят спасатели. Вместе, загрузившись ящиками с продуктами, канистрами с бензином, отправляемся к бивуаку, расположенному на плато под "забором" Шхельды.

Солнце быстро заходит за склоны гор. Должно похолодать, ведь мы на большой высоте, однако потеплело, утих ветер, под ногами появился противный кислый снег, насыщенный влагой. Спустя полчаса после прилета на бивуаке собрался весь спасательный отряд. Планируем выход на завтра. Часть отряда продолжит поиск Владимира. На прямой вопрос, кто пойдет под висячий ледник снимать тела погибших - опущенные головы, молчание. Говорю, что мне, как профессиональному спасателю, положено идти снимать трупы, но один с тремя телами я не справлюсь. В ответ - тишина. Вообще, на любых спасательных работах старался не командовать, а тут разве можно приказать, в любой момент могут обрушиться глыбы льда... Здесь жизнь и смерть реально приблизились друг к другу. Риск ради чего?! - Древняя традиция предков: предавать земле тела своих близких. Хриплые голоса двух Олегов и Миши почти одновременно произнесли: "мы с вами". Вячеслав рванулся тоже, но я его оставил, хватит риска для него. Как-то обыденно произношу, что остальные свободны. Садимся обсуждать, как нам работать, готовим веревки, снаряжение. Принимаю решение работать с двух часов ночи до семи утра. К двум часам ночи немного похолодает и лед перестанет падать, а после семи утра солнце освещает ледник и он опять активно бомбит льдом и камнями по кулуару. В два часа ночи выходим. На плато под ногами мокрая каша из снега. Подходим к ледовой стене, начинаем двигаться с попеременной страховкой. По ходу движения крутим ледобуры, закрепляем перила. Через три с половиной веревки выходим на снежную площадку. Траверсируем под висячим ледником и выходим на скальный выступ, на котором лежит тело Петра, пристегнутое к локальной петле. От нее уходит вниз натянутая веревка, на конце которой закреплены тела Ильи и Степана. Молча начинаем работать. С помощью полиспаста поднимаем тела на выступ, готовим станцию для переправы их из-под висящего над нами ледника. Смотрю на часы - 6.45. Надо уходить. Несколько кусков льда упало рядом, осколки бьют по каскам. Неприятно, внутри холодок. Траверсируя по скалам, возвращаемся к навешенным веревкам. Тут немного вздохнули - сюда лед не долетает. По закрепленным веревкам спускаемся на плато и идем к бивуаку. Тяжело опускаемся возле палаток. Страшно хочется пить, благо, ребята из отдохавшего ночью отряда уже завтракают. Вооружившись биноклями, они днем снова уйдут на поисковые работы. Будут тщательно просматривать кулуар с противоположных склонов. Спрашиваю у ребят:

-Почему чай без сахара?

-Завхоз с целью экономии продуктов выдает по одному кусочку.

-Не понял, какой завхоз на спасработах?

Вообще, впервые встретил такую должность в спасательном отряде. Переусердствовали тренеры школы. Обращаюсь к руководителю школы с вопросом. Тут же происходит сокращение завхоза в штате спасотряда, и спасатели плотно завтракают, напиваясь до отвала уже сладким чаем. Несмотря на ночную работу, спать не хочется. После завтрака выхожу на связь с КСП, сообщаю по радио о выполненной работе, о планах на сегодняшний день и предстоящую ночь. Затем садимся с тренерами и разделяем на группы ребят, в поисковую группу и в транспортировочную. Ночью мы опять той же четверкой идем под нависающий ледник, а за нами, через полчаса по плану должны выйти двенадцать транспортировщиков. После того, как мы натянем канатную дорогу, начнутся транспортировочные работы. Дорога дает возможность работать ребятам в безопасном месте. Незаметно пролетает световой день. К сожалению новостей по поиску нет. Как наметили, выходим четверкой в два часа ночи с включенными налобными фонарями. Сыро, под ногами та же снежная каша. Такое на плато на высоте четыре тысячи метров ночью бывает редко. По закрепленным веревкам быстро поднимаемся на жумарах. Подойдя к скальному выступу, начинаем налаживать подвесную дорогу для транспортировки тел. Прошло два часа работы, на "зубах" перетащили одно тело. Силы на пределе, а транспортировщиков все нет. В чем дело? Где люди? Я рассчитывал, что через два с половиной часа поднимутся все. Наконец появляется первый на снежной полке. Да, для спортсменов, претендующих на звание инструктора, оказалось проблемным хождение по готовым вертикальным перилам из четырех веревок. Наверное вырождается школа инструкторов, а может быть, еще что-то мешает. Обычно разрядник проходит сорок метров закрепленной веревки за пять-десять минут. Ладно, не до разборок. Цепляем еще два тела, и вновь прибывшие, стоя в безопасном месте, вытягивают тела по подвесной "дороге" из-под опасного ледника. Восьмой час. Прошу Жору, врача, пока мы будем снимать локальные петли, карабины, веревки, внимательно с включенной рацией следить за висящим над нами льдом, чтобы, если что, предупредить нас. Рации у нас тоже постоянно включены. Наконец, уходим вниз, спуская на плато тела погибших.

Портится и так плохая погода, начинается снег с дождем. За спиной грохочут падающие, отколовшиеся глыбы льда. Слава Богу, никого уже там нет. Земляки погибших альпинистов хотели продолжить поиск Владимира, однако наша рекомендация, а затем и акт о прекращении поисковых работ в связи с реальной опасностью для жизни спасателей работы остановили. Отряд ушел на юг в Сванетию и через перевал Бечо вернулся в альплагерь. Спустя день, на плато приземлился вертолет Алексея Севостьянова, в который были погружены останки погибших и он взял курс на Нальчик.

в СВАНСКОЙ СВЯЗКЕ

Тревожная телеграмма пришла из Сванетии,- высокогорной области Грузии, расположенной на южных склонах Главного Кавказского хребта. Проживающие в Сванетии горцы, одни из немногих народов мира, живущих высоко в горах, профессионально занимаются альпинизмом. Сын этого народа Михаил Хергиани, известен своими спортивными восхождениями во всем мире. Спустя десятилетия маршруты на известные горы, пройденные им, актуальны среди сильнейших альпинистов. В свободном лазании он был одним из лучших восходителей всех времен. Человек, рожденный альпинистом, к сожалению, трагически погиб в Италии, на стене высшей категории - Суальто. Михаил Хергиани обладал необыкновенным чувством прекрасного, человечностью, любовью, которую он питал к своей земле и ее людям. Сваны с пониманием чтят своего национального героя. В столице Сванетии - Местии есть музей и памятник Михаилу Хергиани. За ним, единственным в мире, закрепилось звание "tiger of rock". Спортивные достижения Михаила Хергиани и его друзей Иосифа Кахеани и Евгения Гиппенрейтера отмечены высокой наградой королевы Великобритании. Михаил был Спасателем с большой буквы. Он, как и многие его земляки, считал участие в спасательных работах делом чести.

В пришедшей на спасательный пункт Эльбрусского района телеграмме слышен был крик: "Просим прислать людей для поисковых и транспортировочных работ. На вершине Ушба Южная несчастный случай с чехословацким альпинистом. Маршрут, где случилось несчастье, по альпинистской квалификации, - высшей категории трудности. Спасателей, способных провести эту акцию, в Сванетии не хватает". Понятно, что по ряду причин в последнее время развитие альпинизма затормозилось, особенно в Грузии, где одна за другой погибли две команды сильнейших альпинистов. Для формирования полноценного спасательного отряда в отдаленный район на маршрут высшей категории сложности необходимо не менее восьми человек. У нас на КСП штатных спасателей не густо, всего двое на огромный район, но в каждом из пяти альплагерей региона имеются общественные спасательные отряды. Обращаемся по радио в альплагерь. Нужны альпинисты с квалификацией не ниже кандидата в мастера спорта по альпинизму, находящиеся в хорошей спортивной форме. Альплагерь "Эльбрус" и "Баксан" выделили по три человека. От КСП идем Алексей Андреев и я. Мне поручено руководить отрядом. Собрали ребят, снаряжение, начальник спасательной службы вызвал вертолет. И тут новое несчастье. Вертолет, летевший к нам, потерпел аварию в Чегемском ущелье. Поступило распоряжение для КСП от руководства Кабардино-Балкарии, спасателям немедленно выехать на аварию вертолета. Двое суток работали вручную, ледорубами разбирали вертолет, чтобы вытащить останки пилотов. Прибыла комиссия из высоких летных чинов/ они осмотрели место аварии и запретили все полеты до особого распоряжения. Мы вернулись к своим проблемам. Надо продумать, как отправиться в Сванетию. А путь далекий, через перевал Бечо, что в Главном Кавказском хребте, к сванскому селению с одноименным названием. Ходу - тринадцать часов плюс полные рюкзаки со снаряжением, рассчитанным на сложный маршрут, и необходимым питанием. Ночь после приезда с вертолетной аварии ушла на подготовку к выходу. На утро караван из восьми человек двинулся в далекий путь. Поздно вечером мы подошли к селению Бечо, где нас уже ждали. С

Гиви Иосифовичем Цередиани мы обнялись и расцеловались. Волею судьбы с Гиви мы не виделись шестнадцать лет. Это великолепный человек и альпинист. В составе команды Михаила Хергиани был чемпионом страны. Много сил отдал становлению альплагеря "Айлама", работая там инструктором. В далекие молодые годы мы с Гиви поклялись быть братьями. И я почувствовал верность этой клятве через многие годы. Когда случилась черныбыльская беда, он первым мне прислал приглашение переехать с семьей из Киева к нему. В селении Бечо рядом со своим домом Гиви построил еще один, чтобы в нем жили и отдыхали после восхождения альпинисты. Он и сейчас, несмотря на свои семьдесят с хвостиком, остается в единственном лице начальником спасательной службы своего района. А район - сложный. Высокогорное селение Бечо находится у самого подножья южных стен Ушбы - горы международной значимости. В Англии даже есть клуб восходителей на вершину Ушба. Мечта многих сильнейших альпинистов мира - совершить восхождение на эту гору. Многие стремятся сюда. Не всем удается удачно совершить восхождение. Стены очень крутые, все маршруты на Ушбу связаны не только с преодолением вертикальных скальных участков. Здесь полный набор альпинистских сложностей - и крутой лед, и сложные снежные склоны. Во время восхождений возможны оползни, лавины, камнепады, всегда не простые метеоусловия. В этот год выпало мало снега и склоны почти оголились. Причиной многих травм в текущем сезоне были самопроизвольные камнепады. Теплое лето этому способствовало. Случай, приведший нашу команду в Сванетию, тоже был звеном в этой цепи. Беда произошла при спуске с вершины на юг двух чехословацких альпинистов. Они успели спуститься на сорок метров по стене. Увидели удобную полку. Эта скальная полка, сужаясь, опоясывает южную вершину Ушбы. Спустившись на нее, решили вскипятить на примусе чай. Начали пить. Во время чаепития один из ребят снял каску - мешал страховочный ремешок под подбородком. В то же мгновение с вершины свалился оттаявший камень величиной с блюдце и попал парню в незащищенную голову. Некоторое время напарник пытался оказать помощь. Но... пульс остановился. Завернув своего друга в спальник, он продолжил спуск один. Забил крюк, повесил петлю из вспомогательной веревки, пропустил через петлю сорокаметровую веревку пополам, спустился на двадцать метров. Затем веревка выдергивается, а петля остается. И так на глубину почти два километра. Когда кончилась вспомогательная веревка, он использовал для петель ремешки от рюкзака и, в конце концов, приспособил шнурки от ботинок для организации спусковых станций. Так он спустился со стены и сообщил Гиви о беде. Потом последовала телеграмма.

И вот мы у Гиви. Он нас накормил, а после ужина уложил ребят спать в гостевом доме. Я же остался с Гиви. Вспомнили далекие годы, Мишу Хергиани, других наших друзей и, конечно, разработали план действий на последующие дни. На следующий день с утра подход под маршрут, организация базового лагеря, изучение стены. Чехословацкий альпинист не очень хорошо ориентировался. Точно не мог показать место под вершиной, где он оставил тело своего партнера. Задача усложнялась погодными условиями. Была вторая половина августа. Опыт подсказывал, что лучшее время для восхождения на Ушбу заканчивается 8-10 августа. Затем приходят с моря циклоны. Они приносят непогоду, снегопады. А непогода на Ушбе

смерти подобна. Поэтому необходимо в максимально короткий срок провести эту акцию. Проснулись с рассветом. Завтракаем. От селения Бечо до стен Южной Ушбы идти часа три-четыре. На подход к Ушбе с нами выходят Гиви и альпинист из Чехословакии. Прошли село Гуль, зону леса. Идем все выше и выше. Подымаемся по крутым травянистым склонам. Гиви рассказывает о проекте постройки в их районе на этих склонах горнолыжного комплекса. Склоны, действительно, идеальные для горнолыжного спорта, без камней, и снег лежит в этом районе по семь месяцев в году. Но перестройка началась... И планы закончились. Идем дальше. Встречаем бивуак. В палатках оказываются альпинисты из Чехословакии. Рассказываем о случившемся, говорим, что трагедия случилась с Ежи Янишем. Казалось бы погиб их земляк - сейчас соберутся, предложат нам помощь. Увы. Никто не пошевелинулся. Подходим к боковой морене. Разбиваем бивуак. Устраиваемся. Сразу же Гиви, А. Андреев, чехословацкий альпинист и я идем на площадку под стеной. Необходимо стену исследовать, обнаружить полку под вершиной, лежащий на ней желтый спальник с телом и наметить путь восхождения. Внимательно в бинокль рассматриваем ледопад, затем глаза пробегают скальную стену, все выше и выше. Доходим глазами до предвершинной полки - она выглядит узкой полоской. И тут Гиви разглядел желтую точку. Удивительная зоркость, воистину орлиные глаза. Намечаем направление завтрашнего рационального подъема. Путь наш совпадает с маршрутом Хергиани. Возвращаемся с ледника на бивуак. А здесь гости. Пришел к нам Валерий Ратиани - известный сванский альпинист. И с ним несколько сванов. Они принесли с собой сулугуни, свежий хлеб, вино, мясо, фрукты. Предлагают любую помощь. Ратиани просит меня включить в штурмовую группу двух сванов. Понимаю, что для сванов это важно. Участие сванских альпинистов в спасательных работах на Ушбе всегда было престижно для этого гордого народа. Но нас уже восемь человек, а при камнеопасном состоянии маршрута группу увеличивать нежелательно. Как поступить? Выходя на любые спасательные работы подвергаешься риску, а выход на такую стену многократно увеличивает риск. Всем хочется жить, поэтому решаю переговорить с каждым из ребят. Все вроде в хорошей спортивной форме, психологически готовы к выходу на сложную стену, но у одного из спасателей замечаю на лице усталость, он на подходе растер до крови ноги. Предлагаю ему остаться наблюдателем. Соглашается, потому что с такими ногами на стену идти нельзя. Осматриваю снаряжение, одежду каждого. Стоп. У одного из ребят почему-то на ногах кроссовки. Спрашиваю: где ботинки? Он, опустив глаза, объясняет, что оставил их у туристов внизу, тяжелый рюкзак был, разгрузился. Как же так, парень? Ты ведь знал, куда мы идем. Что ж, на такую спасаловку, где есть риск для жизни, каждый волен сам принимать решение. Короткое наше совещание окончено. Так получилось, что сваны могут подключиться к штурмовой группе. Высказываю свое решение Валере Ратиани, Гиви и их друзьям - двое их земляков могут идти с нами. По лицам вижу - торжествуют. Удивительно, что, идя на такие грустные спасательные работы, люди могут торжествовать. Это альпинисты Сванетии, понимающие язык гор. Я, как и многие мои коллеги, этот язык тоже понимаю. В нашу группу подключаются Нугзар Нигуриани и Анзора. Интересно, что отец Нугзара был первым заслуженным мастером по альпинизму в Сванетии. Оговариваем наши действия на завтра. Ложимся отдыхать по палаткам. В четыре утра подъем. В соответствии с тактикой, выходим под маршрут по связкам. Предлагаю Нугзару

работать со мной в связке. Наша задача - налегке, как можно быстрее, подняться к месту аварии и организовать спуск со стены. Остальные ребята должны нести за нами палатки, веревки, крючья, продукты, примус. Быстро прошли с Нугзаром ледопад. Благо, мало снега, ледник открыт, видны все трещины. Подходим к стене. Надо связываться.

По законам альпинизма, это нужно было делать еще перед выходом на ледник. Но мы, в связи с ухудшающейся погодой, в цейтноте. Нугзар смотрит на меня, глубоко вздыхает и спрашивает: "Пойдем, Валера, в "сванской связке"?". Что такое "сванская связка", знают альпинисты со стажем, да и то не все. Это понятие известно только тем, кто ходил со сванскими альпинистами старшего поколения. Раньше, когда не было специальных веревок, крючьев, сваны ходили по принципу: "ты меня видишь, я тебя вижу - страховка готова". Сваны - хорошие скалолазы от природы. Конечно, такое движение рискованно, но продвигаться по маршруту можно в несколько раз быстрее. По правилам, в советское время одиночные восхождения были запрещены, а восхождения на стены высшей категории сложности практиковались весьма редко, тем более свободное лазанье.

Над нами нависает мощнейшая облачность. Погода вот-вот испортится, поэтому работать на стене нужно как можно быстрее, и я с Нугзаром соглашаюсь. В данной ситуации это оправданно. Вспомнил я под стеной наставления некоторых "доброжелателей": "Не рискуй, если будет сложно, используй свободную транспортировку" (это означает сбросить тело со стены). Вроде и забота о тебе, но выполни я этот "завет", сомневаюсь, что смог бы потом помогать и живым. Внутри есть что-то от предков - тело надо предать земле. Во всяком случае, я рискую собой и Нугзар тоже. Мы с Нугзаром в тот момент поняли друг друга без слов. Если с нами что-то случится, то за это нас не упрекнут. В конце концов, не известно, как придется погибнуть. А тут дело верное - и если жизнь, и если смерть. Нам с Нугзаром стало как-то вольготно (может быть, нельзя так говорить спасателю, но это правда) от того, что перед нами открылась необычайная свобода рисковать.

Все, что не дозволено в спортивных восхождениях, мы себе теперь разрешали. Двигались почти одновременно все выше и выше. Рельеф был хороший для свободного лазания. На стене было много зацепок. Засветло мы с Нугзаром были под вершиной. Вылезли на полку. Тут лежало тело пострадавшего. Подготовили станцию для спуска, вспомогательной веревкой привязали тело погибшего и, не теряя времени, начали спуск. Работали молча, автоматически, выполняя необходимые приемы. Начало темнеть. И тут Нугзар услышал голоса. Подходят наши. Молодцы. Мы с Нугзаром успели приспустить погибшего на три веревки. Это приблизительно 120 метров. Уже в темноте объединились с остальными. Ребята успели поставить в удобном месте палатки тандемом. Рядом в расщелину положили тело Ежи Яниша, забросав его снегом. Как могли, расположились в палатках. Попили чай, немного подкрепились. Поговорили ни о чем. Старался уснуть, ведь завтра тяжелый день, но сна не было. Ребята тоже крутились. Выглянул из палатки. Потеплело. Это плохая примета, идет непогода. Немного задремал. Открываю глаза. Светает. Подъем. Кипятим чай. Быстро глотаем завтрак. Собираем палатки. В одну палатку заворачиваем Яниша. Делаем из веревки подвески.

Надо уходить вниз. Начинаем спуск, пока не очень крутой участок. Нужно перенести тело через кулуар. Забиваю крючья. Блокирую их. Через восьмерку выпускаю шестерых спасателей. Алексей Андреев рядом помогает. Кулуар сухой, много свободно лежащих камней. Довязываем пять веревок. Прошу Алексея подойти ближе к транспортировщикам для ретрансляции (увы, в то время не было у нас современных портативных радиостанций) ведь до них около двухсот метров и мы не слышим друг друга. Андреев на скользящем карабине уходит от меня. Потихоньку выпускаю веревку. Связь налажена, через Алексея передаются взаимные команды, он регулирует движение. Вижу как ребята уходят за выступ. В это мгновение откуда-то сверху из-под вершины слышу грохот камней. На нас пошли камни! Россыпью. Кричу, что есть мочи: "Леша, камни!" Вжимаюсь в стену и закрепляю веревку. Камни бьют по каске, по плечу, по рюкзаку. Вокруг - грохот от летящих огромных камней. В воздухе пахнет гарью, стоит рыжая пыль. Камнепад окончился. Где Алексей, ребята, что с ними?! Держу веревку. Снова кричу: "Живы?" Увидел Алексея. Он мне отвечает: "В норме. Никого не задело. Подходи". Снимаю самостраховку. Выбиваю крючья и почти бегом с нижней страховкой спускаюсь к ним. Вокруг - россыпь свежеупавших камней. Пронесло. Выходим на гребень. Налево - путь к леднику. Известный путь, более легкий для прохождения, но "груз" придется нести на руках. Это значительно замедлит спуск и не исключена опасность еще раз получить камнепад. Принимаю решение о спуске по отвесу, направо по ходу. Глубоко внизу виден "снежный галстук". К нему свыше километра. Начинает подползать непогода. Небо закрылось темными облаками. Срывается снежная крупа. В районе Северной Ушбы грохочет гром. Надо торопиться. Отправляю сванов на спуск по пути подъема. Они вдвоем должны быстро спуститься, чтобы подготовить внизу транспортировку. Сергей Пигарев просит поставить его сопровождающим. Это очень опасный участок спасательных работ, потому что движущаяся веревка всегда может скинуть камни, и, кроме того, на сопровождающего пострадавшего выпадает большая физическая нагрузка при прохождении выступов скал. Чтобы уйти от непогоды, опять же в нарушение всех инструкций, принятых для спортивных восхождений, связываем семь сорокаметровых веревок и начинаем спуск на всю длину одинарной веревки. Веревку выдаем и контролируем спуск - А. Андреев, А. Мелешенко, Владимир, Анатолий и я. Пигарев доходит до полки. Отдает команду. Закрепляем веревку. Ребята дюльферают. Мы с Андреевым по очереди спускаемся последними. Пока мы спускаемся, ребята готовят новую станцию. Все время в движении. На одной из станций, пропуская через восьмерку очередную веревку, замечаем, что она перебита, но уже прошла тормозное устройство. Полиспасть делать некогда. Хватаем пятью парами рук веревку ниже перебитого участка и с огромным усилием останавливаем движение, а затем, приподнимая два веса, завязываем узел на перебитом месте. Пигарев ничего не понимает, громко ругается. Потом внизу уже объяснились. Остается последний спуск. Видим близко снег, движутся навстречу люди. Организовываем последнюю станцию. Сделать ее сложно, некуда забить крюк, мы находимся на "бараньих лбах". Но все же трещину для крючьев нашли. Наконец станция готова. Предупреждаю ребят - спуститесь на снег, не выдергивайте веревку, не забудьте оставить ее нам с Андреевым для спуска. Работа затрудняется. Начинается сильный дождь со снегом. Скользко под ногами. Мы с Алексеем на самостраховке. Вдруг рывок. От нас

уходит веревка. Спустившиеся на снег про нас забыли. Их там много. Видим, как транспортировщики по снегу тащат тело к морене. За ними волочится наша веревка. У Алексея и у меня в рюкзаке находим небольшие концы веревки. Связываем их. Оказывается почти десять метров. С попеременной страховкой постепенно сползаем на снег. Стена кончилась. Уже на "земле". Нас шатает от усталости. Бредем по снегу к базовому лагерю. Он там, за мореной. Смотрю на часы: семь часов вечера. Отработали на стене тридцать восемь часов - с подъемом и спуском. В лагере - оживление. Гиви с сыном пригнал двух лошадей. Минут пятнадцать отдыхаем. Попили чай. И снова в путь. На этот раз уже идет транспортировка по тропе к селению Бечо. Попытались погрузить на лошадь тело альпиниста. Она встает на дыбы, чует мертвеца. Загрузив тяжелое снаряжение на лошадей, через четыре часа под проливным дождем спускаемся в селение. Выпиваем по стакану чачи. Отключаемся. Утром Ратиани достает где-то машину и отправляет тело в Местию, а потом в Зугдиди.

Просыпаемся. Во дворе у Гиви накрыт стол. Подымаются тосты за здоровье спасателей. Сваны наблюдали за работой на стене. Гиви говорит, что за свою долгую альпинистскую жизнь не видел таких стремительных спасательных работ на Ушбе. Это - очень высокая оценка! Жаль только парня из Чехословакии. Помянули его...

Рядом с домом разворачиваю антенну, настраиваю радиостанцию "Карат- 2М" и связываюсь с КСП. Докладываю, что акция завершена, труп сняли, все у нас в порядке, все спасатели живы, здоровы. Гиви берет у меня микрофон, здоровается с начальником КСП Махиновым и просит его разрешить старшему инструктору Клестову на несколько дней задержаться у него. Получает добро. Ребята собирают рюкзаки и уходят в сторону селения Мазери, и дальше, в Приэльбрусье. Отработанные веревки оставляем Гиви на хозяйство, - для страховки они уже не годятся - все перебиты, в узлах и потрепаны. На подворье к Гиви приезжает на машине Валерий Ратиани и просит меня посетить его дом в Местии. Гиви едет с нами.

Районный центр Местия - оригинальный город. Наряду с современными постройками каждая семья, живущая в городе, имеет свою старинную родовую башню в центре. Заезжаем в усадьбу Ратиани. Радушно нас встречают его отец, родственники. Обильный стол. Тосты. Пьем за путь предков Ратиани. Валерий в башне устроил душевую. Моюсь. Как здорово после стольких дней пахоты расслабиться под горячей водой! Одевают меня в белую рубашку, брюки. Идем по городу. Подходим к музею Михаила Хергиани. Он закрыт. Распоряжается здесь Нугзар, ключи от музея у него. Заходим. Торжественная тишина. Расставлены экспозиции, фотографии далеких лет. Обращаю внимание на фотографию, где Михаил запечатлен с моим близким другом Игорем Леонтьевым, которого тоже уже нет с нами. Он с Михаилом в одной чемпионской команде ходили на Шхельду. Висит на стене большой портрет Михаила и над ним закреплена разорванная австрийская веревка красного цвета. Эта веревка порвалась на Суальто. Вдруг зазвучала фонограмма сванского хора. Сваны поют местийскую песню-стон "Зари". Запевает в хоре отец Михаила - Виссарион. Это - реквием сыну. Ком подходит к горлу. Из музея с цветами идем к памятнику-могиле. Базальтовый тигр скал

смотрит вверх в горы. Рядом памятник-могила брата Валерия, летчика-героя. Помянули их добрую память. Осмотрели дом-музей Сванетии. Здесь экспонаты древнейшей культуры сванов. Вечером Валерий Ратиани отвез меня на турбазу "Ушба". Опять обильный стол. Опять тосты.

За столом встречаюсь с Шакиром Саберзяновичем Тенишевым, путешествующим по Сванетии с детьми. Это прекрасный человек, старейшина альпинизма Кабардино-Балкарии. Здесь же и Евгений Гиппенрейтер, друг Михаила. Он приехал сюда собирать материал для книги о Мише Хергиани.

Проходит несколько отпущенных для отдыха дней. Эскорт из "жигулей" провожает меня снова к Гиви Цередиани в селение Бечо. Вечер провожу в семье Гиви. На рассвете прощаюсь. Гиви кладет мне в рюкзак свежевыпеченный домашний хлеб и головку сванского сыра сулугуни. Провожает меня за турбазу "Мазери" к тропе, ведущей на перевал Бечо. Обнимаемся. Целуемся. Ухожу. Когда еще увидимся? После нетрезвого отпуска в гостях, тропа кажется тяжело проходимой. На автопилоте миновал кош, поднялся по леднику на перевал Бечо и через "куриную грудку" (крутой ледовый лоб под перевалом) спустился на ледник уже на северную сторону Кавказского хребта. До сих пор не помню, как прошел в кошках "куриную грудку". Затем на том же автопилоте по ущелью Юсенги дошел до альплагеря "Баксан". Здесь встречаемся с Виктором Яковиной - начальником учебной части лагеря, моим земляком. Тут же он организовал машину и отправил меня на КСП.

Ночь, проведенная дома, была тревожной. Меня разбудили - во сне кричал во весь голос: "Леша, камни!" Впечатления от этих событий оказались острыми.

В сентябре, в память о Мише Хергиани, под наблюдением его напарника по восхождению, моего учителя, Иосифа Кахеани, в связке с Володей Болониным мы совершили восхождение на вершину Донгузорун по известному маршруту Михаила и Иосифа, соблюдая все правила страховки. Гору покорили за световой день. Как отметил Иосиф, прошли точно по маршруту.

ПУТЕШЕСТВИЕ С ВЕРШИНЫ ДОНГУЗОРУН

Когда-то на альпинистских путевках, выдаваемых профсоюзами, писалось: "Альпинизм - школа мужества". Да, спорт, которому я посвятил всю свою жизнь, сложен, связан с выживаемостью в горах. Можно отправиться в горы при хорошей погоде, однако вскоре уже приходится вступать в борьбу за жизнь с внезапно налетевшей снежной бурей. Наиболее хорошо снаряженные, опытные и, главное, мужественные люди могут справиться со стихией, другие - уходят.

Случай, о котором я хочу рассказать, произошел с моими земляками - киевлянами. Николай Дроботенко и Алексей Гончаров вышли ранним февральским утром на вершину Донгузорун по маршруту Михаила Хергиани. Маршрут высшей альпинистской категории сложности проходит на вершину по диретиссеме. Чтобы выйти на вершину, необходимо преодолеть

обледенелые и заснеженные скалы, крутой лед. Особенность этого маршрута - выход на "крышу" через нависающую шапку висячего ледника. На стене нет мест для лежащих ночевков. Многие альпинисты предпочитают путь на вершину по леднику "семерка". Но это не то; интересно по диретиссеме. В связке с Владимиром Болониным мы этот маршрут прошли, причем под наблюдением известного альпиниста Иосифа Кахиани - партнера по связке М. Хергиани - тигра скал, альпиниста из мировой элиты первопроходцев этого маршрута. На всю жизнь впечатление от восхождения осталось предметом внутренней гордости. Поэтому, когда у Николая с Алексеем появилась идея совершить восхождение по "Хергиани-Кахиани", я был одним из тех, кто их поддержал. Зима усложняла восхождение. Ребятам посоветовал двигаться по маршруту, не останавливаясь, но, если возникнут непредвиденные задержки, так называемый "чик", нужно перейти на "семерку" и за световой день выйти на шапку. Там наверху, в бергшрунде, имеется сносная лежащая ночевка. Хорошо проконсультировавшись о маршруте, о пути спуска, оговорив сеансы радиосвязи, взяв с собой питание, бензин, теплые вещи и необходимое снаряжение, в 4.30 утра связка вышла из бивуака на гору. Поначалу движение было нормальным, но зима вносит свои коррективы. К наступлению темноты восходители поднялись по заледенелым скалам лишь несколько выше "семерки". Тактический план, согласно которому альпинисты хотели за световой день (а погода была хорошая) подняться на "крышу" Донгузоруна, провалился. Заночевали на маленькой заснеженной полочке: сидячая ночевка. Это - тяжелейшее испытание даже летом, а тут - зима, мороз за тридцать. Николай и Алексей накрылись специальной палаткой Здарского, растопили снег и собирались приготовить из концентрата суп. Достали из рюкзака кулек с едой, и - надо же такому случиться! - кулек выскальзывает из замерзших рук и улетает к подножию горы. "Ничего страшного, завтра сходим на гору и к вечеру будем дома. Внизу насытимся. До рассвета потерпим". Думаю, что такая мысль промелькнула у ребят. Оптимизм всегда сопровождает альпинистов. Тем более была устойчивая радиосвязь, а со склонов Чегета за ними наблюдали опытные друзья. При восхождении в двойке - это огромная моральная поддержка. Однако что случилось потом, не укладывается ни в какие рамки. Удивительные испытания выпали на долю моих земляков. Второй день восхождения начался с рассвета. Размявшись после морозной ночи, связка прошла крутой ледовый склон. При выходе по отрицательному льду на шапку наблюдатели заметили срыв одного из альпинистов. Но, слава Богу, это был рабочий срыв. Страховка и веревка не подвели. К двенадцати часам дня ребята с вершины по радио сообщили, что начинают спуск в направлении к перевалу Ложный Донгузорун, и так как они будут за юго-западным гребнем, следующую плановую связь могут пропустить. Спасательный пункт дал им на это добро.

В правилах спасательной службы оговорено, что спасатели выходят спасать группу, находящуюся на маршруте, в случае пропуска двух штатных сеансов радиосвязи. На тот период с группой была оговорена радиосвязь четыре раза в сутки. На последнюю связь группа не вышла. Это настораживало. Утренняя связь опять пропущена. Тревога! Обращаемся за помощью к Анатолию Бланковскому, руководителю запорожских альпинистов. Группа Анатолия в этот момент была наиболее подготовлена для выхода. Корпус профессионалов-

спасателей на огромный Эльбрусский район в то время состоял всего из трех человек. Запорожцы как общественный спасательный отряд, получив соответствующие инструкции и консультации на КСП, вышли на встречу со спускающейся двойкой.

Погода резко ухудшалась. С юга надвигались черные облака; усиливался ветер. Резко похолодало. Все радиостанции района включены на постоянное прослушивание. На аварийной связи в полдень эфир молчал; только короткое сообщение от запорожцев - они движутся в пурге по направлению перевала Донгузорун. Очень тревожно. И вдруг в 16.20 из всех радиостанций слышали чистый без помех голос Николая Дроботенко: "Состояние группы хорошее, находимся над перевалом Донгузорун, спускаемся. До встречи на Северном приюте!" Северный приют в часе хода от перевала. Следующую связь группе назначили через сорок минут. Но в 17.00 связи опять не было. Спасательный отряд подошел к Северному приюту: никого. Метель; видимость нулевая. Спасатели непрерывно подавали звуковые и световые сигналы, а в ответ только ветер завывал. Никого... Вечером в спасательный пункт вызвали тренеров и представителей всех команд Украины. В это время проходил в нашем районе зимний чемпионат Украины по альпинизму. Наметили план поисковых работ, назначили руководителей поисковых групп. Утром следующего дня одни спасатели вышли на перевал Ложный Донгузорун, другие на лыжах направились к южным склонам гребней вершины Накра. Пурга утихла, но мороз был за 30 градусов. Прошел еще один день поиска. Тревожную ночь провели спасатели: кто в палатках, а кто и в выкопанных пещерах, в них теплее. С утра поисковые работы продолжались. Прояснилось. Прилетел вертолет. Спасатели с воздуха осмотрели район. Если двойка заблудилась в пурге, то логичен путь по долине реки Накра. С вертолета хорошо просматривалось заснеженное ущелье. Ни одного следа. Пилот вертолета Алексей Севостьянов взял на борт еще две группы спасателей и перебросил их на юг. Зона поиска расширилась. С севера подошла еще одна группа спасателей. Вся территория поиска была разбита на квадраты. Прочесывали каждый метр. Вдруг в 15.00 одесские спасатели сообщили по радио, что найдены спусковые следы на южном гребне вершины Накра, но они приметены снегом, а ребят нет.

Так прошел еще один день поиска.

Следующий день тоже безрезультатный. На исходе пятого дня поисков все пять групп спасателей собрались на перевале Ложный Донгузорун, а затем вернулись на спасательный пункт. Обсудили предварительные результаты поиска. Большинство специалистов пришли к выводу о том, что случилась авария. С учетом последней радиосвязи они высказали предположение, что двойку надо искать на северных склонах гребня, куда они могли сорваться между 16 и 17.00. На шестой день сводный отряд спасателей снова отправился на поиск двойки (весь разбор поисков был записан на диктофон).

Виктор Яковина, начальник спортивного сбора, собрался в Киев с тяжелой миссией. Надо было сообщить родственникам о случившемся. Мне много раз приходилось сообщать родителям о горе, смотреть им в глаза. Это невыносимая мука, возникает непреодолимое

чувство вины. Поисковые работы продолжались, а Яковина отправился в Минеральные Воды, а оттуда - в Киев. Шел восьмой день... В ожидании самолета Виктор Антонович вдруг обратил внимание на две фигуры небритых мужиков: они пили газированную воду возле автомата. Мгновение - и произошло невероятное. Яковина прыгнул на них, начал их обнимать, издавая невероятные звуки восторга. Да! Это были они - Николай и Алексей, худющие, грязные, изможденные, с запавшими глазами - но живые!

- Виктор Антонович, мы есть хотим! - Единственное, что могли произнести ребята. В ресторане, плотно пообедали и бегом отправились на почту звонить в Приэльбрусье, ведь за двести километров от Минеральных Вод их поиски все еще продолжались.

К нам в спасательный пункт прибежал радист из соседнего альпинистского лагеря с телефонограммой: "Дроботенко и Гончаров живы! Они едут на рейсовом автобусе по Баксанскому ущелью на базу". Я ждал этого, верил в ребят, в их силу, мужество, опыт. Но радость быстро сменилась тревогой. В двадцати километрах от спасательного пункта поисковый отряд ищет двойку в зоне ледовых трещин, подвергая себя опасности. Спасатели уже обследовали не один десяток трещин, рискуя своей жизнью. Нужно немедленно прекратить поиск. Однако, как назло, от сильного мороза подсело питание в радиостанциях у спасателей и наблюдателей. Базовую радиостанцию они не слышат и мы не можем им сообщить о том, что Николай и Алексей живы. Двойка молодых ребят отправилась с сообщением о прекращении поисковых работ. Наконец-то на связи слышу, что информация до поисковых отрядов дошла. Все. Поиск окончен. Все живы, здоровы. Мужественные люди собрались вместе. Почти одновременно на КСП появились Николай и Алексей и вернулись последние спасатели.

Как же все произошло? Как двойка альпинистов, спускавшаяся к подножию горы Чегета, попала в Минеральные Воды?

События развивались в такой последовательности. Двигаясь по гребню на юго-запад, двойка приспустилась на юг и у них по пути возник поперечный гребень. Нужно было вдоль него приподняться приблизительно сто метров, там есть так называемая "накринская дырка", пройдя через которую, выходишь на перевал Ложный Донгузорун, а затем вниз направо к тропе, ведущей на чегетскую поляну, домой. Ребята уперлись в гребень и начали спускаться вдоль него. Двойка, спустившись, увидела еще один скальный гребешок, опять попытались подняться - не то. Здесь и были обнаружены их следы во время поисковых работ. Вечерело. Устали. Вырыли пещеру. Растопили на примусе снег. Попили теплой воды и отключились. Под утро началась непогода. При плохой видимости обошли еще один гребень и по крутому снегу начали подниматься к перевалу. Подошло штатное время связи. Ура! Услышали на "пятерку" КСП и спасотряд. Обменялись информацией. Все воспрянули. Договорились с группой Бланковского о встрече на перевале. Спасатели несли в термосах горячий чай и продукты. Но увы... Это была последняя радиосвязь. С перевала спустились в долину. Пурга. Шли час, другой. Ребята уже поняли, что спускаются в какую-то другую сторону, но подняться снова на

перевал не было сил. Очень хотелось есть. Начали грызть таблетки из аптеки. Прошел еще один день. Закопались в снег. Тяжелый сон. С рассветом выползать из снежной пещеры очень тяжело, но заставили себя встать и вылезти. Рюкзаки казались невероятно тяжелыми. Все лишнее - веревки, карабины, кошки, ненужный без бензина примус - бросили. Снега так много, что от трех-четырёхметровых кустов торчат только кончики веток. Так, от сугроба к сугробу вниз в долину, к лесу друзья, напрягая последние силы двигались, подбадривая друг друга. Почему-то сами для себя решили, что смогут выдержать восемь суток и, с этой верой и надеждой они, голодные и холодные приближались к своему спасению сутки за сутками. На седьмые сутки к вечеру наткнулись на полуразрушенный двухэтажный дом, который видимо был летней кошарой. Нашли в помещении замерзшую луковицу, несколько банок с соленьями, немного пожевали. Увидев в углу комнаты бидон, открыли его, понюхали, оказалась чача, пробовать не стали. Провалились в сон. С рассветом, поднявшись с трудом, снова двинулись в путь. Ноги почти уже не держали. Вдруг появилась тропинка, а на ней живое существо - корова с добрыми, теплыми глазами. Сразу блеснула надежда: рядом должны быть люди. Когда

Николая с Алексеем встретили сваны, жители селения Чуберы, никто из них вначале не мог даже поверить, что ребята смогли пройти все ущелье Ненскры. Это - тридцать восемь километров без дороги, в глубоких снегах при февральских морозах. Изможденные, уставшие и голодные они преодолели испытания, свалившиеся на них и проявили уникальную способность выживаемости. Ребят обогрели, накормили, на телеге отправили дальше в сторону Сухуми. Сообщить что-либо о себе не было возможности, - почта в селе не работала.

Оказалось, что место с которого в последний раз состоялась радиосвязь, называлось Перевал Двухтысячного года. Вместо севера, ребята в пурге ушли на юго-восток. Горные туристы даже летом редко путешествуют по этому труднопроходимому ущелью. Кстати, через год после этих событий, питерские туристы летом, проходя по ущелью Ненскры, нашли брошенное снаряжение, где в одном из кульков лежал блокнот Николая с домашним адресом, и списавшись, вернули все найденные вещи.

На перекладных за день Николай и Алексей добрались до Сухуми. Отсюда есть рейс на Минеральные Воды, но в кармане - ни гроша. Спасибо начальнику аэропорта, к которому ребята обратились за помощью, он поверил им, на свои деньги купил билеты. На этом закончилось путешествие с Донгузоруна, путешествие мужества, силы воли и выживаемости.

ХОЛОДНАЯ НОЧЕВКА

Многое познается в сравнении. Какие бывают ночевки в горах, застает на стене темнота или непогода? Их - большое разнообразие. Ночевки удобные и лежащие - это когда можно найти скальную полку и на ней поставить палатку, не очень комфортные - сидячие, если нашел только маленькую полочку. А иногда ночевки бывают висячие - в гамаке, закрепленном на скальных крючьях к стене. Совсем без удобств следует признать ночевки стоячие на полочке шириной в двадцать сантиметров или уже упоминавшиеся висячие, только если нет под тобой

никакой полки, а ты висишь на веревке в страховочной системе, закрепив под ногами лесенку или петлю чтобы они не очень затекали. Однако высокогорные ночевки еще разделяются на теплые и холодные. Теплые ночевки - это, когда лежишь на мягком каримате в пуховом спальнике, над головой палатка или снежная пещера, рядом партнер по связке, приятно жужжит, как шмель, примус, на котором в кастрюльке закипает растопленный снег, а за стенкой палатки или пещеры воеет пурга и трещит мороз. Невольно вспоминается Таджикистан с температурой воздуха днем плюс сорок даже в высокогорье. Если брызнуть водой на камни, она с шипением испаряется, как со сковородки. В такую жару ощущаешь себя плавящейся свечой. Вечером становится прохладней, но палатка напоминает дышащий мартен и оставаться в ней на ночлег нет особого энтузиазма. Поэтому устраиваешься на теплую ночевку где-нибудь под большим камнем или арчой, подложив для удобства под себя каримат и укрывшись тонким вкладышем для спальника.

Что же такое холодная ночевка на горе? Как в нее попадают, каковы ощущения, последствия?

если

если

Альпинисты, спустившись поздно вато после восхождения на вершину Уллукара, решили отдохнуть перед новой горой на поляне кошей. Поляна расположена посередине ущелья Адылсу, по которому протекает красивая горная река с одноименным названием. Она берет начало из ледников Джанкуат и Башкара. В переводе с балкарского языка адыл означает красивый, прекрасный, а су - вода, река. Действительно, место, где решили передохнуть ребята, - очень привлекательное. Правда, лучше бы им подойти поближе к будущей горе, но туда нужно идти еще два часа. На вечерней радиосвязи посоветовались с выпускающим Игорем Леонтьевым. Он разрешил выйти на гору при условии хорошей погоды. Альпинисты решили, что если луна будет светить, то они выйдут на восхождение. В три часа ночи, как наместили, при свете луны, группа собралась и двинулась в сторону "Зеленой гостиницы", а потом по намеченному маршруту на вершину Джантуган.

Красивое звездное небо с рассветом несколько поблекло, начало затягиваться облаками; потеплело. Прошли несколько веревок крутого снега, миновали кулуар. В полдень на горе внезапно испортилась погода, начался дождь. Четверо альпинистов решив, что дождь также быстро закончится, как и начался, став на самостраховку, сели на скальной полочке переждать непогоду и накрылись полиэтиленовой пленкой. Олег, Виктор, Ольга и Леонид жевали скудный высотный паек, прислушиваясь к барабаниющему по пленке дождю. Вдруг сильный порыв ветра унес пленку. Ребята накрылись перкалевым инструкторским плащом. Может быть, спустимся по пути подъема? - мелькнула у кого-то правильная мысль, но тут же была большинством группы отклонена: еще только полдень, ветер унесет тучи, пройдет дождь и сразу можно будет идти на вершину, вряд ли за оставшиеся несколько дней до конца смены в

альплагере удастся выйти на восхождение. Этот каскад доказательств похоронил одну верную мысль. Будем выжидать - таков был коллективный вердикт. Незаметно стало холодать.

Решили все-таки двигаться вверх. Прошли две веревки мокрых скал. Дождь перешел в снежную крупу, а скалы, на глазах, покрылись ледовой коркой. Резко похолодало. В середине июля здесь, на высоте около четырех тысяч метров, ударил мороз. Начали мерзнуть руки. Движение вверх замедлилось. Сложилось впечатление, что просто чудовище глотало время - недавно было три часа, а уже пятый. Снежная крупа уже дождем падает с небес. Легкая одежда альпинистов, намкнув, постепенно отяжелела. Страховать партнера на холодном ветру кажется пыткой, внимание притупляется. Дальнейшее движение становится опасным. Метрах в двадцати от маршрута просматривалась ровная полка на скальном плече. Траверснув влево по снежному склону, четверка перебралась на площадку. Здесь, вроде, теплее, от ветра закрывает скальная стена и большой снежный надув. Со скального плеча попытались по радиации связаться с альплагером, но в эфире были слышны одни разряды. В мгновенно наступившей темноте стало видно, как вокруг выдвинутой антенны с треском начинает светиться голубой ореол - ощущаешь как под каской шевелятся волосы. Эти электрические разряды - предвестник молнии. Опасно и жутковато. Виктор тут же выключил радиацию.

Рассчитывая быстро "сходить" на вершину, ребята оставили на бивуаке палатку с пуховыми спальниками, пуховками и примусом, еду. Как бы сейчас все оставленное пригодилось! Холод, кажется, проник во все клетки тела. Зубы и тело колотятся вразнобой. Увы, самой теплой одеждой оказался тоненький перкалевый инструкторский плащ. Чтобы хотя бы согреться, начали из свободно лежащих камней строить стенку. Она чуть-чуть сможет защитить - ветер отовсюду проникает. Когда перетаскали все камни, лежащие на полке, получился небольшой домик без крыши, примыкающий к снежному надуву. Ребята уселись внутри сооружения, прижавшись друг к другу, накрылись плащом от непрекращающегося потока снежного "песка", а замерзшие ноги засунули в рюкзаки. Вначале появилось ощущение тепла, начали засыпать, но толкались, взбадривали себя - ведь заснув можно и не проснуться. Нашли у кого-то в рюкзаке кусок свечки и коробок со спичками, правда, отсыревшими. Леонид вспомнил, что спички можно высушить на голове, в волосах. Повтыкали спички в волосы. Быстрее всех высохла спичечная головка в Ольгиных волосах. Наконец, спичка зажглась, а от нее зажгли свечу. На какое-то время возник комфорт. Кто-то глубоко вздохнул и свечка погасла. Так продолжалось пока все спички не сожгли. Стало темно. Мокрые от пота рубашки, покрываясь корочкой льда, прямо на теле дубеют. Сковывает холод. Липкая дремота пластырем опоясывает все тело, трудно становится терпеть соседа. Холод уже везде. Судороги сводят мышцы ног, рук, спины. Больно до крика. Вой ночной пурги перекликается с человеческим стоном. А холод, он какой-то густой, обволакивающий, от ног глубоко проникает в душу. Неужели это состояние никогда не окончится? Осталась ли еще где-нибудь крупинка тепла? Ночь кажется бесконечной. Но должен же быть рассвет! Кто-то вспомнил, что холод можно переносить стоя на локтях. Попробовали, вроде стало теплее, но долго в таком положении не выдержишь. Опять начались судороги...

Наконец, небо начало сереть. Олег с Виктором решают, что надо двигаться вверх. Крутые стены вершинной башни во льду угрожающе поблескивают. До вершины осталось всего сто шестьдесят метров, какие-то четыре веревки скал. Но каких скал?! - Везде натечный лед, ни одной трещины, негде забить для страховки крюк. Снег идет непрерывно. Снежная крупа забивается в волосы под каской, в уши, слепит глаза. Ольга и Леонид после пережитой ночи стали какими-то безучастными, стоят опустив руки, головы. Но нужно ведь двигаться! Виктор подходит к стенке и молотком начинает отбивать лед, а Олег его страхует через выступ. Наконец, крюк забит надежно. И так, метр за метром, обрабатывая молотком стену, освобождая ото льда зацепки, первый в связке с нижней страховкой уходит вверх, а остальные по закрепленным веревочным перилам уже с верхней страховкой поднимаются за ним. В обычных условиях это интересная темповая работа, приносящая удовольствие от взаимодействия связок, но после проведенной холодной ночи движение давалось адскими усилиями. На вершине силы покинули всех. Ребята упали лицом в снег. Сколько так пролежали, никто не знает. Олег с Виктором зашевелились, видно, больше сил осталось у них, попытались в очередной раз связаться с базой, но опять в эфире раздавался только треск от грозных разрядов. На всякий случай передали в эфир о себе информацию. В это же мгновение электрический разряд попал в антенну и рация замолкла навсегда. Что дальше делать? Решили поискать в заваленной снегом вершине тур с запиской предыдущих восходителей, ведь надо же что-то о себе напоследок написать - мелькнула мысль. Увидев присыпанный снегом кусочек полиэтилена, Витя потянул его к себе и вытянул наполненный чем-то кулек. За кулем оказался тур, где в баночке лежала записка альпинистов, до этого побывавших на вершине. Олег, заглянув в кулек, обнаружил там целое богатство: банку сгущенного молока и четыре шоколадки. В записке написано, что на вершине накануне побывали инструкторы детского альпинистского лагеря "Украина", что их восхождение сопровождала солнечная погода. Они желали успешного спуска следующим восходителям. Подписал записку киевлянин Борис Субортович и еще три инструктора. Эта записка и каждый глоток сгущенки с шоколадкой постепенно возвратили ребят к жизни, пришла надежда, возобновились силы. Леониду и Ольге насилиу разжали зубы и залили молоко. После нескольких глотательных движений они тоже зашевелились. Четверка решила написать записку о своем восхождении, но где карандаш и бумага? Наверное выпали из рюкзака во время холодной ночевки. Поковырявшись в карманах, нашли отсыревшую спичку и головкой серы нацарапали на обертке от банки свои фамилии, дату и время пребывания на вершине. Благородный и в то же время традиционный подарок инструкторов воодушевил ребят, дал возможность начать спуск с вершины. Перед выходом на плато на снегу в кулуре сорвался обессиленный Леонид, но его задержал Виктор, страховавший через ледоруб, - и вовремя: Леонид оказался на краю бергшрунда - огромной бездонной трещины; он лежал, не шевелясь.

- Леня, живой?

Молчание. Олег с Ольгой закрепили веревку, а Виктор с верхней страховкой спустился на всю веревку к Леониду. Все обошлось, падение его немного оглушило, потерял очки. Можно

двигаться дальше. Виктор забил ледовый крюк в трещину скальной стены возле края бергшрунда, организовал страховку и, пройдя сорок метров, группа спустилась на плато. Идти по плато, вопреки ожиданиям, оказалось трудно. Из-за падающего с небес снега ничего не видно, а кроме этого пришлось пробивать дорогу, находясь по пояс в свежем снегу. Вдруг среди пурги появились две фигуры. Оказалось, на плато возле "скал Аристовы" разбили свой бивуак армейские альпинисты, пережидая непогоду. Они услышали в эфире голос восходителей с вершины и, оценив их состояние, решили выйти навстречу. Встретившись, альпинисты поговорили несколько минут и разошлись. Армейцы пошли дальше вверх, чтобы разведать - есть ли снежный мост через бергшрунд, а измученная холодной ночевкой четверка вскоре по следам подошла к их бивуаку. Ребята тут же пригласили в теплую палатку. На примусе закипало молоко. Уставшие, они выпили по кружке горячего молока, и тут же, как от большой дозы спиртного, отключились, успев попросить разбудить их перед очередным сеансом связи с альплагерем. Из-за сильных помех даже через армейские более мощные радиостанции связаться не смогли. Пока четверка спала, армейские альпинисты, чтобы помочь ребятам, протоптали в глубоком снегу тропу до морены. По этой тропе четверка прошла плато, а затем, выйдя на знакомую дорогу, добрались уже в темноте к своей палатке. Рядом с ними стояли лагерь туристы. Выбившимся из сил и упавшим в изнеможении ребятам, туристы предложили чай, ужин, рассказали, что перед наступлением темноты к палатке подходили двое инструкторов, о чем-то поговорили между собой и записали на бумажке содержимое палатки. По описанию туристов это были выпускающий тренер Игорь Леонтьев и начальник спасательного отряда Петр Якуц. Предположительно, с минуты на минуту из альплагеря должен был выйти спасательный отряд. Витя попросил туристов сбегать в лагерь, до которого осталось сорок минут хода, и сообщить о том, что группа вернулась с восхождения. Двое молодых парней тут же побежали вниз. А четверка забылась в тяжелом сне. Но вскоре посыльные возвратились. Оказалось, на дороге их встретил ехавший на мотоцикле выпускающий, - он верил в альпинистов и ждал их возвращения. Когда посыльные сообщили, что ребята вернулись с горы, Леонтьев на радостях выругался, развернул мотоцикл и унесся в лагерь.

Утром, как часто бывает в горах, непогода прекратилась. Измученных альпинистов разбудило яркое теплое солнце. Они не торопились в лагерь. Хотелось после всего пережитого понежиться на солнышке, расслабиться. В лагере альпинистов ожидал разбор восхождения с неприятными вопросами. Медленно, собрав все свои пожитки, ребята, не торопясь, двинулись по дороге на базу. По пути вниз, их встретила жена Олега - Клара, обняла всех и, почему-то плакала, но это были слезы радости. Вернувшихся восходителей сытно накормили, их осмотрел врач и они пошли в душ греться и отмываться.

Вечером в лагере заметили тревожную красную ракету, взлетевшую в районе горы Джантуган. Впоследствии оказалось, что двойка, которая встретила в пурге спускавшихся после холодной ночевки альпинистов и последовала далее, провалилась в трещину. Спасатели все-таки вышли из лагеря, чтобы, как потом стало ясно, стать свидетелями трагедии.

Леонид в горы больше не ходил, уезжая, приглашал к себе домой друзей на мамыны вкусные вареники. Ольга долго лечилась от последствий переохлаждения. Олег и Виктор остались в альпинизме и ходили еще на многие вершины. Виктор впоследствии стал профессиональным спасателем и участвовал во многих спасательных работах.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Как обычно начинаются спасательные работы?

Заканчивался снежный февральский день. После дежурства на лавине, объезда на снегоходе альплагерей, обычно собирались мы на маленькой кухоньке нашего уютного спасательного пункта, пили чай, говорили о политике, о любви, о теплых краях. Ботинки, носки, одежда после мокрого дня сохли в сушилке. На восхождениях у нас зарегистрировались всего три группы. Одна из них, сборная команда, на Эльбрусе акклиматизируется, подготавливаясь на гималайский восьмитысячник, а две другие вышли на восхождения, участвуя в первенстве армии по альпинизму. Со сборной командой на Эльбрусе радиосвязи не было: их там много - человек двадцать, а с армейцами связь поддерживается в оговоренное время. В горах заканчивается мертвый сезон, но альплагеря еще не заполнены альпинистами, да и лыжников немного. Из спасателей на весь район нас зимует семеро. Это Виталий Волынский, Андрей Исупов, Виктор Автомонов, Александр Коляс, врач из Запорожья Евгений Гладкий и Михаил Валько - наш шофер. Виктор приболел, но периодически прослушивает эфир, а остальные - в постоянной готовности. Погода за стенами нашего теплого дома ужасная: идет снег, сантиметров десять в час прибавляет. Это очень много. После штатной радиосвязи заходит на кухню Виктор Автомонов и говорит, что с бивуака "Немецкие ночевки" наблюдатели сообщили о срыве на Ушбинском ледопаде связки Шейнов - Вдовиченко. Шейнов без сознания, предположительный диагноз - перелом основания черепа. Передали эту информацию Виктор Янченко и его напарник и сразу же вышли на помощь к пострадавшим. Они находились на бивуаке "Немецкие ночевки" и были ближе всех в районе к месту аварии.

В пятом часу вечера заработала спасаловка, а это, как всегда, битва против времени, расстояния, стихии и местности.

Местность, которую предстояло пройти, была очень известная - Шхельдинский ледник и Ушбинский ледопад. Ледопад - чудесное явление природы, страшное и красивое. Нагромождение многотонных ледяных глыб стекает по крутому ложу, изменяя поверхность в течение суток до неузнаваемости: появляются новые трещины, закрываются старые, возникают ледовые стены. Иногда, особенно зимой, исчезают снежные мосты, а участки чистого льда становятся труднопроходимыми. Эти ледовые столбы по сложности можно сравнить с маршрутами высшей категории трудности. Ледопад течет между красивым пирамидальным пиком Щуровского и величественным массивом вершины Шхельда. Через Ушбинский ледопад пролегает путь на высокое плато, по которому можно спуститься в высокогорную Сванетию. С этого плато выходят на вершину, ради восхождения на которую приезжают к нам сильнейшие альпинисты со всего мира. Это двуглавая красавица Ушба.

По ледопаду многие альпинисты спускаются после восхождения на такие горы, как Чатын, пик Щуровского и Малую Ушбу. Путешествуют через Ушбинский перевал, проходя ледопад, и горные туристы.

Почти одновременно с Янченко на помощь вышли спасатели КСП. Но у них впереди Шхельдинский ледник, который в хорошую погоду проходят до ледопада за шесть часов.

Рации включены в аварийных случаях на постоянный прием.

Зимний день в горах очень короткий, тем более в этот февральский день, когда видимости практически нет из-за метели. Порывы ветра сбивают с ног. Фактически в темноте продвигаются по Шхельдинскому ущелью Виталий Волынский, Андрей, Евгений и Михаил. Около двенадцати часов ночи получаю по радио известие от Волынского: "Накрыла нас лавина, откопались. Будем продолжать движение, ведь у нас акья". Да, без акьи транспортировать лежащего больного по ледово-снежному бездорожью невозможно. Место, где сошла на ребят лавина, Виталий в темноте определить не смог, но по времени они должны были подойти к "немецким ночевкам", ведь шли уже семь часов. Прошло еще десять минут и снова в эфире срывающийся голос

Виталия: "На нас сошла вторая лавина, откапываемся, травм нет, но мы с Андреем промокли насквозь". Даю команду возвращаться, ведь температура на градуснике - минус двадцать пять. Михаил с Евгением не так промокли, пошли с акьей дальше, а Виталий и Андрей повернули домой. Все время на

связи Александр Демченко - старший тренер армейской команды.

Договорились с ним о совместных действиях. С рассветом на спасательные работы вышел второй состав сборной армейцев. Группе, находящейся на

вершине Шхельда, по связи сообщаю о происшествии с предложением

прекратить восхождение, начать спуск со стены и подключиться к

спасательным работам. Для транспортировочных работ нужно сорок два человека, а в ущелье в это время было только двадцать пять. Виктор

Янченко и его напарник около полуночи, не дойдя до пострадавшей группы, из-за опасности в темноте попасть в трещину, сели на ночевку посередине ледопада. Пострадавшего закутали в спальник и палатку: к этому времени группа успела спустить его с верхней части ледопада на пару веревок и тоже остановилась на ночевку. Всю ночь шел снег, с рассветом пурга усилилась. В четыре утра двинулась на спасаловку молодая армейская

команда. Вышли и я с Александром Колясом (в это время он был

второразрядником и это была его первая зимовка на КСП). Виктор Автомонов остался дома - он был болен, пусть сидит на связи. Больше никого в

ущелье нет. Иду по Шхельдинскому ущелью, все мне здесь знакомо, знаю каждый камень, поворот ледника, трещины, "карманы". Но в этот день пурга делала рельеф неузнаваемым. За час до нас прошли двенадцать человек, но их следов уже нет: перед нами снежная целина. Ветер и снегопад сделали свое дело. Иду уже несколько часов наощупь, Александр за мной. Снег постоянно на уровне груди и месишь его, разгребая руками, трамбуя

ногами, телом. Саша просится вперед - пробивать тропу. Выпускаю его

вперед, и он тут же пропадает - с головой уходит под снег. С его небольшим ростом идти впереди сегодня тяжело. Пока он барахтался в снегу, я отдышался и снова вышел вперед. Сталкиваемся с Виталием Волынским и Андреем - они почернели от холода, руки подморожены.

Смерзшаяся одежда взялась на них колом. Перекинулись несколькими словами и разошлись : ребята - домой на КСП в тепло, а мы с Сашей - к

пострадавшему Шейнову на ледопад.

Проходя по леднику мимо Шхельды, слышали голоса. Это четверо армейцев спустились с маршрута. Мы встречаемся и идем уже вместе.

Наконец мы добрались к бивуаку "Немецкие ночевки". Под ночевками в огромном снежном надуве вырыта пещера. Ее вырыли питерцы за полмесяца до этих событий, жили в ней, и из нее выходили на восхождения. Эту же

пещеру использовали как базовый лагерь и армейцы. Заглядываю внутрь - в темноте лежат выдохшиеся Михаил и Евгений. После борьбы с ночным бураном и попадания в две лавины тяжело им было заставить себя дальше двигаться на ледопад. Пересекаем с Александром ледник и идем вверх до тех пор, пока не вырастает перед нами вертикальная ледовая стена метров

пятнадцать высотой. Это и есть подножье Ушбинского ледопада. Под стенкой сидят люди, накрывшись полиэтиленовой пленкой. Спрашиваю:

-Почему вы здесь, а не наверху возле пострадавшего?

-Забыли на базе кошки, не взяли ледового инструмента, не предполагали, что может быть так круто.

Все ясно! Связываемся веревкой с Александром, вытаскиваем из рюкзаков ледобуры, карабины, "ice fi-fi". Он тихо меня спрашивает:

-Что, сюда, на эту ледовую стену надо лезть?!

-Да, Сашенька, надо. Страхуй!

Заворачиваю ледобур, надеваю на него карабин, прощелкиваю веревку для страховки и на "фифах" быстро начинаю движение вверх. Ребята, спустившиеся со стены Шхельды, работают параллельно. Прохожу стенку, на ледовом уступе делаю из трех ледобуров страховочную станцию для

последующего спуска, становлюсь на само страховку и принимаю Александра. Поднимаем веревкой акью. Таким же образом с попеременной страховкой

двигаемся по следующей стенке вверх и так с одной ледовой ступени на другую - до встречи с пострадавшим. Перекладываем Шейнова в акью и начинаем быстрый спуск по оставленным на страховочных станциях петлям. Ребята из команды А. Шейнова несколько подавлены, но стараются чем-то помогать. Спустившись с ледопада подтаскиваем акью к пещере. Подходит Евгений, врач, начинает над Александром "колдовать". Включаю налобный фонарь, смотрю на часы - 18.00. Видимости нет. Буря продолжается. А.

Шейнов очнулся, узнал меня. Просит развязать веревки, вытащить его из спальника. Этого как раз делать нельзя - ведь врач требует срочной транспортировки больного вниз, в стационар. Но Шейнов настаивает,

говорит, что хочет в туалет. Разрезаю ножом спальник в соответствующем месте, а он командует:

-Наклоните акью покруче, поставьте на ребро, а теперь все, кроме Валеры, отойдите подальше, пусть он меня подержит.

-Шура, зачем?

-Будет такая струя, что посбиваю всех с ног.

В этот момент я понял, Шейнов будет жить. Правда, после того как сделал свои дела, он тут же отключился.

В толпе спасателей роптание. Предлагают занести акью с больным в пещеру, побыть там до рассвета, отдохнуть, а затем начать транспортировку. Чувствую - этого делать нельзя, тем

более, врач говорит, что Шейнова можно спасти, только срочно отправив в стационар. Сначала мягко пытаюсь убедить, что надо двигаться. Это не помогает.

Тогда начинаю убеждать жестко, с выражениями, как только могу, что

транспортировку необходимо начинать немедленно. Понятно, сил нет, холодно, ветер, темно, а рядом - теплая пещера, впереди же предстоит многочасовая изнурительная работа по транспортировке. Убедил! Деваться ведь некуда, тащить надо. Начинаются предложения по выбору пути. Дебаты по этому вопросу тут же прерываю. Распределяю ребят по шесть человек, определяю кому за кем тащить акью, договариваемся о смене через каждые десять минут и выхожу вперед выбирать путь в кромешной тьме. Перед началом движения увидел при свете фонаря Михаила Валько, он почему-то без кошек.

-Миша, ты не прав, дорогой, надевай быстро кошки, включай свой фонарик и догоняй нас, но иди точно по следу, проложенному акьей, чтобы не попасть в одну из многочисленных трещин. Ты должен быть возле меня с рацией для связи с КСП.

И началось движение спасательной кавалькады. Свет от налобного фонарика упирается в снежную стену, видимость сантиметров пятьдесят. Продвигаюсь во тьме на одной интуиции. На ходу спрашиваю, где Валько: мне понадобилась рация. По цепи кто-то крикнул, что он где-то тут позади и передают мне рацию. Связываюсь с базой и сообщаю о начале движения. По ходу движения, выбирая путь, несколько раз проваливаюсь в занесенные снегом трещины, но каждый раз самостоятельно выбираюсь. Нервы, мышцы, все напряжено. Периодически идет смена носильщиков. Акью с Шейновым перетаскиваем через трещины на руках, но в основном тащим волоком. Чувствую, силы постепенно покидают меня. Но держусь. Подходим к повороту Шхельдинского ледника, остается еще пара часов работы. Подбадриваю себя и ребят. Выдержим! Какие-то голоса слышатся сквозь завывание пурги. К нам на помощь подошли гималайцы. Спустившись с Эльбруса и узнав о спасательных работах, они бросились на помощь. Узнаю Сергея Бершова, он командует прибывшей группой. Здравуемся. Бершов - выдающийся альпинист, восходителем на многие экстремальные маршруты, в том числе на самую высокую гору в мире - Эверест.

Вот облегчение, свежих ребят - шестнадцать человек. Вдруг слышу, по рации меня вызывает главная радиостанция, узнаю хриплую скороговорку Виктора Автомонова:

-Валько в трещине, он из трещины со мной связался, просит помощи. Подробностей нет, у Миши, видно, "села" радиостанция.

Мгновенно мозги переворачиваются. Возникает множество вопросов. Надо выделить основные: где искать, каково состояние, кто пойдет искать? Решил определиться с ответом на

последний. Все, кто транспортировал больного, без сил. Обращаюсь к Сергею Бершову, но у его группы проблемы. Оказывается ребята выскочили к нам на помощь, не взяв теплых вещей и снаряжения. Что делать? Принимаем с Сергеем единственно верное решение. Собираем теплые вещи, ледорубы, кошки - весь необходимый комплект снаряжения с транспортировщиков. Мы раздеваемся и одеваем восьмерых только что пришедших помощников. Они идут на поиски Михаила, а мы продолжаем тащить по буеракам Шейнова. Другого решения просто нет. Все альпинисты Приэльбрусья в данный момент собрались на повороте Шхельдинского ледника. Я предположил, что Валько влетел в трещину недалеко от места, где мы начали транспортировку, вблизи пещеры. На этом участке решили начать искать его. Молча расходимся. Восемь спасателей уходят к "немецким ночевкам", а мы тащим акью с Шейновым дальше. Через некоторое время лицом к лицу сталкиваюсь с Виталием Волынским и Андреем Исуповым. Они успели немного отогреться, переоделись и снова рванулись на помощь. Прошло чуть менее суток после того, как они побывали в двух лавинах. Поистине человек - единственное создание на земле, которое может добровольно и сознательно рисковать собственной жизнью, чтобы спасти жизнь другому, себе подобному. Морена за языком ледника состоит из крупных камней, заваленных снегом. Тут и летом трудно пройти, а сейчас вместе с акьей проваливаемся с головой под снег. Месим снежную кашу, и вот, наконец, упираемся в мост через Шхельдинку. На мосту наша машина "скорой помощи" уже ждет. Загружаем туда Шуру и отправляем в Тырнаузскую больницу.

Все ребята идут спать, а я отправляюсь на главную радиостанцию. Смотрю на часы - двенадцать часов ночи. За шесть часов дотащили Шуру до дороги. В этих условиях - это очень быстро. Для сравнения: этот путь летом проходится тоже за шесть часов. За двенадцать минут пролетает это же расстояние вертолет в нормальную погоду.

Запрашиваю по радио поисковую группу:

-Как дела с поиском Валько?

-Ищем, просим подготовить смену, очень холодно.

-Подумаем.

А сам знаю, что со сменой можно определиться не раньше рассвета. Мужики спят мертвецким сном. Реально же смена подойдет на бивуак "Немецкие ночевки" лишь в тринадцать-четырнадцать часов. Корю себя, что не остановил колонну с пострадавшим, не проверил где же все-таки был Валько. Несмотря на смертельную усталость, сна нет. Пью кофе и слушаю эфир. Изредка - доклады от ребят, они лаконичны: "пока нет". Ребята пашут под бивуаком "Немецкие ночевки", прочесывая ледник, заглядывая в каждую трещину. Уже

четыре утра, а поиски продолжаются. Опять напоминают мне о смене. Решаю, что дам еще час поспать мужикам, пришедшим после транспортировки. Вдруг слышу в эфире голос: "видим голову". Бросаю взгляд на часы - 4.30. Состояние - полушоковое. Неужели?! Но следующая фраза снимает напряжение: "Миша появился из трещины, вылезит сам". Меня начинает колотить - совсем расклеился. Надо радоваться, все закончилось. Правда, состояние Шейнова неизвестно, но это уже дело врачей и Бога. А Миша оказался в ледовой трещине самым прозаичным образом. Он надел кошки и пошел не по следу акьи, как я ему посоветовал, а напрямик, и тут же влетел в трещину. Посидев там около десяти часов, а одет он был неплохо, вытащил из рюкзака ледовый инструмент, начал работать и выбрался на поверхность сам. Спасатели были рядом и сразу увидели его. Так закончился февральский день спасателей длиной в тридцать шесть часов.

На этом можно было бы и точку поставить, но трагедия Александра Шейнова не закончилась. Из Тырнаузской больницы его перевезли в Нальчик, а затем на самолете отправили в Москву. Долго лечился. Восстановился. "Сходил" на одну из престижных гор Памира, прошел траверс Конченджанги - гималайского восьмитысячника. Были новые мечты. Но они не сбылись. Шуры не стало после одного из прыжков на парашуте. Душа его, вместе с мечтами, улетела в небо...

ХАЛАТНОСТЬ

Серое, свинцовое небо накрыло ущелье. В горах стояла необыкновенная тишина. Казалось, малейший звук может нарушить взвешенное состояние равновесия природы. Удивительно, что такое ожидание катаклизма приключилось в последний день, в основном, теплого, солнечного июльского месяца. С рассветом равновесие закончилось.

В пять утра на бивуаке «Зеленая гостиница» начался дождь со снегом. Поэтому командир отряда альпинистов, выглянув из палатки, решил

повременить с выходом. К десяти утра дождь прекратился, но видимости почти не было. Однако, стремление выполнить план любой ценой вынудило командира, без совещания с инструкторами отделений, повести отряд на восхождение. В свое время альплагерю вменялось выполнять план по подготовке начинающих альпинистов.

В угоду этим требованиям командир отряда, опытный инструктор Николай Борисов, повел в этот тяжелый, пасмурный день свой отряд на зачетное восхождение. Обычно на восхождения альпинисты выходят до восхода солнца. Одна из причин ранних выходов - необходимость пройти камнеопасные склоны до освещения солнцем верхних участков горы потому, что скованные ночным морозом камни под воздействием тепла начинают оттаивать. Возникает опасность камнепада и травмирования восходителей.

Накануне Борисов в беседе с командирами отделений, обсуждая план восхождения, однозначно предупредил: «Приказы командира не обсуждаются!» Посему, без возражений,

несмотря на непогоду, отряд потянулся через ледник к подножью вершины. Первая категория трудности маршрута в альпинизме самая простая. Обычно такой маршрут идется ногами, на некоторых участках приходится придерживать за скалы руками, а иногда, на снежном склоне, альпинисты продвигаются, опираясь на ледоруб. На отдельных отрезках пути на гору инструктора навешивают веревочные перила - это хоть и задерживает движение, но помогает, при большом количестве участников, надежней пройти опасные участки.

Подойдя к горе, в связи с опять начавшимся дождем со снегом, было решено проходить маршрут по перилам колонной, одно отделение за другим. Первое отделение, достигнув вершины, уже начало спуск, когда последнее только подходило к перилам. Получилась какая-то карусель, хотя ради безопасности отряд не должен начинать движение по скальному гребню на этом маршруте, пока все люди не соберутся на перемычке. Командир спешил из-за непогоды. Одна из инструкторов координировала продвижение отделений. Инструктор Посольский, сходя с своим отделением на вершину, начал спускаться. Видимо, как ученый-атомщик, он решил «поэкспериментировать», нарушая негласные законы гор, - отделение направил по набитой тропе, а сам пошел другой дорогой. На замечание девушки-координатора не прореагировал и тут же задел ногой лежащий на гребне «живой» камень. Этот камень сбил другие камни, что спровоцировало камнепад.

А в это время по перилам поднималось отделение инструктора Наташи Кулагиной. Крик «камень!!!» повис в воздухе. Один из камней больно бьет Наташу, а другой попадет в голову стоящей рядом с ней на перилах, участнице Тане, которая, повиснув на веревке, вначале перебирает руками и ногами, а затем, дернувшись неподвижно повисает на веревке. Наташа, несмотря на травму, не выпустила страховку одного из своих участников и позвала на помощь. К Татьяне подошли инструктора Посольский и Тамятин, но, достав аптечку, начали совещаться ничего не предпринимая. Тогда Наташа, видя их нерешительность, позвала на помощь стажера Володю Кудинова. Володя работал в контрольно - спасательном пункте радистом и как профессионал участвовал во многих спасательных работах. Кудинов мгновенно среагировал. Он установил ориентировочно диагноз, сделал пострадавшей необходимую инъекцию и вызвал по радиации спасательный отряд. Несмотря на то, что Володя только стажировался на инструктора, он принял руководство спасательными работами на себя. Инструктора навешивали спусковые перила, а Володя взялся за самую трудную и опасную работу - сопровождать пострадавшую, находившуюся без сознания. Страховали сопровождающего и пострадавшую единственные в отряде, кроме пожилого командира, мужчины-инструктора Посольский и Тамятин. Увы, конец страховочной веревки они не закрепили. Веревка вырвалась из рук инструкторов и Володя с Татьяной соскользнули по снежному склону на двадцать метров. Только благодаря невероятным усилиям, Володя сумел остановить скольжение. Иначе он с Татьяной приземлились бы на скалах.

С КСП вызвали вертолет без всякой надежды, что в такую погоду машина сможет прилететь. Сами спасатели, быстро пройдя ущелье, двинулись навстречу пострадавшей. Татьяну еще несли по леднику, а над «Зеленой гостиницей» уже заходил на посадку вертолет.

Была вторая половина дня, кончался световой ресурс для полетов в горах. Как вертолет пробился сквозь густую облачность и проливной дождь?! Но за штурвалом был необыкновенный пилот - Алексей Севостьянов. О его полетах в горах существовало немало легенд, которые на поверку оказывались бльбью. Алексей предполагал, что пострадавшая уже на месте и он сразу взлетит. Однако Татьяну нужно было еще нести по бездорожью ледника около часа. Состоялся неприятный диалог между Севостьяновым и мной:

- У меня кончается световой ресурс времени. Если через десять минут, я не взлечу, то придется ночевать здесь. Тем более нет никакой видимости.

- Леша, подожди еще немного. У девушки подозрение на перелом основания черепа, нужно срочно ее госпитализировать. Ночь она не переживет.

- Не могу нарушить полетные инструкции!

- Леша!!!

- Ну ладно. Узнай по радиии у альплагерей, находящихся внизу по ущелью, состояние облачности, но больше двадцати минут ждать не буду.

Начинаю вызывать альплагеря и запрашивать погоду. Радисты все как один, догадавшись в чем дело, дают безветренную с переменной облачностью погоду. Думаю, Севостьянов догадывался о сомнительной достоверности докладов.

Через пятьдесят минут больную загрузили в вертолет. В это время на бивуаке видимость снизилась почти до нуля, а с неба обрушился на землю поток воды.

- Леша, дорогой, что будем делать?

- Попробуем взлететь! Валера, ты только разложи на взлетной площадке консервные банки с пропитанной керосином ветошью и, как только я взлечу, подожги. Если не пробьюсь, придется возвращаться и садиться в темноте - твердо чеканя каждое слово произнес командир вертолета.

Машина взлетела и взяла курс на Нальчик. Впоследствии оказалось, что вертолет пришлось посадить в городе Тырнаузе - дальше лететь было

невозможно из-за сплошного грозового фронта. Больную перевезли в машине скорой помощи в местную больницу и передали врачам.

Диагноз спасателя подтвердился... Татьяна еще месяц находилась в коме. Благодаря усилиям врачей, Таниной мамы, постоянному уходу девушек - инструкторов, ежедневно посещавших больную, и видимо, всевышним силам, больная выжила.

А нерадивых инструкторов, после тщательного разбора всего, что произошло, отлучили от альпинизма.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Учебная группа разрядников после восхождения на вершину спускалась по простому пути. Нужно заложить с вершины один дюльфер и два спортивных - и ты на снежной подушке перед спуском в кулуар. Пятеро ребят, спустившись с верхней страховкой на снег и став на самостраховку, внимательно наблюдали за умелыми движениями инструктора. Петрович, так звали инструктора, по всем правилам альпинистской науки, на двойной веревке спускался, продергивая ее из оставленной петли. Этот прием всегда отрабатывался на занятиях внизу, а сейчас его использовал опытный инструктор, поэтому было интересно.

Погода стояла хорошая, теплая, только раскисший к половине второго дня снег вызывал тревогу у инструктора. И тревога оказалась не напрасной. В момент спуска Петровича сверху из-под вершины зашуршала лавина. Снежный стремительный поток мягко ударил по ногам альпинистов, стоявших на самостраховке. Все устояли, кроме Юрия. Ноги его заскользили, а ледоруб вырвался из снега и у всех на виду Юрий скрылся за перегибом. Спустившись, Петрович с ребятами осмотрели кулуар и, не обнаружив Юры, спустились на плато, но и тут никого не нашли. Петрович сообщил об аварии в лагерь по рации, и закрутилась карусель поисковых работ. Подошли альпинисты двух альплагерей, занимавшиеся вблизи, а вскоре прибежали спасатели, преодолев огромное расстояние от спасательного пункта за два с половиной часа, что в три раза быстрее обычного подхода.

Начало смеркаться, пошел дождь со снегом. Искать остались спасатели, а участники из альплагерей, не имея теплых вещей, ушли вниз.

Обычно, согласно этике, распоряжения руководителя поисковоспасательных работ по обеспечению безопасности выполняются в горах беспрекословно. Одного из командиров я попросил оставить провешенные с перевала четыре веревки для облегчения транспортировки пострадавшего, если его найдут, или для ускорения подхода вспомогательных отрядов при продолжительных поисках.

Прощавшись с уходящими вниз инструкторами, продолжаем поиски. Зондами уже тщательно прощупаны вдоль и поперек два языка сошедшей лавины. В темноте искать

становится сложно. Включаем шахтерские фонари. Все сходятся во мнении, что, возможно, Юра попал в рантклюфт. На границе ледника и его скальных бортов происходит активное таяние, возникает краевая трещина, углубляемая водяными потоками. Она и называется рантклюфтом. Раскапываем лопатами забитую повторной лавиной трещину, при этом не обращаем внимание на извергающийся сверху поток ледяной воды. В действительности, все давно промокли; очень холодно. Появляется в снежной пробке дыра. Мощный луч прожектора упирается в черную пустоту. Один из спасателей вызывается спуститься в рантклюфт. Организовав станцию, спускаем его метров на пятнадцать. Кричит, что ничего не видит и просит скорее поднять - очень замерз. К этому времени подошел вспомогательный отряд. Принесли нам еду, пуховки. Поставили палатку. Вытаскиваем промокшего Володю и отправляем его в палатку греться. Готовлюсь к спуску и я. Одеваю на голое тело шерстяной свитер, сверху натягиваю костюм из болоньи, цепляю на каску шахтерский фонарь и ребята потихоньку опускают меня на страховке в кромешную тьму бездонной ледовой трещины. Поток ледяной воды окатывает с головы до ног. От холода весь сжимаюсь. Ребята сверху кричат, что кончилась веревка. Луч света от фонаря не пробивает толщу темноты. Кричу наверх, чтобы довязали веревку. Пока довязывали веревку подумал, что было бы неплохо иметь в спасфонде водолазный скафандр. Спускают еще метров на тридцать - ничего не видно, а холод, кажется, проник во все поры и как огромные тиски сжимает тело. Начинают поднимать на-гора. Процесс продолжается вечно.

После подъема забираюсь в относительно теплую палатку. Стаскиваю с себя промокшее тряпье и укутываюсь двумя пуховками. В палатку набилось пять человек, идет беседа ни о чем и тут Володя вспоминает, что сегодня ему исполняется двадцать пять лет. Достая аптечку, вытаскиваю укладку со шприцами и по глотку разливаю всем присутствующим спирт. Запиваем горячим чаем из растопленного снега, закусываем консервами. Вот в такой обстановке отметили мы юбилей спасателя из Новочеркасска.

Рассвело. Снова прощупали зондами главный и боковые конусы лавины. Начальство по рации предлагает заканчивать поиск, но какое-то неведомое чутье подсказывает, что нужно еще искать. Прошу дать нам поработать еще час. Добро получено. В рантклюфте правее лившегося сверху водяного потока и ниже поверхности ледника метра на четыре оставалась непроверенной небольшая снежная пробка. Соединяем три зонда и, приспустившись, один из спасателей прощупывает эту пробку.

-Чувствую, внутри пробки что-то мягкое, - говорит Иван.

Быстро на страховке спускаюсь вниз к нему. Вместе аккуратно разгребаем пробку. Появляется рука в красной куртке. Тут же докладываю на КСП. Мелькнула мысль, что нашли пропавшего ориентировочно в этом районе сына одного из моих альпинистских друзей. Минут через пять, когда тело было освобождено от снега, оказалось, что это был Юрий. Работа

головного поискового отряда закончилась. Началась транспортировка. Протащив акью через плато, транспортировщики подошли к краю крутого перевала. Здесь, по договоренности, должны были быть провешены веревки, но их не оказалось. Инструктор, с которым мы договаривались, уходя снял их. Ничего страшного; задержавшись на некоторое время, проработавшие всю ночь уставшие спасатели навесили перила и транспортировка продолжилась.

Этот эпизод остался на совести упомянутого инструктора. Мы с головным отрядом уходим после спуска с ледника вперед. На тропе встречаем женщину с собакой. Она решила, что смогла бы помочь в поиске пропавшего альпиниста. Объясняем, что уже не надо, а на леднике в обуви на каблучках и без специальной подготовки ей не пройти и собака по льду тоже не сможет двигаться. Усомнилась, но поверила. На подходе к альплагерю встречаем группу туристов выходного дня. Они захватываяще нам рассказывают, что под вершиной Джантуган засыпало лавиной семь человек и собака их нашла и раскопала.

-Попал в лавину один человек, а "собака" - это вот этот мужик, который только что прошел, - указывая на меня, сообщил им наш юбиляр.

В СНЕЖНОМ ПЛЕНУ

Зима оказалась снежной. Такого огромного количества снега в Приэльбрусье не видели давно. Лавины гремели во всех близлежащих ущельях. В ущелье Адылсу, где расположен Шхельдинский спасательный отряд, рядом с нашим домом (в двухстах метрах от него) есть огромное "корыто", по которому обычно сходят лавины. "Наша" лавина не заставила себя ждать. Когда начинают сходить лавины, мы обычно выставляем предупреждающие щиты, а в самые опасные дни - круглосуточно дежуриим. К сожалению, эта лавина уже поглотила нескольких человек, которые пренебрегли предупреждениями.

В январе на альпинистские базы начали приезжать отдыхающие, в основном лыжники. Оценив снежную обстановку, объехал на снегоходе все базы, предупреждая о возможной лавиноопасности. Приезжала к нам и противолавинная служба, постреляли из зенитки по снежным "карманам", но основная лавина так и не сошла. В последние дни января потихонечку начался снегопад. Снег сыпал круглые сутки, не прекращаясь.

На вторые сутки наступило тревожное ожидание. Выставили посты. Днем услышали грохот - это пошли лавины. "Наша" лавина пятнадцатиметровой стеной перекрыла ущелье плотным, как бетон, снегом. За этой стеной оказались запертыми в ущелье 150 отдыхающих, обслуживающий персонал баз отдыха и наша служба.

Расставив наблюдателей, пробиваем лопатами тропу через лавину, и, кстати, потому что у одного из отдыхающих случился сердечный приступ. До лавины довез его на снегоходе, а затем на руках через лавину перетаскивали всем отрядом. Тяжелый был парень. Спустили в "акье" до развилки дорог - это километра три вниз; возле сельсовета переложили больного в машину "скорой помощи".

Только вернулись на КСП, пришло сообщение, что в районе села Байдаевка мощная лавина снесла шестидесятитонный Катерпиллер, судьба водителя не известна. Одеваемся, пристегиваем лыжи, берем зонды, питание, радиостанции и бегом всем отрядом направляемся к месту аварии.

В хорошую погоду, пробежать семь километров для тренированных спасателей не проблема, но сегодня дороги практически нет. Снега уже выпало свыше трех метров. Со всех сторон слышен грохот лавин. Съезжаем на лыжах в Баксанское ущелье на основную автомобильную трассу и здесь дорога обозначена с двух сторон только стеной леса. Подходим к Тегенekli - сплошной завал. Лес, сбитый лавинами, лежит хаотически. Сняли лыжи, началось лазание по бурелому. Наконец пролезли. Снова надеваем лыжи и сквозь снежные сугробы пробиваемся к Байдаевке.

Рядом с селением на склонах рос густой сосновый лес. Когда подошли ближе - открылась неузнаваемая картина. От леса остались одни пеньки, он как будто срезан огромными ножницами, и какой-то великан перебросил все, что от него осталось на другую сторону реки. Катерпиллер, перевернутый вверх огромными колесами, лежал в реке Баксан, а сама река забита льдом, снегом, остатками леса. Этот хаос наделала огромная лавина шириной приблизительно два километра, она же снесла все постройки красивой "долины нарзанов". В это время как раз оттуда двигались бульдозер и Катерпиллер, расчищая основную дорогу ущелья. Анатолию, бульдозеристу, повезло. Когда его бульдозер накрыло снежной лавиной, машина не заглохла и продолжала двигаться под снегом по дороге, пока не добралась до края лавины. Толя все это время лежал на дне кабины и остался невредим. Катерпиллер же попал под "язык" лавины, всей мощью которого его сбросило в реку.

Выставляем возле Катерпиллера посты наблюдения и начинаем поиск. Прежде всего обследовали полузатопленную кабину, зондами прощупывая ее содержимое. Это - чрезвычайно сложная ювелирная работа, ведь была вероятность, что там остался тридцатилетний Морозов, водитель огромной машины. Выловили из кабины остатки бортового журнала, другие незначительные вещи и убедились, что Морозова в кабине нет. Начали работать на берегу по всем правилам поиска людей в лавине, развернувшись цепью и прощупывая каждый сантиметр снега перед собой. Много раз щуп зонда попадал на что-то мягкое. Сразу же зонды меняем на лопаты и аккуратно раскапываем в этом месте, но увы, каждый раз под слоем снега оказывались залежи хвои. Борис Тилов, начальник Эльбрусской поисковоспасательной службы, по рации сообщает мне, что в нашем районе правительство Кабардино-Балкарии объявило чрезвычайное положение. Это понятно. Снежные лавины

порвали линию электропередач, а зимой отсутствие света здесь - настоящее бедствие, ведь в ущелье вся жизнедеятельность держится на электричестве. Подвоза продуктов тоже нет - дорога заблокирована лавинами. Утром следующего дня прибыла военная техника. К нам для поисковых работ присоединяются рабочие Тырнаузского вольфрамомолибденового комбината, друзья и знакомые пропавшего водителя. Леонид Андреев со специалистами комбината взрывают ледяные заторы на реке, грозившей затоплением окрестностей. А снегопад продолжается. Мы постоянно на радиосвязи. Вдруг слышу в эфире знакомый голос Бориса Тилова:

- Валера, твоему отряду необходимо срочно прибыть на поляну Азау. Здесь лавиной снесло один из домов научной станции Московского государственного университета - под развалинами дома, в завале должны быть люди.

На помощь нам направились спасательные отряды из Нальчика и Пензы. Да, действительно, положение начало обостряться. К этому времени под лавинами уже были стойбища скота, заготовленные на зиму корма, снесены многие постройки. Отзываю в сторону свой отряд - А. Андреева, В. Автомонова, И. Череску, А. Коляса, А. Копылова, С. Лобастова - и сообщаю о событии на поляне Азау. К нашему отряду присоединился альпинист Андрей Исупов, работавший в последнее время на Чететской метеостанции. Отряд в темпе начал продвигаться по заваленному многочисленными лавинами ущелью в сторону долины Азау, а поиск бульдозериста продолжили рабочие комбината. По дороге встретили огромный гусеничный военный вездеход, в кузове которого находились местные женщины с детьми и отдыхающие. Началась эвакуация. С трудом пробиваясь через сугробы, машина с ревом двигалась вниз по ущелью, мы же сквозь пургу шли вверх. Далее по дороге встретили энергетиков, они "колдовали" возле заваленных опор электропередач - у них тоже "адская" работа на морозе. В Терсколе увидели нашего коллегу Абдулхалима из Терскольского спасательного отряда. Тилов поручил ему дожидаться спасателей из Нальчика и Пензы и проводить их на место происшествия. Везде были выставлены заслоны милиции. В зону схода лавин никого не пускали, ведь нет гарантий, что не пойдут повторные лавины. А нам в эту зону можно - там работа. Прошли еще два километра и вышли на поляну Азау, всю забитую лавинным плотным снегом. Это - последний населенный пункт в верховьях Баксанского ущелья. На поляне была когда-то великолепная турбаза "Азау". Пятиэтажную гостиницу из бетона, стекла и пластика в последний год советской власти поставили на капитальный ремонт; так она и не была восстановлена, стоит брошенная. На другой стороне поляны были построены три коттеджа учебнонаучной станции географического факультета МГУ.

С 1969 по 1976 год эта станция под руководством ученого и альпиниста Юрия Арутюнова проводила большую научную работу по изучению ледников Приэльбрусья. Арутюнов во время спасательных работ на пике Коммунизма надорвал сердце. Похоронили мы его возле алыплагеря "Баксан", рядом с другими альпинистами. Затем этой станцией руководил Нурис Урумбаев - известный ученый, мастер спорта по альпинизму, первоклассный лыжник. Однажды, когда на станцию приехали на стажировку американцы, Нурис, спускаясь с ними со

склонов Эльбруса по крутому снежному кулуару на лыжах, попал в лавину. Помощь Нурису и его молодому американскому коллеге не понадобилась - спасатели раскопали Нуриса уже мертвым, а американец скончался в больнице. Юра и Нурис были близкими друзьями спасателей. Мы, живя в горах рядом, делились куском хлеба, ведь магазинов в высокогорье нет и хлеб там - самый ценный продукт.

И вот мы подошли к станции МГУ на поляне Азау. Поляна переметена лавинным снегом, причем против ожидаемого схода лавины с левого склона ущелья, что ближе к коттеджам МГУ, огромная лавина сошла с правого склона, который чуть правее и выше турбазы "Азау". Язык лавины точно попал в среднее здание станции. Сила удара была такова, что железобетонное трехэтажное сооружение сложилось как карточный домик. Мне с первого взгляда эти развалины напомнили Армению после землетрясения, только здесь место, где был дом, вдобавок забито снегом. Драматизм заключался в том, что в момент схода лавины шестеро студентов-практикантов обедали в этом коттедже.

Первоначально опросил сотрудников станции. Нужно было определить место на развалинах дома, где находилась кухня, в которой, предположительно, ребята обедали. Ответы сотрудников не были вразумительными. Это и понятно - люди растеряны. Поиск нужно вести целенаправленно. Вдруг здесь оказался Сергей Романов, он раньше работал у нас в спасательной службе шофером, а сейчас водил университетский автобус. Сергей перевез в больницу многих раненых, не понаслышке знает нашу работу. Заглянув ему в глаза, увидел, что испуга там нет - это мне и надо.

- Сережа, покажи, где находилась кухня, на которой обычно обедали студенты?

Подумав, Серега уверенно показал место, где под грудой камней, бетона и снега, могла находиться кухня. Тут же начали копать. Вся техника наша - лопаты и два лома. По опыту спасательных работ в Армении, предлагаю копать траншеей под грудой обваленного дома. Молча начали работать. Через некоторое время пришли спасатели из Пензы и наши коллеги из Нальчикской службы. Слышу команды Геннадия Кабанова, руководителя группы из Пензы; его ребята ринулись на верхушку развалин дома и начали разбирать крышу. Но этого делать как раз нельзя, ведь любая дополнительная нагрузка может придавить находящихся под завалом людей, и, кроме того, разборка завала сверху займет более продолжительное время, а время - это здесь большой шанс на жизнь. Быстро принимаю решение: команду по координации спасательных работ надо брать на себя. Во-первых, нужно посчитать, сколько человек прибыло сюда, во-вторых, чтобы более рационально и целенаправленно копать, необходимо организовать смены. Подхожу к Геннадию Кабанову и Тахиру из Нальчика и, как можно тактичнее, предлагаю план проведения поисковых работ. Коллеги со мной сразу соглашаются. Разбиваем всех спасателей на пятерки. Оказалось пять смен. Смена работает тридцать минут, потом отдыхает. Кроме того, Леонид Андреев организовал комнату отдыха в рядом стоящем доме. Там очень холодно, ведь нет света, а на дворе конец января. Леонид с Александром Колясом собрали все примусы, раскочегарили их и начали топить воду из снега.

Сменившаяся пятерка тут же могла выпить горячего чаю и залезть в экспедиционные спальники. На ратраке Боря Тилов привез продукты, водку. По моей просьбе из зоны раскопок он увез лишних людей - любопытствующих, мешающих работе, все время дающих ненужные советы. Работать стало спокойнее. Как нам сообщили, должен прилететь вертолет с подвеской из Сочи. Мы рассчитывали подцепить тросом лежащие в завале неподъемные железобетонные перекрытия и этим ускорить раскопки. На часах - начало четвертого, а вертолета все нет. Копаем уже полтора часа. Ко мне подбежала сотрудница станции, сообщив о том, что налажена телефонная связь:

-Вас требует к телефону московское начальство из МЧС.

Подхожу к телефону, представляюсь. Из трубки голос:

-Какое снаряжение вы используете и какой техникой пользуетесь на спасательных работах? Нам необходимо для статистики.

-Работаем с помощью лопаты, лома и ... - резко ответил я. В то время у нас в Эльбрусской поисково-спасательной службе еще не было пневмоподъемников и прочих приспособлений для таких работ. Вопросов больше нет, в трубке - тишина.

Спрашиваю уже я:

-Где обещанный вертолет?

Молчание.

Через некоторое время получаю ответ, что кто-то от нас вызов вертолета отменил; телефонная связь прерывается. Спрашиваю у сотрудницы станции:

-Какой идиот отменил вызов вертолета?

И тут из-за моей спины голос мужчины:

-Это я.

Это был теперешний начальник станции. Он мотивировал отказ от вертолета тем, что якобы потоком воздуха от лопастей вертолета, по его предположениям, могут вылететь стекла в оставшихся двух домиках, а о людях под завалом запамятовал. Может быть в науке этот человек чего-то и достиг, но более откровенного идиота я до этого дня не встречал.

Продолжаем копать. День закончился. Копаем, сменяя друг друга, всю ночь. Утром уже появилась пещера под домом. Снег вытаскиваем наверх на штормовках и на плащах и отбрасываем в сторону. Моя пятерка отдыхала, когда я услышал, что докопались до кафельного пола. Такой пол был на кухне. Здесь темно, узко, копать трудно. Постепенно расширяем

пространство и вгрызаемся в жесткий спрессованный снег. Ребята ставят из бревен опоры. Работу затрудняет загазованность. На кухне была газовая плита, а после завала здания, трубы лопнули и здесь, внутри пещеры, все пропитано газом. Выползаю наверх, иду к Леониду подкрепиться. В горле от газа будто насыпали песок, не могу откашляться. Леонид наливает полстакана чая и в него добавляет приличную дозу коньяка. Выпиваю. Становится легче. Подходит моя смена, лезу снова. Включаю в пещере шахтерский фонарь, начинаю копать и вдруг слышу стон. Работаю интенсивнее, но как можно осторожнее. Вижу девичью голову, плечи, она что-то мне говорит. Живая! Сообщаю наверх, и говорю ей:

-Милая, дорогая, сейчас откапаем. Держись. Как тебя зовут?

-Таня. Освободите, уже нет сил...

-Потерпи немного.

Начинаю откапывать ноги; они запрессованы снегом под бетонной плитой. Рядом со мной работает Андрей Исупов, отгребает снег. Лопатой к ногам не подобрешься. Прошу Андрея передать наверх, что нужен нож. Может быть, им снег отгребу. Нож передают; пробую им работать, но он только прорезает снег, ничего не выходит. Прошу ложку. Передают алюминиевую; она тут же ломается. Наконец-то передают большую стальную. Начинаю постепенно освобождать ноги. Передаю, чтобы срочно выслали вертолет с доктором. И тут за спиной слышу знакомый голос:

-Врач уже ползет к тебе.

Луч шахтерского фонаря освещает лицо знаменитейшего альпинистского врача, известного хирурга Света Петровича Орловского. Меняемся с ним местами. Ассистирую ему.

Уже в шприце необходимый в таких случаях набор лекарств. Свет Петрович делает необходимые инъекции. Освобождаем из снежного плена вторую ногу Татьяны и аккуратно передаем с рук на руки ее наверх. Затем на руках переносим в комнату и кладем на стол. Спрашиваю, где остальные? Несмотря на тяжелое состояние, она рассказывает, что справа от нее и чуть глубже лежит Ольга. Рванулся в пещеру, копаем дальше. Появляется Ольга, лежит приблизительно в Татьяниной позе, с зажатыми под плитой ногами. Стонет. Просит побыстрее ее освободить. Рою ложкой в этом узком пространстве как можно быстрее. К ногам могу дотянуться одной рукой. Уже почти всю откопал. А рядом Свет Петрович с приготовленным шприцом. Странно звучит из Олиных уст вопрос: не будет ли больно от укола? Пока Свет работает, стараюсь ее разговорить. Она рассказывает, что услышала, когда мы начали копать, и появилась надежда на спасение. Наши голоса помогали ей ждать помощи. Выносим наверх Ольгу. Ребята со Светом Петровичем несут ее в дом, а я бегу к вертолету, он уже стоит в двухстах метрах от нас, пристроившись на конце лавины. Прилетел, слава Богу, Алексей Севостьянов. В наших горах - это лучший командир экипажа. Здороваемся. И тут же он показывает мне на часы: в 15.00 он должен взлететь, так как кончается резерв зимнего короткого светового дня - осталось две минуты. Расставляю ребят цепочкой от дома до вертолета и бегом, передавая с рук на руки, несем Татьяну, а потом и Ольгу. Перед самым вертолетом какие-то пассажиры пытаются снимать на камеру, мешают передвижению. Резко отталкиваю их и быстро загружаем девушек в вертолет. Через мгновение МИ-8 отрывается от снега, взяв курс на Нальчик. Татьяна была под снегом двадцать шесть часов, а Ольга двадцать восемь часов. На долю этих девушек, выпускников географического факультета МГУ, выпало тяжелейшее испытание, которое можно записать в историю выживаемости человека в лавине. Более продолжительное пребывание человека в лавине описано в книге "Охотники за лавинами" американца Монтомгери Отуотера. В ней описан случай, когда человек пролежал под снегом, оставшись живым, семьдесят восемь часов. После отправки девушек, мы еще копали непрерывно пятнадцать часов. Под завалом было четыре человека. Больше никому не повезло... Откопали одного парня, он лежал рядом с девушками, вокруг головы у него был снежный панцирь, похожий на шлем водолаза. Не дождался нас... Остальные пострадавшие были раздавлены бетонными плитами и снегом. Особенно тяжело освобождали тело последнего парня. У него нога была прижата двумя бетонными плитами. Мы со Светом Петровичем даже думали отчленить ногу, но ребята нашли зубило и молотом удар за ударом дробили железобетонную плиту. У Александра Копылова эта работа получалась лучше всех. Усилиями всех работавших мы наконец освободили последнее тело. В восемь утра снова прилетел на вертолете Алексей Севостьянов и увез тела в Нальчик.

За трое суток, пока мы работали, дорогу в долине освободили от снега и завалов леса мощной армейской техникой. Заканчивался монтаж электрических опор. С турбаз и альплагерей начали вывозить людей. Район от схода повторных лавин не застрахован. Сев в машину, остановили взгляд на огромном, в пять метров высотой, кургане из снега, бетона, деревянных балок, остатков мебели, искореженных труб - это все, что оставила стихия от трехэтажного красивого здания. В Терсколе взяли несколько буханок хлеба у нас на службе.

Хлеб был завезен в спасательную службу и раздавался здесь людям. Сюда же начали завозить продукты для местных жителей. В поселке Эльбрус, где был расположен штаб по ликвидации последствий снежного плена, тоже выдавали продукты и талоны на бензин для пострадавших. Через две лавины, перекрывшие ущелье Адылсу, пришлось на снегоходе ездить за продуктами.

Суток двадцать мы еще безрезультатно раскапывали лавину под селом Байдаевка, надеясь найти бульдозериста. Когда майское солнце растопило большую часть снега, один из жителей Байдаевки увидел останки человека. Лавина забросила его под углубление большого камня, в районе которого мы тщетно зондировали снег. Это был пропавший водитель Катерпиллера.

Доктора, любимого многими альпинистами, Света Петровича Орловского, врача Первой гималайской экспедиции на Эверест, через некоторое время не стало. Во время операции он заразился инфекционным гепатитом. Девушек Ольгу и Татьяну из Нальчика отправили самолетом в Москву. Лечились. Говорят, они по центральному телевидению делились своими впечатлениями о пребывании в лавине.

Снега было столько в этом году, что лавина "наша", против законов физики, начала ползти вверх по дороге. Дорогу в ущелье смогли пробить лишь через две недели после снятия в Кабардино-Балкарии чрезвычайной ситуации. Снежный плен закончился.

Спустя шесть лет после снежного плена на встрече ветеранов альпинизма ко мне подошла женщина и поблагодарила за спасенную девушку. Это была тетя одной из двух моих "крестниц". После сложного и длительного процесса восстановления она успешно закончила университет и родила дочку. Жизнь продолжилась.

Здорово, что судьба уготовила возможность спасателям влиять на жизнь людей. Случился редкий, но очень волнительный эпизод, когда спасатель получил благодарность за работу.

АКСАУТСКАЯ ИСТОРИЯ

Удивительную и поучительную историю рассказал Фердинанд Алоизович Кропф, участник одной из многочисленных ущельских комиссий по разбору несчастных случаев. Ф.Кропф известен многим альпинистам как главный специалист по спасательным работам Управления альпинизма страны. Он - автор книги-пособия "Спасательные работы в горах", по которой учились многие поколения спасателей. В тридцатые годы, совершая восхождение в австрийских Альпах, Ф. Кропф попал в лавину и пролетел в ней по склону около восьмисот метров. В огромном снежном хаосе, оставленном лавиной, казалось невозможно ничего найти. Многочисленный отряд спасателей искал его трое суток и посчитав, что он погиб, прекратил работу. А на пятые сутки в одну из многочисленных горных хижин кто-то постучал. Хозяева хижины, открыв дверь, увидели лежащего у порога, почерневшего от холода, с перебитыми ногами человека. Этим человеком оказался Ф. Кропф. Находясь под снегом, Фердинанд

Алоизович слышал голоса искавших его спасателей. Они были совсем рядом, но когда голоса людей пропали, он, преодолев боль, выбрался на поверхность и полз до тех пор пока не наткнулся на дверь хижины.

В живописном уголке Кавказа, недалеко от известного многим туристам и альпинистам Домбая, расположено красивое Аксаутское ущелье. Здесь когда-то работала геологическая партия, говорят, искали золото. Рядом со старыми постройками геологов на поляне в лесу раскинулся выездной палаточный городок киевских альпинистов. Собрались интересные люди разного возраста, мастерства, с единым стремлением пройти во время отпуска новые альпинистские маршруты, познать неизвестный горный район. В лесу красиво расставлены палатки для жилья. Оборудованы из больших армейских палаток продуктовый склад и кухня. Установлена радиосвязь с альплагерем "Домбай". Идут занятия на скалах, снегу, льду. Уже сходили на тренировочные восхождения. В свободное от занятий и восхождений время в кустарниках, расположенных вдоль берега горной речки, ребята собирали в большом количестве грибы. Однажды утром приняли радиogramму для врача нашей экспедиции: "Лена в больнице, срочно возвращайся домой". Слава, наш замечательный врач, услышав текст радиogramмы, побежал в кроссовках через снежный перевал, а затем улетел в Киев. Впоследствии оказалось, что его жена, тоже альпинистка, точно рассчитав дни, когда после тренировок начнутся сложные спортивные восхождения, таким образом решила обезопасить от всевозможных случайностей в горах своего мужа. Обязанности врача экспедиции принял на себя Виталий, один из участников сбора. Работы у него было немного; все участники сбора, слава Богу, здоровы; только иногда нужно обработать царапины, потертости. Самая сложная травма случилась у двух девушек - Ольги и Алины. После очередного восхождения они попросили Виталия что-нибудь сделать с их пятками. Девчонки, сняв со своих хрупких ног, тяжелые альпинистские ботинки, показали пятки. Это было кошмарное зрелище - не только врач, но и бывалые альпинисты были поражены: как они вообще могли ходить. Пятки были растерты до костей. После обработки ран юные альпинистки уже через несколько дней уходили на очередное восхождение. Все удивлялись волевым качествам и целеустремленности девушек.

Спортивную жизнь сборов всколыхнул случай с коровой завхоза геологической партии. Вечером после восхождения альпинисты обнаружили палатку с продуктами разгромленной. Несмотря на меры предосторожности, в опутанную веревками палатку пробралась завхозовская корова и проглотила огромное количество полиэтиленовых кулчков с высокогорными пайками альпинистов. Эти пайки аккуратно собрала и разложила по полочкам всеми уважаемая, ответственная в экспедиции за продукты, Раиса Волошина.

Виновница разгрома паслась неподалеку, важно покачивая огромным от проглоченных продуктов животом. Продуктов не осталось и судьба экспедиции оказалась на грани срыва. Ближайший магазин, где можно было бы приобрести какие-либо продукты, находился в двадцати километрах от нас по горной дороге. Машины крайне редко появлялись в ущелье. Из-за запущенной дороги, заваленной камнями и стволами упавших деревьев, двадцать

километров приходилось ехать на грузовике несколько часов. Редко водители соглашались заезжать в ущелье. Самых контактных участников сборов срочно откомандировали для переговоров в соседнюю усадьбу к завхозу геологов, чтобы на любых условиях договориться о приобретении продуктов. По данным "разведки", у него хранилось несколько мешков крупы и пару десятков буханок хлеба. Но завхоз стеной стал на страже: ни деньги, ни бартер его не интересовали. На последний аргумент, что его корова нас обокрала, он без всякого сочувствия переговоры прервал, заявив, что за корову он не отвечает и посоветовал лучше охранять склад. Собравшись за общим столом, участники сборов решали, как жить дальше. Вдруг подбегает к столу взъерошенный завхоз с криком: "Моя корова сдохла от ваших продуктов, платите за нее деньги" и называет баснословную сумму. Ответом был дружный хохот. Когда же он предложил купить у него мясо дохлой коровы, послали его с советом впредь смотреть за своим скотом. Решили командировать "вниз" двух человек, а стальные альпинисты пока побудут на консервах. Так проходили будни экспедиции. Погода стояла отличная. Ночью спортивные группы разошлись на свои восхождения. А днем, когда многие альпинисты находились на спуске с вершин, на аварийной связи в эфире раздался взволнованный голос начспаса сборов Олега Марковского: "Всем группам киевского сбора срочно

прекратить восхождения и возвратиться на базу". Впоследствии оказалось, что на базу прибежал А. Галактионов, сидевший наблюдателем под вершиной Марухбаши. Он рассказал, что почти с вершины сорвались шедшие в связке Петр Уваров и Ольга Науменко. Вторая двойка инструктор Желеур и Алина Заславская спустились по пути подъема на Южно-Каракайский перевал.

Утром спасательный отряд был под вершиной Марухбаши. В лучах восходящего солнца спасатели увидели у подножья горы лежащую на пробке бергшрунда двойку. Вокруг в радиусе ста метров россыпью лежали свежевывавшие из кулуара камни. Борта трехсотметрового вертикально стоящего над бергшрундом кулуара были окрашены тремя огромными красными пятнами. Сбросив рюкзаки, несмотря на продолжающуюся каменную бомбежку, первыми к лежащим рванулись Алик Самодед и Коля Кияница. Убедившись, что ребятам уже ничем не поможешь, Алик и Коля упаковали их в палатку, привязали веревку, а остальные спасатели оттянули страшный груз на безопасный участок ледника. В ста пятидесяти метрах выше на Южно-Каракайском перевале стояла палатка, из которой вылез Желеур. На вопрос спасателей, когда он подошел к упавшей двойке, тот ответил, что не подходил и Лину не пустил. Она рвалась к ребятам, а он связал ее репшнуром. Он решил, что подходить опасно, а Ольге и Петру не помочь. Он так решил и был убежден в своей правоте.

-Что же ты делал до прихода спасотряда? - спросили у него.

-Разрабатывал план транспортировки, - был его ответ, и больше с ним никто не говорил.

Весь день и ночь спасатели рубили лед на леднике под площадку для приема вертолета. Утром прилетевший вертолет, сделав пару кругов над площадкой, ушел в сторону и сел на пологий Марухский перевал. Многочасовая работа спасателей оказалась напрасной. Пилоты не смогли посадить машину на площадку. Началась продолжительная, изматывающая силы и нервы транспортировка тел вверх на гребень со сменой людей через каждые пятнадцать минут, а затем тяжелый спуск вниз на широкий Северо-

Каракайский ледник. Сюда подлетел вертолет и забрал акью с погибшими спасателей.

На ущельской комиссии по разбору этого случая прилетевший из Москвы Ф.А. Кропф задал инструктору Желеуру один вопрос: "Когда вы подошли к пострадавшим?" Услышав ответ, что тот не подошел к пострадавшим, Ф.Кропф, не обсуждая, сказал: "Альпинизм должен освободиться от этого инструктора" и рассказал свою историю.

КАК ОН СЕБЯ СПАС

Начало марта ознаменовалось обилием снега и, как ни странно, сильными морозами, достигающими до -30°C . В районе редко случается такое совпадение. Виталий, инструктор спасательного пункта, надел скитуровские лыжи и не спеша двинулся вверх по ущелью Адылсу. Необходимо было осмотреть наиболее лавиноопасные участки и связаться по радию с группами альпинистов, идущих по маршрутам. Виталий договорился с дежурным инструктором Борисом Романовым, что после осмотра верховья ущелья, вызовет его по радию и тот подъедет за ним на УАЗике в альплагерь "Джантуган". За альплагерем на огромном лавинном выносе катались лыжники, ярко светило морозное солнце. Очень хотелось покататься с отдыхающими, но Виталий решил сначала добраться до бивуака "Зеленая гостиница", осмотреть состояние маршрутов, провести радиосвязь с альпинистскими группами, а затем отвести на лыжах душу. Когда, выполнив работу, он на обратном пути подъехал по леднику к лыжному склону, там уже никого не было, а солнце ушло за гребень. Захотелось прокатиться с ветерком. Надел на лыжи камуса, переключил крепления на подъем и довольно быстро, как на беговых лыжах, начал подниматься вверх по склону. Постепенно склон вытягивался в кулуар и незаметно Виталий за полчаса набрал большую высоту. Оказавшись возле ледопада Уллукары, Виталий остановился, отцепил камуса, сложив их в небольшой рюкзачок, затем привел крепления в положение для спуска и начал застегивать ботинки. С левым ботинком быстро справился, а правый никак не застегивался. Замерзший пластик не поддавался, а пальцы на морозе не слушались. Помучившись с ботинком, понадеявшись на традиционное "авось сойдет", он поехал вниз. Кулуар здесь очень узкий и крутой, ширина порой доходит до трех метров. Кроме того, из снега кое-где по пути торчали осколки льда. Ехать пришлось осторожно, порой становясь в жесткий "плуг". Вырвавшись из объятий кулуара на широкий простор лыжного выката, Виталий отпустил "тормоза" и начал выписывать на скорости большие "серпантины". Где-то на третьем или четвертом повороте

лыжи попали в яму. Крепление на левой ноге сработало и лыжа отлетела в сторону, а на правой, где не был застегнут ботинок, лыжа врезалась в снег. Раздался характерный хруст и опытный спасатель, ощущая острую боль, мгновенно понимает что с ним и устанавливает себе диагноз - перелом голени...

Что делать? Как часто он на спасработках, добравшись до пострадавшего, определив предварительный диагноз, задавал себе этот вопрос и тут же находил решение, беря на себя ответственность за судьбу человека. Как же поступить сейчас? Первое, что пришло в голову, вызвать по радиации Бориса. Включив радию, Виталий вызывает "Луч" - позывной КСП. Минут через пять Борис отзывается и, ничего не спросив, отвечает: "Луч-3" (это позывной Виталия), тебя слышу, скоро выеду за тобой", - и выключается. Напрасно раздавался голос Виталия в эфире - никто его больше не слышал. Борис, подумав, что "Луч-3" еще в конце ущелья, решил приехать за ним через час и поехал в соседний с КСП лагерь проведать работавшую там жену.

Выключив радию Виталий пытался снять ботинок с поломанной ноги, но боль пронизывала все тело, даже испарина появилась на лбу, несмотря на мороз. Прошло пять минут, нужно было что-то делать. От неподвижности холод стал проникать сквозь одежду. Он отстегнул лыжу и, не отпуская ее, пополз вниз по склону к лыже, лежащей поодаль. Связал ремешками от рюкзака пару лыж. Репшнуром Виталий подвесил поломанную ногу на шею, подложил рюкзак под "пятую точку" и покатился вниз в сторону альплагеря, регулируя палками скорость и направление. Проехав так пару сотен метров, он остановился возле ручья, от которого к лагерю начинался небольшой подъем. Дальше вверх не поедешь. Пришлось, несмотря на острую боль, подняться и стать на здоровую левую ногу. Правая нога тут же набрякла, словно налилась расплавленным свинцом, а перед глазами поплыли разноцветные круги. Опираясь на лыжные палки, подпрыгивая на здоровой ноге, Виталий, испытывая острую боль при каждом движении, приближался к заветному забору альплагеря, за которым были люди. Сто пятьдесят метров он шел около часа. Кричать и звать на помощь было бесполезно, горная речка заглушила бы звуки, да и не было сил. Подняться по ступенькам, ведущим через забор, сил не осталось и он застыл в ожидании.

По территории лагеря прогуливались альпинисты и, увидев его, приветствовали, не предполагая, что он не может сделать не только больше ни одного движения, но и произнести слов о помощи. Его звали на чай, а он стоя опершись на палки, не отвечал. И только приблизившись, ребята поняли, что со спасателем беда. Приподняв на руках Виталия, ребята занесли его в помещение, дали несколько таблеток анальгина, наложили шину. Напоили чаем. От спирта внутрь он отказался. Затем его перенесли в машину, на которой к этому времени подъехал Борис, и через час он прибыл в Тырныузскую больницу. Спасателя здесь хорошо знали. Довольно часто он привозил врачам "работу", а вот сейчас и сам "попался". Рентгеновский снимок подтвердил диагноз, установленный себе самому Виталием, с дополнением, что кости сдвинуты. Дежурный хирург Гулиев, внимательно изучив снимок, обходя своего пациента, лежащего на операционном столе, шутливо предложил: "Ну что, дорогой, будем лечить или резать?". Виталий выбрал первое. Почетному больному

предложили еще один выбор: "наркоз или так выдержишь?". Спасатель в ответ попросил полотенце и зажал его зубами. Рядом, на всякий случай, стояла с нашатырем хирургическая сестра. Прошло мгновение и врач красивым движением, похожим на перезарядку затвора карабина, поставил кости на место. После повторного снимка кости оказались совмещенными. Через несколько минут УАЗик вез загипсованного спасателя с сидящей рядом женой в сторону Шхельдинского ущелья.

ВЗРЫВ

Некоторые аварии, последствия которых приходилось ликвидировать, оставляют неизгладимый след. Выезжая из Нальчика по Баксанскому шоссе в сторону речки Шалушки, путники обращали внимание на разрушенный элеватор. Продолжительное время он стоял памятником, зияя разорванными провалами в бетонной высокой стене. Только недавно разрывы в ней были декоративно отремонтированы.

Память хранит случившуюся на мукомольном заводе аварию и спасателей, участвовавших в ликвидации ее последствий.

По территории завода проходил трубопровод для транспортировки муки. Он взорвался из-за несоблюдения техники безопасности. Взрывная волна прорыла глубокую траншею во дворе завода и вошла в бетонный корпус элеватора. Взрывом разорвало толстую железобетонную конструкцию здания. Под завалом оказались люди, работавшие в помещении. По тревоге мэрия подняла все городские аварийные службы. Однако поисковые работы никто не решался начать. Представляли опасность висящие на арматурных прутьях, как на тонкой паутине, бесформенные многотонные блоки. От ветра они иногда сталкивались между собой и тогда куски бетона падали к подножью дома. Прутья в любой момент могли оборваться... Пожарные машины не могли подъехать к зданию из-за образовавшегося завала, а размеров лестниц не хватало, чтобы на них приблизиться к висящим останкам стены и обрезать прутья. И тогда вспомнили о спасателях.

В горах в этот день стояла тихая солнечная погода. Редко что-либо случается в высокогорье в теплую безветренную погоду. Закончился альпинистский сезон; опустели альпинистские и туристские базы. В высокогорье остались на своем посту только спасатели.

Из-за отсутствия телефона в спасательной службе связь с Нальчиком, который был для нас большой землей, поддерживалась по радио в определенные часы. В межсезонье на КСП передавались распоряжения московского профсоюзного начальства, иногда решались хозяйственные вопросы. Мы же регулярно передавали информацию о состоянии погоды в горах. Сходив, для души, на несколько классных маршрутов, наш небольшой коллектив подумывал, как распределить отпуск между собой. Спасатели, чтобы не жить на одну скудную профсоюзную зарплату, во время отпуска вынуждены были подрабатывать на высотных работах. Коллеги на "гражданке" ремонтировали и красили фасады зданий, заводские трубы, высотные радиобашни. На этой работе применялись альпинистские навыки и снаряжение. Теоретики называли такую работу на высоте, без возведения лесов и применения строительных люлек, промышленным альпинизмом. Нам эта работа приносила неплохое материальное подспорье и возможность поддерживать себя в постоянной спортивной форме. Ведь во время работы приходилось перетаскивать трехсоткилограммовые бочки с краской и носить на себе сорокакилограммовые тубы с мастикой для герметизации швов на панельных домах.

Нашу размеренную жизнь прервал знакомый голос радистки радиостанции Кавказского территориального управления альпинистских баз. "Лисица" (ее позывной) вызывала "Луч". Такой символический позывной был присвоен спасателям. Всегда она проводила сеансы радиосвязи строго в соответствии с правилами радиообмена. Голос ее в наушниках звучал тревожно:

- "Луч", по просьбе начальника управления альпбаз Рамазанова спасатели срочно должны прибыть в город Нальчик на мукомольный завод. На заводе произошла авария - взорвался элеватор. Предположительно есть жертвы. Желательно, чтобы в составе спасательного отряда был сварщик с альпинистской квалификацией.

И закончила неформально:

- Ребята, приезжайте быстрее, вы здесь очень нужны. Вас ждут. Конец связи.

- "Лисица", я "Луч", информацию принял, по готовности выезжаем.

На КСП нас было четверо - Анатолий Махинов, Владимир Болонин, Виктор Автомонов и я. Вспомнили, что на турбазе "Сокол" работает Дмитрий Бойцов из общественного спасательного отряда - отличный сварщик. Сборы были недолгими. Взяли с собой снаряжение, необходимое для высотных работ, и поехали. По дороге, заехав в "Сокол", прихватили Диму и на максимальной скорости, какую мог выдержать наш старенький "РАФик" понеслись по Баксанскому ущелью в сторону Нальчика. Включенная сирена на трассе дала нам возможность практически без задержек за кратчайшее время прибыть в город. Здесь нас уже ждали, и до ворот мукомольного завода милиция обеспечила нам свободный проезд.

В заводском дворе стояла большая толпа людей, сдерживаемая усилиями милиции. Это были рабочие завода и приехавшие родственники попавших под обвал людей. Нас пропустили сквозь строй к элеватору. Мы внимательно осмотрели разрушенную стену. Угол крыши на высоте сорока метров нависал над хаотически болтающимися в воздухе кусками бетона, сцепленными арматурой. От взрыва вывалился угол здания; завалены подземные галереи. Оставшиеся в стене блоки могли в любой момент выпасть. На земле образовался завал из строительного мусора высотой в два этажа. Четко прояснилась наша основная задача - чтобы начать разбор завала, нам необходимо было, срезав арматуру, сбросить болтающиеся в воздухе блоки. Требовалось выполнить работу аккуратно, с ювелирной точностью, лавируя между блоками. Любая неточность создавала угрозу для жизни спасателей. Планируя операцию, обращаем внимание на рядом стоящий в метрах пятнадцати от нашего объекта восьмиэтажный производственный корпус. С крыши этого корпуса можно сделать оттяжку для работающего в сидушке. Несколько минут ушло на подготовку. На восьмиэтажку отправился Анатолий, а мы вчетвером вошли в основной корпус. По предварительной договоренности, пока мы

готовились, автовышка подъехала к поврежденному зданию. В ее люльку рабочие завода загрузили кислородный и пропановый баллоны с сорокаметровыми шлангами и резаком.

Итак, акция началась. В корпусе нас ожидала неизвестность - ведь после аварии внутрь никто не заходил. Здание было насыщено удушливым запахом, возможно, горелого зерна. Пришлось прикрыть рот и нос платком. В сизом, плотном дыму нашли лестничную клетку. Нам повезло, лестничные пролеты оказались целыми. Мелькнули в памяти спасательные работы в Армении, где, чтобы добраться на верхние этажи девятиэтажек, приходилось применять скальную технику из-за разрушенных лестниц. Несмотря на удушье, быстро пробежали вверх по лестнице, нагруженные веревками, карабинами, блочками с лебедкой и сидушкой. Неизвестно с чем придется встретиться наверху, ведь крыша может быть разрушенной. Наконец-то добрались до крыши; вдохнули свежий воздух и отдышались. Оценили обстановку. На поверхности крыши были видны отдельные трещины, но основная площадка выдержала взрывную волну. Главное, остались

недеформированными выступающие бетонные вентиляционные колодцы. Вокруг этих конструкций завязали локальные петли из двойных основных веревок для организации спуска. Дальше началась обычная работа, знакомая каждому из нас по высотным работам.

Закрепили карабинами к станции основные веревки и я на страховке подошел к краю крыши. Страшновато, неприятный холодок будоражил душу. Выдержит ли меня нависающая крыша? - Бетонные перекрытия оказались надежными. Связался по рации с Анатолием. Он уже стоял на крыше соседнего дома и готов был приступить к работе. Чтобы уберечь капроновые веревки от повреждений при трении об острые края плиты надел на них разрезанные куски пожарных шлангов. Завесил сидушку. Все готово. Виктор страховал меня и Дмитрия, севшего в сидушку. Володя спустился на этаж ниже, чтобы из окон здания помогать Дмитрию оттяжкой, точно подводя его к нужному участку. Другая оттяжка у Анатолия. Им нужно работать согласованно. Внизу нам зацепили за веревку резак со шлангами. Поднял инструменты наверх и передал их Дмитрию. Стрела вышки подняла люльку с баллонами на максимальную высоту. Находясь на краю здания, корректирую весь ход операции.

"Поехали!" - подтянули Дмитрия к арматурине, на которой висит, покачиваясь, блок; он аккуратно перерезает прут и первый огромный кусок железобетона падает вниз.

Работу закончили в темноте. Все. Теперь можно разбирать завал.

Вначале блоки, упавшие на землю, пытались оттянуть танком. Однако не хватило мощи у боевой машины и лопнул трос толщиной сантиметров пять. Подъехал второй танк; и только усилиями двух машин сдвинули эти глыбы. К сожалению, под завалом живых не оказалось.

К нам подошел мэр города и молча пожал каждому руку. Затем мы поехали в гостиницу "Альпинист", чтобы скоротать ночь. Только расположились, заходит в номер М. Рамазанов, начальник управления альпинистскими базами:

- Ребята, я кое-что из домашней еды принес, перекусите, ведь наработались.

К домашней закуске он добавил бутылку коньяка. Мы хоть люди не пьющие, но все же приняли понемногу и стресс от этой неожиданной техногенной спасаловки был снят. Спать не хотелось. Спасателю во время работы эмоции приходится отключать, но переживания остаются в душе на многие годы.

ЭКСТРАСЕНСЫ

Явления, возникающие в горах, наполнены необычным и необъяснимым содержанием. Иногда кажется, что встречаешься с мистикой. Видение, увиденное мной и моим напарником по связке Валентином Гончаренко на вершине горы Ходжалокан (Мечта), что на Юго-Западном Памире, поразило. Выйдя на вершину высотой в 47 00 м над уровнем моря, мы увидели на расстоянии ста пятидесяти метров от себя свои огромные отражения на фоне поразительной красоты абсолютно чистого голубого неба.

Однажды во время сложного траверса из-за непогоды пришлось четверке, среди которой был и я, заночевать на остром гребне. Развесив палатку по обе стороны гребня, двойки залегли "валетиками" над бездной, каждая в своей половине. Сна не было, полузабытье, но ночью все четко слышали голос тренера Леопольда Кенсицкого, советовавшего, как нам выбраться из сложной ситуации. Интонация и выражения характерны были только ему. Однако до бивуака, где Лео находился, было четыре часа хода. Уникально, что тренер, как мы позже узнали, действительно в это время, беспокоясь о нас, делился с другими участниками сбора впечатлениями о нашей группе.

Случалось, в горах между людьми формировались взаимоотношения, связанные с необъяснимыми энергетическими способностями некоторых. Всегда скептически относился к экстрасенсам. Хотя, надо признать, что на моих глазах пару раз происходили маленькие чудеса.

Один из моих друзей, Юсуп Гулиев, солидный мужчина, после длительного автопробега по горной дороге, выходя из машины, согнулся, а разогнуться не смог. Пронзила острая боль в пояснице. Случилось так, что в Приэльбрусье вела занятия, обучая экстрасенсов, Валентина, жена замечательного человека, прекрасного хирурга Игоря Гамаева. Игорь некоторое время работал в спасательной службе со мной и из его откровений я знал, что Валя является обладательницей европейского сертификата, подтверждающего ее экстрасенсорские способности. Это было предметом шуток, серьезно я к этому не относился, но Валу с Юсупом познакомил и попросил ее помочь снять боль с позвоночника. Результат оказался ошеломляющим. Приказав Юсупу лечь животом на пол, покрытый ковром, что он с усилием воли выполнил, Валентина начала делать пассы над его позвоночником. По ходу движения Валиных ладоней раздавался характерный хруст вправляемых позвонков, похожий на звук разминаемых пальцев. Через некоторое время, закончив делать пассы, она приказала Юсупу

встать. Однако он не решался, ссылаясь на возможную боль в позвоночнике. Неожиданный, как щелчок хлыста, отборный женский мат поднял больного на ноги. Юсуп встал и пошел как ни в чем не бывало, не ощущая никакой боли. Тут же я шутя попросил Валю подправить мне мозги, на что она заметила: "Твои мозги уже не поддаются влиянию, они забиты альпинизмом и исправлению не подлежат".

За две недели, пока Валя вела занятия с экстрасенсами, она в свободное время безвозмездно помогала снимать болезненные ощущения с многих местных жителей, приезжавших к ней из дальних горных селений. Лишь однажды она отказала в помощи, объяснив, что исчерпала энергию и, извиняясь, попросила подождать больную несколько дней. Не все это правильно поняли. Удивительные способности Валя проявила, избавив мою жену от оперативного вмешательства, к которому ее подготовили врачи. Во время совершенно отвлеченного разговора двух женщин Света почувствовала неприятные ощущения. Валентина вскользь заметила, что она работает, а через пару часов у больной безболезненно вышли камни размером с вишню. Хирург, готовивший Свету к операции, увидев камни, был поражен - без операции такого размера камни самостоятельно не выходили.

Можно по-разному относиться к различным явлениям, но практика спасателя отрезвляет, когда сталкиваешься с людьми творящими, как они сами о себе говорят, чудеса, черпая при этом энергию из космоса. Среди спасателей не встретишь мистически настроенных людей. Очень уж приземленная у нас работа.

Спускаясь с гребня, соединяющего вершины Башкару и Джантуган, группа питерских туристов остановилась на бивуак. Уставшие ребята не задумались об опасности, подстерегавшей их на середине осыпного кулуара. Во время приготовления ужина площадка, на которой стояли палатки с людьми, провалилась, предположительно из-за подвижки льда. Тринадцать человек оказались в беде на Джантуганском леднике. Одиннадцати туристам, получившим различные травмы, была сразу оказана первая помощь. А вот двух девушек найти не удалось. В поисковые работы подключились общественные спасательные отряды, курсанты школы инструкторов альпинизма. Свыше ста человек днем и ночью по сантиметрам прочесывали разорванный ледник, исследуя каждую трещину. Пять суток работали спасатели и когда все возможности поиска были исчерпаны, работы прекратились. Стало очевидно, что обрушившаяся огромная многотонная масса льда погребла девушек.

Через две недели после спасработ на КСП из Питера приехали мать и брат одной из пропавших и отец другой девушки с близким родственником. С ними прибыли еще двое, представившиеся экстрасенсами. Состоялась тяжелая, как всегда, беседа. Какие можно найти слова для родителей, потерявших своих детей? Как убедить мне, обязанному по службе искать и не нашедшему их детей, что было сделано все возможное для поиска? Разве объяснишь родным, не видевшим и не представляющим, что такое ледопад с многотонным хаосом льда, что их детей там невозможно найти?! И все же, понимая это, рассказываю им о наших действиях во время поисковых работ. И тут в разговор, не то что вмешиваются - врываются

мужчина и женщина, называющие себя экстрасенсами, изрекая с апломбом, что пропавшие живы и они знают, где их искать. С напором требуют сначала карту района, а затем фотографию места аварии. Мельком взглянув на километровку, отбрасывают карту. Обычно на КСП хранятся фотографии гор с нанесенными маршрутами, а у меня случайно оказалось фото, где был изображен необходимый гребень и часть ледника. Более того, во время поисковых работ я изображение на карточке разделил на квадраты, отмечая шаги поиска, и нанес предполагаемую линию падения группы. Схватив фотографию, "пророки" начали делать пассы над ней, ощупывать нанесенные мной отметки. И вдруг, держа палец на нижнем конце линии, один из них заявляет, обращаясь к родителям: "Я чувствую тепло, ваши дети здесь, они живы". Мне, по роду своей работы, видевшему страдания многих людей, такое представить было невозможно. И сразу же при родителях экстрасенсы с вызовом заявляют, указывая на меня, что я всячески буду мешать им и препятствовать новым поискам. С трудом выдерживаю психологическую атаку, а затем вызываю в кабинет Владимира, одного из спасателей, участвовавших в поисковых работах, и приказываю: "Одеть тех из присутствующих, которые пожелают идти в район поисковых работ с ног до головы - от касок до кошек, взять из спасательного фонда продукты питания на три дня и немедленно отправиться вместе с ними, поддерживая со мной постоянную радиосвязь". Нужно было видеть лица "творящих чудеса". Они, очевидно, ожидали, что я начну их отговаривать. В спасательном пункте остались мать и один из родственников пострадавших. Остальные ушли с Владимиром.

Через четыре часа по тропе, идущей по берегу реки Адылсу, можно добраться до поляны в конце ущелья. Поляна под названием "Зеленая гостиница", на которой стоит небольшая хижина, окружена высокими горами и ледниками. Отсюда стартуют на различные маршруты альпинисты и туристы. Вот сюда Владимир привел экстрасенсов и родственников пропавших девушек.

Пройдя еще с полчаса, они вышли к Джантуганскому леднику. Чтобы продвигаться дальше по леднику, нужно было надеть кошки. Перед глазами подошедших людей раскинулась огромная ледяная река с надолбами и впечатляющими трещинами, текущая между горой и гребнем. Связавшись по радио со мной, Владимир передал, что дальше никто идти не хочет. Родственники девушек заявили о доверии спасателям, а обладатели паранормальных способностей проглотили свой апломб. Вернувшись в "Зеленую гостиницу" экстрасенсы заявили, что остаются здесь жить для подзарядки космической энергией, потребовали оставить им продукты с примусом. Прошу Владимира включить рацию на максимальную громкость, чтобы все слышали, и, нарушая правила радиообмена, открытым текстом дал ему полномочия пригнать ледорубом экстрасенсов на КСП. А после сдачи снаряжения и продуктов пусть идут на все четыре стороны. Приблизительно так я закончил радиообмен.

Володя выполнил мой наказ. Мы больше их не видели. Родственники пропавших детей, прожив пару дней у нас на службе, помянув девушек, уехали домой.

Рассказывали, что на одном из семитысячников после огромной лавины, накрывшей многих моих знакомых альпинистов, эти экстрасенсы опять проявились среди спасателей с тем же результатом. СВОБОДНЫЙ ПОЛЕТ

Наступающая весна ежегодно подавала сигнал - скоро снова встречи с интересными людьми, с неопишуемой красотой рассветов и закатов в любимых и суровых горах. А какие на ночном небе высокогорья висят звезды - величиной с яблоко! Такого никогда в городе не увидишь. Приближаются долгожданные восхождения, ради которых, в течение года проливаются на тренировках литры соленого и липкого пота. И, наконец, в горах, возможно испытать не один глоток свободы. В отличие от жизни на "гражданке", в горах можно было, не оглядываясь, говорить на любые, даже на острые политические темы со своими друзьями-единомышленниками. Местом удивительных встреч и впечатлений всегда был альпинистский лагерь. С альплагерем у альпинистов связано многое.

Выпало так, что одному из альплагерей исполнилось тридцать лет. Торжество решили отметить восхождением на вершину Шхельда по маршруту, на который редко ходят. Двум связкам оказали высокое доверие. Владимир, Семен, Яков и Виталий, изучив маршрут, тщательно подбирали снаряжение и питание для сложного, комбинированного со скальными, снежными и ледовыми участками вертикального пути. По описанию на скальных отрезках встречались широкие трещины. В то время еще не использовались закладные элементы, а друзья подсказали, что в спасфонде у начальника спасательного отряда лагеря хранятся недавно полученные из профсоюзных закров стальные короба. Их удобно применять для страховки на скальном рельефе с большими трещинами. Поначалу начспас не хотел давать эти, как потом оказалось, злополучные крючья на восхождение. Мотивировал тем, что они предназначены для использования в спасательных работах. Однако ребята прижали его юбилейным восхождением, и он сдался. Выпустившись, команда ушла с тяжелыми рюкзаками на подход под стену. Подойдя, сутки изучали особенности маршрута, а затем на рассвете стартовали. Довольно быстро альпинисты проходили маршрут. Сложные участки Виталий шел первым, уверенно находя рациональные места для промежуточных крючьев. Его надежно страховали друзья. Связки умело взаимодействовали, лишь по необходимости применяли перила. Во второй половине дня, пройдя крутой лед, восходители подошли к вертикальному скальному участку. Вышедший вперед Виталий, мягко, по-кошачьи, полез вверх, а Владимир страховал его через скальный выступ. Стенка попалась неприятная, сплошь состоящая из скальных перьев. Крючья легко входили между перьями, но держали ненадежно. Виталий аккуратно прошел вверх около пятнадцати метров. На фоне неба просматривался "жандарм", стоящий на предвершинном гребне, а над скалолазом нависала стеночка около двух с половиной метров. Виталий хотел дотянуться кончиками пальцев до верхнего края стенки, чтобы выйти в упор на руках, но не хватило нескольких сантиметров роста. Осмотревшись, найдя подходящую трещину, он привычным движением достает из заднего кармана швеллерный крюк и забивает его молотком. На этот раз крюк зашел надежно с характерным звуком. Этот крюк уже несколько раз выручал на маршруте. В проушину прощелкивается

карабин с лесенкой. Осталось одним движением стать на ступеньку, достать кистями рук нависающую заветную полочку и, подтянувшись выйти на нее. Виталий осмотрелся. Снизу по перилам двигался Яков. За выступом, несколько выше Яши, стоял Володя и надежно страховал, потихоньку выдавая ему веревку. Виталий на мгновение замешкался, - какой-то неприятный ветерок дунул в лицо. "Надо бы попробовать надежность лесенки", - мелькнуло в голове, и пяткой ботинка стал грузить дюралевую ступеньку лесенки. Он услышал звон крюка и, как ему показалось, закричал "держи!!!", птицей промелькнув в просвете неба. Володя успел, стравив с метр веревки, закрепить ее своими сильными руками. Метров через шесть Виталий ударяется спиной о выступ, благо за плечами висел полупустой рюкзак, немного смягчивший удар. Камнем пролетел он мимо поднимавшегося по перилам Яши. По касательной, ударившись об лед, завис в страховочной системе на натянутой, как струна, страховочной веревке. Почти тридцать метров свободного полета, а это высота девятиэтажного дома, пролетел Виталий. Первым на верхней страховке к нему подскочил Яков. "Живой?!" - эхом прозвучал Яшин диагноз. В ответ раздался отборный мат очнувшегося Виталия, но голос его был сильным, глухим, исходящим из нутра. Струйка алой крови цедила из рта. Правая кисть руки увеличивалась на глазах. Опухоль росла, будто надувной детский шарик. Произнеся тираду об интимной связи крючьев и скал, Виталий начал ощупывать себя. Яков, завертев пару ледобуров, стал на само страховку, защелкнул ус само страховки Виталия и принял сначала подошедшего Семена, а затем спустившегося Владимира.

-Что будем делать? - повис Володи вопрос.

-Что, что! Сейчас отлежусь, и пойдем дальше, через три веревки гребень, вершина рядом! - горячился Виталий.

-Парень, мы приехали, - как приговор зазвучал бас Семена.

Володя достал из рюкзака рацию и, назвав позывной своей группы, начал вызывать "лед" - позывной альплагеря. Никто не отзывался. Не получив ответа, Владимир сообщил о месте срыва, о полученных травмах. Во время сеанса связи Виталий нащупал торчащий в бедре правой ноги кусок деревянного древка. Оказывается, пролетая мимо Яши, он наткнулся на ледоруб, торчащий из рюкзака. Деревянная рукоятка ледоруба сломалась от удара об край рюкзака, а шестисантиметровый острый металлический штычок вонзился в мякоть бедра. Ребята предлагали привязать к ноге обломок ледоруба, чтобы не вызвать кровотечения, но Виталий решил иначе: с усилием вырвав огрызок, отбросил его в сторону. Теплая жидкость начала согревать застывающую ногу, заполняя ботинок. Вдруг в эфире ясно прозвучал знакомый голос Алика Самодеда:

-Как себя чувствует пострадавший?

-Все время матерится, - последовал ответ.

-Раз ругается, значит, будет жить. Мы с Хорхе Мигелем находимся на бивуаке "Немецкие ночевки", слышим вас хорошо. Устраивайтесь на удобную ночевку, а завтра на рассвете выйдем налегке с веревками и подойдем к вам.

-Вас поняли, спасибо, - ответил Володя.

Оговорив место и время утренней встречи, они закончили связь. До темноты группа, помогая пострадавшему, спустилась вниз на три веревки и, найдя на стене удобную площадку, поставила палатку. Растопили на примусе снег и, выпив чаю, уложили больного в палатку. Виталия начало знобить, выступил холодный пот, колотила непроизвольная дрожь. Ребята, несмотря на лютую стужу четырехкилометровой высоты, снимали с себя пуховки и укутали пострадавшего друга. Не помогало, озноб не прекращался. Несмотря на оказанную первую помощь, вовремя наложенный жгут на раненое бедро и остановку кровотечения, сказывалась большая потеря крови. У Виталия развился болевой шок. Накрыв раненого своими телами, друзья отогревали его своим дыханием. И так до рассвета, не сомкнув ни на минуту глаз, они помогали больному. Как только рассвело, ребята быстро собрались и, навешивая веревки, всячески помогая Виталию, продолжили спуск. Вечером, договорившись с Самодедом о встрече в девять утра у заметного с ледника скального выступа, обе группы устремились навстречу друг другу. И действительно ровно в девять часов, подойдя к намеченному месту, встретились со спасателями. К этому времени лучи солнца осветили стену. Стало заметно теплее не только от природного тепла, но и от заботы пришедших вовремя на помощь. Алик во время перестежки находился возле Виталия, помогая зацепить тормозную восьмерку. Пострадавший спускался сам, регулируя скорость спуска левой здоровой рукой. Через два часа все участники акции пили чай на морене рядом с бивуаком "Немецкие ночевки". Во время чаепития к Виталию, сидящему на ледорубе, подошел снизу весь взмыленный инструктор КСП района Виктор Косатый.

-Виталий, привет! Что тут произошло? Кто пострадавший?

-Я.

-

В спасслужбе услышали, оказывается, сообщение в эфире о происшествии, но из-за плохой проходимости сигнала в эфире не поняли деталей случившегося. Пока собирался спасотряд лагеря, инструктор, по

готовности, побежал под маршрут на разведку за подробностями. Забег по леднику у Косатого продолжался четыре часа. Из лагеря вышли два спасательных отряда. Один отряд продвигался по Шхельдинскому леднику сразу за инструктором КСП, а второй пошел на перевал "Средний", чтобы, перейдя его, начать поисковые работы на Южно-Шхельдинском леднике по предполагаемому пути спуска группы с вершины. Инструктор КСП по радиации остановил спасательные отряды.

В конце дня, когда стемнело, Виталий, опираясь на ледоруб, в сопровождении друзей добрал до альплагеря. Ребят с радостью встретили и привели на юбилейный ужин. В столовой хозяева и гости произносили тосты в честь альплагеря, пели песни и веселились. Восходители, приняв по сто грамм и закусив, потихоньку покинули зал и ушли отдыхать: им не до веселья - смертельно уставшим альпинистам хотелось спать.

Обязательный разбор полетов на ущельской комиссии состоялся на следующий день. Уважаемые члены комиссии по разбору несчастного случая, еще не отойдя от последствий юбилейного вечера, торопились быстро закончить заседание. Руководствуясь понятием "раз произошло ЧП - нужно наказать", принимают решение - гору не засчитывать, а восходителей дисквалифицировать на один сезон. Попросив слова, Володя спокойным голосом произнес.

-Мы до вершины не дошли, поэтому на зачет вершины не претендуем, а причину срыва передали старшему инструктору Игорю Леонтьеву. Желательно было бы его заслушать.

-Прошу внимательно рассмотреть эти предметы, - предложил Игорь и выложил на стол лесенку с висевшей на ней проушиной от швеллерного крюка.

Спускаясь по пути подъема, восходители нашли эти предметы на одной из скальных полочек. Члены комиссии, забыв об "именинниках", внимательно рассматривали разлом остатка крюка. Металл оказался перекаленным. Проверив крючья последней партии, был сделан вывод о том, что все они бракованные и лопаются от ударов молотка. Это и послужило причиной аварии. По всем альплагерям была послана телеграмма о списании

бракованных крючьев. наших героев комиссия отпустила, а наказала

начспаса за то, что он не знал, где находились альпинисты во время аварии. Уполномоченный спорткомитета Дмитрий Черешкин спросил у Виталия:

-Ты занимался боксом?

-Нет.

-В боксе после нокаута полгода не пускают на ринг. Тебя мы на этот же срок не допускаем к восхождениям.

-Спасибо за заботу, - улыбнулся Виталий.

До конца сезона оставался один месяц, отлежаться бы. Начальник учебной части предложил больному, дабы не пугать своим побитым видом вновь прибывших участников, отправиться на "Зеленую гостиницу" в должности коменданта бивуака зализывать раны. Через две недели, нарушая все предписания, Виталий с девятилетним сыном Леонтьева Анрюшей поднялся на вершину Виатау по единичному кулуару.

Прошло полгода. У Виталия дома собрались участники восхождения и спасатели. Поводом встречи было получение в Академии наук Владимиром диплома доктора физико-математических наук. Приняв приличную дозу самогона, ребята поздравили его. Затем альпинисты вспомнили прошедший сезон, Виталий к этому времени полностью вылечился и пил за своих спасателей. Володя, попросив лист бумаги и карандаш, нарисовал схему полета Виталия. Ему постоянно снился этот полет, а теперь он успокоился. Яша, явно, приняв сверхвозможную дозу спиртного приставал к Виталию за то, что тот во время восхождения не ласково обращался с доктором наук. "Меня - простого слесаря, ты мог, как угодно материть, а доктора наук - нельзя".

Яков - давно уже в Америке. Сема остался в наших сердцах, улетев с вершины Чегеткара. Остальные каждой весной проводят встречи в родном альплагере.

ЭКСТРЕННАЯ ТРАНСПОРТИРОВКА

Команда альпинистов собралась выйти на маршрут высшей категории сложности. Продумано все до мелочей: команда схожена, намечен сложнейший маршрут, разработана тактика, подобрано снаряжение. Врач команды, проверив артериальное давление и проведя прочие тесты, завизировала маршрутный лист. Оформлены все необходимые бумаги для выхода на маршрут. Команда, пройдя двенадцатичасовой путь с тяжелыми рюкзаками, подошла под стену. Поставили палатки и вдруг оказалось, что по молчаливому согласию тренера и по совместительству капитана команды, совместно с альпинистами на плато поднялась и врач. В планах восхождения это не

предусматривалось, хотя присутствие врача рядом с командой, если у него есть соответствующая альпинистская квалификация, даже желательно. А тут у врача и альпинистская квалификация низкая и ситуация «женщина на корабле». Поворчали, поворчали да и разошлись по палаткам. Необходимо выспаться, ведь с рассветом выход на Стену.

Проснулся перед рассветом. Осторожно, чтобы не разбудить напарника оделся и выполз из палатки. Очень нравилось наблюдать рассвет, находясь на большой высоте. Сначала темные рельефы близлежащих гор освещаются еще невидимыми лучами солнца и вдруг, всегда неожиданно, горы окрашиваются необыкновенными, быстро изменяющимися, красками. Над головой бледнеют мерцающие звезды, а по ногам скользит густое белое облако, застилая покрывалом высокогорное плато. Как будто бы ходишь по вате. Погода, нынче по всем признакам, будет хорошая. Долгожданная Стена бесконечной громадой нависает над тобой и ждет. Ждет, когда крепкие пальцы альпинистов прикоснутся к ней, прежде недоступной.

Тренер прерывая лирические мысли, предлагает команде собраться возле его палатки. Чеканя каждое слово, словно забивая в трещину скальный крюк, произносит:

-Случилось непредвиденное. Врач почувствовала себя плохо. Все признаки сердечной недостаточности налицо. Необходимо срочно отправить ее вниз. Планы наши по прохождению Стены срывать нельзя, поэтому в альплагерь больную будут сопровождать только двое участников.

Всегда в спортивной команде вопрос «Кто?» тяжелый. Ведь усилия многих тренировочных часов были затрачены ради Стены. И теперь, когда мечта была так близка, осязаема, ее можно пощупать руками - кому-то необходимо уходить с больным вниз. На всякий случай прозвучал вопрос:

-Кто подписывал ей медицинский выпуск?

-Татьяна подписывала сама. - Короткий ответ.

Тягостные секунды ожидания.

-Пойдешь ты и Володя Зайцев, вас встретит спасательный отряд.

Альпинизм не армейское спецподразделение, но приказ или просьба, особенно в таких вопросах, как спасательные работы, выполняются беспрекословно и немедленно. Ни одно спортивное достижение не может перевесить чашу весов, на которую положена человеческая

жизнь. Через пять минут, взяв аптечку с инъекциями, бухту веревки для транспортировки на себе больной, уходим с ней вниз. А оставшаяся команда вышла на Стену.

Несем больную среди нагромождения льда и камней. Вроде у нашей больной вес небольшой, но здесь не равнина, и каждый шаг по высокогорному бездорожью дается с огромным напряжением. Сначала ее несет на себе Володя, а я его поддерживаю. Затем меняемся ролями. И так каждые полчаса. Тяжко неимоверно. Чтобы хоть немного прочувствовать физическое состояние спасателя при переноске пострадавшего, предлагаю читателю эксперимент - взять на плечи любимую девушку и в течение получаса пройти с ней по пересеченной местности, без тропы. Где предел человеческих сил и возможностей?! Может быть люди придумали альпинизм чтобы это выяснить?

Внимательно следим за нашей пациенткой. Дыхание у нее затруднено, знобит, вокруг губ появился синеватый оттенок. Несем вниз уже три часа, но почти никаких улучшений. Только концы пальцев начали синеть и пульс то ускоряется, то резко замедляется. Останавливаемся. Вводим раствор кофеина и камфорного масла. У Тани улучшается дыхание.

С каждым шагом удаляемся от своей Стены - мечты и надежды нескольких лет тренировок. Но осознание того, что со сбросом высоты пациентке становится легче, придает силы. А горы стояли и будут стоять. И мы еще сходим на заветную Стену.

На одной из коротких остановок, приводя дыхание в норму, вспоминаю, как мы с Володей когда-то соревновались для того чтобы попасть в команду. Приходилось бегать многокилометровые кроссы, отжиматься на пальцах от земли по семьдесят раз и по столько же раз приседать «пистолетиком» на каждой ноге, висеть на передних фалангах более минуты. А многочасовые забеги на скалах со стиранием кончиков пальцев до крови?! И вот эти тренировки сейчас помогают нам нести к жизни человека.

В конце ледника, среди огромных хаотически разбросанных камней морены, мы работали уже на пределе. Однако с каждым шагом вниз осознаешь, что используя навыки альпинизма для спасения в горах людей, выполняешь самое лучшее дело в жизни. Наконец подошел транспортировочный отряд с носилками. Теперь нашу работу продолжают восемнадцать человек. Прислонившись друг к другу спинами мы с Володей долго еще сидели в лесу после ухода отряда с пострадавшей. До сих пор ощущаю тепло Володиной спины. Мы с ним сделали много восхождений и надежней связки не было. Яркая жизнь Володи Зайцева похожа на вспышку шаровой молнии, отнявшей у меня друга.

Прошло несколько лет...

Я работал на Памире в альплагере «Варзоб», где начальником учебной части был выдающийся альпинист Олег Капитанов. Он формировал инструкторский состав, подбирая инструкторов исключительно по спортивным качествам. Если инструктор может и хочет ходить на сложные восхождения, отдавая свои знания и опыт прежде всего участникам лагеря

- тебя берут на работу. Таков был принцип подбора кадров у Капитанова. Среди спортсменов лагеря он отбирал команду на наиболее сложные восхождения. Когда комплектовалась команда лагеря на одну из стен высшей категории, я рассказал Олегу про свою связку - Володю Зайцева, о его необыкновенных физических, технических и моральных качествах. Капитанов подумал и включил его в состав команды.

Володя в это время совершал восхождения на Кавказе. Он уже знал, что его пригласили в «Варзоб». В двойке с Александром Молдавановым Володя совершает восхождение на вершину Вольная Испания. Когда оставалось полверевки до выхода на предвершинный снежный гребень из кулуара вылетел оттаявший камень и, перебив веревку, сбросил Шуру со стены. Молдаванов пролетел в свободном падении четыреста метров и приземлился в глубокий мягкий снег недалеко от своей палатки. После приземления Шура со сломанной рукой залез в палатку, наложил себе шину из альпинистского молотка и пошел вниз вызывать спасательный отряд. Зайцев остался на полке с метровым обрубком веревки и с рацией. Связавшись со спасательной службой, он сообщил на базу о срыве и о предположительной гибели своего напарника. Володе спасатели приказали оставаться на месте до подхода спасательного отряда. Когда спасатели вышли на плато, они увидели подходящего к ним живого и почти невредимого Шуру Молдаванова. Спасательный отряд, поднявшись к Володе, помог ему спуститься вниз. Информацию об этом уникальном событии передали по всем альплагерям, в том числе и в «Варзоб». После этого сообщения я предположил, что Володя Зайцев придет на Памир раньше запланированного срока.

Но проходит две недели. Начальник спасательной службы Таджикистана Сергей Согрин, приехав в «Варзоб», показывает мне телеграмму с сообщением, что во время траверса вершины Шхельда от удара шаровой молнии погиб Владимир Зайцев... Произошла дикая нелепость. Ведь по всем прописным канонам заряды молнии скапливаются на гребне и разряжаются в наиболее высоком месте. Володя находился ниже своей группы на веревку. Предательский, коварный удар шаровой молнии пришелся Володе в спину. Этому поверить было невозможно. Но это случилось...

Восхождение по сложнейшему маршруту северо-западной Ягнобской стены команда альплагеря «Варзоб» посвятила Володе Зайцеву.

ВИСОКОСНЫЙ ГОД В ГОРАХ

Високосный год, особенно февраль, всегда приходит с ожиданием тревоги. Об этом месяце Владимир Даль в толковом словаре пишет: «Въ

високось, тяжелый мЪсяць». Наступивший год не стал исключением. В горах февральские оттепели закончились снегопадами. Местные жители Приэльбрусья и многочисленные лыжники радовались обильно выпадающему снегу. Первые - тому, что приедут туристы и можно будет заработать, а вторые - возможности накататься вдоволь, не побив драгоценные

лыжи об торчащие из-под снега камни. Обычно снег идет сутки, двое, а потом выглядывает солнце в сопровождении легкого морозца. Лавиноопасные склоны обрабатываются специалистами по старинке - зенитками образца 1941 года, а после схода лавин начинается катание на лыжах и сноубордах. Небольшие кафе на полянах Чегета и Азау заполняются отдыхающими, особенно в ненастную погоду.

Ничего необычного в начавшейся непогоде не было и ничего плохого не предполагалось. На высоте двух тысяч метров шел дождь, порой переходящий в ливень. А чуть повыше сыпал снег. Необычным оказалась продолжительность ненастья - более недели не прекращаясь, лил дождь. Спасательная служба забила тревогу. Спасатели предупредили отдыхающих всех турбаз об ограничении выходов на склоны. Но некоторые туристы нигде не регистрируются, предпочитая шумным отелям и турбазам частные квартиры и они о предупреждении могли не знать.

Семерым двадцатилетним ребятам в пургу надоело сидеть в помещении. Ничего никому не сказав, видимо, не осознавая опасности, они отправились кататься на сноубордах. Канатные дороги из-за снегопада не работали и сноубордисты, траверсируя склон Чегета, проваливаясь в снегу, беззаботно ушли в снеговую круговерть.

К этому дню все скальные складки в горах заполнились снегом. Нависла опасность самопроизвольного схода лавин. Кое-где к полудню лавины, стремительно срываясь, с грохотом устремились в долину со скоростью близкой к 160 км в час. Лавинная служба обстреляла опасные склоны и вниз покатались огромные массы снега.

Через два дня после начала непогоды, в спасательной службе раздался телефонный звонок. Звонили обеспокоенные родители одного из парней.

- Найдите сына. Он второй день не отвечает по мобильному телефону. Такие просьбы оперативные дежурные спасательной службы принимают довольно часто и особой тревоги они не вызывают. Мало ли где загуляли чада. Но каждый раз приходится проверять. На этот раз нашли квартиру, где жил разыскиваемый. Хозяйка квартиры сообщила, что семеро ее постояльцев уже два дня не появлялись дома. Спасателей Эльбрусской поисково-спасательной службы поднял по тревоге ее начальник Борис Тилов. Но где искать? Единственная зацепка - в костюме одного из пропавших ребят был вшит датчик, выдающий радиосигналы. Район поиска огромный, силами местных спасателей не охватить и, после доклада в Региональную службу Северного Кавказа, на помощь начали прибывать спасатели со всего Юга России.

Как часто бывает в таких случаях, со спасателями почему-то прибывает большое количество всяких руководителей, присутствующих при этом и вносящих свою бездарную лепту в поисковые работы. Причем эти «нахлебники» спасателей никогда за свою некомпетентность не несут ответственность, но в случае успеха, грудь и погоны для звездочек подставляют в первую очередь, оттесняя профессионалов-спасателей.

На какое-то время выглянуло солнце. С утра подул ураганный ветер и лишь к обеду, также стремительно, как начался, затих. Тут же спасатели на вертолете облетели весь район возможного пребывания лыжников. Свежий снег, словно одеяло, покрывал все горные складки. Природа застыла, и лишь иногда под брюхом вертолета срывались лавины. Никакого движения, даже следов диких зверей не видно. На второй облет, на борт вертолета спасатели взяли очень чувствительный австрийский аппарат Reson, который может реагировать даже на слабые радиосигналы. Он периодически сигнализировал.

Спасатели высаживались на точку, указанную прибором и начинали зондировать. Копали лопатами шурфы в снегу и, прокопав, пять, шесть метров, находили камень, излучающий сигнал. Видимо, камни были с вкраплениями каких-то металлов. И так десятки раз за день. Изнурительная работа продолжалась световой день, несмотря на то, что в любой момент могла сорваться лавина...

Один из горе-руководителей, которого впоследствии невозможно было определить, не приняв во внимание мнение начальника службы, опытного специалиста, приказал начать поиски на южных склонах Чегета. Искать пропавших на южных склонах Чегета после прошедших снегопадов было вне всякой логики - даже опытные альпинисты на снегоступах или специальных лыжах «ски-турах» могли бы пройти этот участок с большим трудом. А дилетанты-лыжники, да еще с досками за плечами, добраться в ту сторону никак не могли. И, тем не менее, не логичный приказ пришлось выполнять. Несколько дней свыше ста спасателей лопатами перерывали тонны снега. Одновременно поиски велись и на северных склонах горы.

На десятый день поиска после очередного сигнала Reson и раскопок обнаружили тело первого из пропавших, одетого в костюм с датчиком. Затем прибор среагировал на мобильный телефон, лежавший в кармане одного из лыжников. Район поиска сузился до гектара. И опять с утра до темноты руки спасателей сжимали лопаты, углубляясь в плотный как бетон снег, прокапывая глубокие шурфы в многочисленных языках лавин. На пятнадцатый день поиска нашли тело последнего, седьмого лыжника.

Поисковые работы прекратились. Очередной пасмурный день заканчивался, и многие спасатели из других регионов, погрузившись в машины, спешили домой. Суровые лица у ребят от усталости посерели. После многодневных раскопок пальцы у спасателей скрючились, как бы сжимая древко лопаты, кисти рук не разгибались даже для того, чтобы поздороваться. Всем хотелось отоспаться. Людям требовался длительный отдых и психологическая реабилитация.

Однако начавшийся високосный год продолжался, и спасателям Приэльбрусья пришлось уйти на новые поиски. На этот раз пропали альпинисты...

За три дня до выхода на гору альпинисты, пробившись сквозь пургу, накрывшую Приэльбрусье, пришли ко мне домой за советом. Отпуск у них заканчивался, а из-за почти ежедневных снегопадов ни одного пятерочного маршрута они не прошли. Из четырех ребят

двоих я хорошо знал - члены сборной команды страны. Николай и Юрий очень опытные спортсмены, участники гималайских экспедиций, побывавшие в сложных экстремальных ситуациях. За спиной Николая стоит огромный отряд молодежи. Свыше четырехсот студентов называют его высоким званием Тренер.

Во время обеда обсудили возможности восхождения в сложившейся обстановке на различные маршруты района. Импонировало внимательное отношение опытных спортсменов к моим советам. Один из планируемых ранее маршрутов сам по себе отпал, потому что даже при условии успешного прохождения стены спуск был объективно опасен - в узкий спусковой кулуар, как в трубу, постоянно с вершины могли лететь камни или лавины. Перебрав еще несколько маршрутов, остановили выбор на Северной стене. Зимой - это крутая ледовая стена, по ней ничего не летит, относительно безопасна. Если группа схожена и неплохо владеет ледовой техникой, стену можно пройти за короткий, зимний световой день. Опыт прохождения этой стены у меня был. Уточнили технические моменты, ключевые участки. Единственно, что меня смущало, так это общая сложная, после многодневных снегопадов, снежная обстановка. Посчитал нужным ребятам об этом напомнить. Провожая, попросил быть очень внимательными.

- Продумайте все хорошо, прежде чем идти на маршрут.

-Валера, ты не волнуйся. На рожон мы не полезем. Острых моментов

нам не надо. Перед нами на этот маршрут пойдет двойка москвичей.

Мы понаблюдаем за ними и при хорошей погоде выйдем на восхождение.

Для связи у нас есть мобильный телефон. - Успокоил меня Анатолий.

-Погоды! И смотрите мужики внимательно.

Тень тревоги появилась на лице начальника спасательной службы Бориса Тилова, после того как командир Шхельдинского спасательного отряда Игорь Череску доложил, что закончился контрольный срок у зарегистрировавшейся в отряде четверки альпинистов. Игорь и его отряд все предыдущие дни раскапывал со всеми спасателями тяжелый лавинный снег в поисках лыжников но, несмотря на крайнюю усталость, готов был выйти на поиски группы. Не пустила непогода. Она вроде обиженного живого организма обозлилась на всех и вся. С неба лился поток дождя со снегом. Со всех сторон грохотали лавины, перекрывая ущелья, реки и автомобильные дороги.

Заканчивался месяц февраль, оправдывая свое древнерусское название - лютый. Всего один день погоды дал возможность двойке москвичей пройти Северную стену. И снова с неба, покрытого темносерыми облаками, повалил снег. Казалось, что на небесах запасы снега неисчерпаемы. Только на второй день наступившего весеннего месяца буря затихла, и выглянуло солнце. Спасатели тут же вылетели на вертолете на поиски альпинистов. Приземлиться вертолет на Зеленой гостинице, где предположительно могли ночевать перед восхождением альпинисты, не смог из-за глубокого снега. Спасателям пришлось выпрыгивать с зависшей машины. Высадившись, ребята уходили под снег с головой. Хижина до крыши была завалена снегом. Откопав двери и войдя внутрь, ребята увидели часть личных вещей, которые, иногда за ненадобностью на стене, альпинисты оставляют на бивуаке. Вещи принадлежали группе ушедшей недавно на гору. Наиболее логичный путь к стене пролегал через гребень морены. Другие подходы забиты свежес выпавшим глубоким снегом и поэтому спасатели решили идти по пути восходителей. Они успели пройти всего метров двадцать вверх, как вдруг склон ожил, и снежная лавина обрушилась на людей. Игоря и Сергея накрыло с головой, а остальных разбросало. Профессионалы быстро откопали попавших в лавину. На этот раз обошлось без травм. Б. Тилов немедленно приостанавливает поисковые работы. Спасатели вернулись на базу. Необходимо выждать, когда сойдут лавины, осядет снег. Риск в таких условиях неоправдан. Предположили, что четверка где-то закопалась в снежной пещере и отсиживается, дожидаясь погоды. Всего несколько часов природа отдыхала. И снова, в который уже раз, повалил снег. Неделью продолжалась круговерть. За это время приехали для оказания помощи в поисковых работах спасателям МЧС земляки пропавших, высококлассные альпинисты. В первый же ясный, безветренный день спасатели вновь вылетели на вертолете в сторону Северной стены. Облетев несколько раз стену, и не обнаружив с воздуха никаких следов, спасатели решаются на рискованную операцию - десантирование на ледовый купол вершины высотой выше четырех тысяч метров над уровнем моря. Это очень опасная акция, а зимой тем более. Ведь кроме космического холода, любой порыв ветра может сдуть людей, как пушинку. Однако спасателям нужно было убедиться, побывали ли альпинисты на вершине горы, проверить - оставили ли они записку в туре. На такое могли решиться только профессиональные спасатели. Игорь Череску, Александр Коляс, Константин Харитоненко, Владимир Гончар и друзья пропавших альпинистов Игорь Чаплинский и Юрий Черевко отлично провели эту уникальную акцию. На вершине они увидели следы от «кошек» двойки. А в вершинном туре найдена записка предыдущих восходителей, но записки с именами пропавших ребят там не было... Напрашивался вывод, что альпинисты пропали между Зеленой гостиницей и стеной. А это огромная территория, перекрытая многочисленными лавинами.

Кроме того возникло почти фантастическое предположение, что во время непогоды восходители, не оставив в туре записку, прошли мимо и заблудившись, ушли через перевал Кашкаташ в Грузию. Фантастическое предположение, потому что даже летом пройти этот путь не просто. Нужно хорошо знать выход из сложного скального лабиринта. А зимой это место практически непроходимо. Проверить предположение взялись известные альпинисты Николай Дроботенко и Юрий Костенко. Они сами попадали в горах в непростые ситуации (см.

«Путешествие с Донгузоруна», автор). Прилетев в столицу Грузии, они подключили к организации поисковых работ своих знакомых-политиков. Те им предоставили для поисков вертолет. Перед вылетом Дроботенко связался со мной и я передал ему адреса своих близких друзей в Сванетии. С одним из них Нугзаром Нигуриани (см. «В сванской связке», автор) ребята встретились в г. Местии. Нугзар прекрасно знает высокогорье тех мест. Он и полетел на поиски с Дроботенко и Костенко. Но увы, никаких следов пребывания людей на Южной стороне не обнаружили... Затем на поиски были привлечены спасатели Центрального аэромобильного отряда МЧС.

Летом специальная поисковая экспедиция тщательно обследовала всю Северную стену. Каждую альпинистскую группу, выходящую в этот район, спасатели просят внимательно осматривать местность. Поиски продолжаются...

В этот высокосный год спасателям пришлось еще много трудиться в экстремальных ситуациях - очень уж «урожайным» он оказался...

ЖИВУЧЕСТЬ

Если вы бывали в альпинистском лагере «Варзоб», что находится в одноименном ущелье, в пятидесяти четырех километрах от столицы Таджикистана Душанбе, то обязательно ходили на «Зеленую поляну» в ущелье Игизаки. К бивуаку с рюкзаками от альплагеря идти часа четыре. Даже ранний выход, если нет «зановесочек» - так называли инструктора редкие в тех местах облачка, не помогал и альпинисты попадали при подходе к бивуаку под давление жаркого азиатского солнца. Солнце давило человека с рюкзаком к земле, пот застилал глаза. Тропа в Игизаки оказывалась первым серьезным испытанием перед восхождением на гору. Светло-коричневая каменная пустыня, раскаленная солнцем, окутывала путника жарой.

Несколько отрядов вышли в ущелье Игизаки рано утром. Мне пришлось по организационным вопросам задержаться в альплагере на пару часов. Будучи в хорошей спортивной форме, несмотря на уже давящее солнце, довольно шустро начал подниматься по тропе сначала вдоль речки Сиама,

удивительной своей прозрачной голубизной, а затем повернул налево в сторону «Зеленой поляны». Я любил ходить на подходах один - ни что не мешает думать и иногда в голову приходят удачные мысли. На изгибе гребня увидел хвост отряда. «Вот здорово, вышел часа на два позже из лагеря, а уже догнал отряд» - мелькнуло в голове. Осталось пройти пару взлетов

перед выходом на поляну с красивым зеленым травяным покровом и вдруг, за большим камнем, в стороне от тропы, замечаю валяющийся рюкзак и рядом полулежащую девушку. Подхожу к ней, а она без сознания. Снимаю с себя рюкзак и проверяю у девушки пульс. Пульс учащенный, нитевидный, кожа влажная на ощупь - явные признаки теплового удара. Обращаю внимание, на то что под распахнутой рубашкой виднеется туго затянутый на груди лифчик. Одним движением руки освобождаю грудь от лифчика и брызгаю в лицо холодной водой из речки. Распахиваются огромные красивые глаза и, пришедшая в сознание барышня, тут же ладонями закрывает свою пышную грудь.

- Не волнуйся, дорогая, я инструктор. Как себя чувствуешь? Как тебя зовут? - забросал ее вопросами.

- Оксана, мне стало неважно, но уже лучше. - Отвечает, смущенно потупив глаза.

- Рубашку запахни, не стесняйся, и давай пересядем в тень, немножко отдохнем.

Накинув ей на голову, намоченную в речке свою майку, прикидываю: «После потери сознания пострадавшую необходимо немедленно транспортировать вниз. Но скоро солнце окажется в зените и идти, просто так по жаре, станет изнурительно. Рациональней довести Оксану на бивуак, а это всего минут двадцать ходьбы. Там воздух посвежее, много воды и легче дышится».

Минут десять посидели в тенечке под камнем. Затем одел на себя два рюкзака, и потихоньку добрались до «Зеленой поляны». Здесь уже обустраивались отряды, устанавливались палатки, на примусах готовили еду.

После обеда собрал инструкторов и провел разбор на тему: «отряд не заметил потерю бойца», при этом сделав нелестное замечание инструктору отделения, потерявшего участника на тропе.

На следующий день намечались многочисленные восхождения. Поэтому, как начспас на выходе, сел за кропотливую работу по согласованию выходов и приему контрольных сроков. Закончил работу с темнотой. Под большим камнем, постелив каримат, расслабился и улегся на ночлег. Над головой висела огромнейших размеров луна, ярко мерцал звездный шатер. Незаметно для себя, любуясь уникальным по красоте азиатским небом, засыпаю.

Проснулся оттого, что кто-то меня звал и энергично расталкивал. Только недавно рассвело и с речки тянуло легкой приятной прохладой.

-В чем дело? Что-то случилось?

-Да, случилось. При подходе к вершине Бивачная в отряде значкистов произошел срыв. Есть пострадавшие.

Сон мгновенно улетучился. Одеваясь выясняю, есть ли на бивуаке врач. Ко мне подходит девушка лет двадцати пяти и представляется врачом- педиатром из отряда новичков. Укладываю необходимое снаряжение в рюкзак, проверяю аптечку, убеждаюсь, что у врача есть дополнительно обезболивающие, противошоковые препараты. Закидываю в свой рюкзак вещи врача, и прошу ее двигаться за мной. Минут через тридцать я подошел к стене вершины Бивуачная под двоичный маршрут. Приблизившись к крупной осыпи, увидел сначала лежащего среди камней парня. Возле него хлопотали два инструктора отряда. Парень находился в сознании, только стонал. У него по всем признакам были поломаны ребра. А метрах в двадцати ниже, в стороне, лежала девушка, как оказалось без сознания. Вокруг стояли испуганные участники с командиром отряда Игорем Германом. Подхожу, осматриваю пострадавшую. Девушка в крови с головы до ног. Многочисленные переломы. Оглядываюсь, чтобы посоветоваться с врачом и понимаю, что ее я просто-напросто загнал на подходе. Она надрывно дышит и находится на грани потери сознания. Достал флакон с нашатырем, намочил вату и передал врачу. Понял, что оказывать помощь пострадавшей придется мне самому. Краем глаза увидел Виктора Иголкина - инструктора, известного альпиниста из Магнитогорска. Он, видимо, услышав по радио о ЧП, прервал восхождение своей группы и подошел на помощь.

-Витя, свяжись по рации с альплагерем, нужен срочно вертолет!

У пострадавшей под глазами «очки» - один из признаков перелома основания черепа, переломаны кисти рук, голени обеих ног перерублены как будто бы топором. Пульс замедлен, зрачки разной величины, увеличены. Тихо стонет. Ввел под кожу раствор промедола. Обработав края ран йодом, бинтами зафиксировал голову. Затем шинирую кисти рук и перерубленные камнями голени. Кто-то поднес акью. Очень аккуратно переложили Галину (так звали пострадавшую) в акью и снесли на удобную для приема вертолета площадку. До прилета вертолета прикладывали к ее голове мокрые холодные салфетки. Что же произошло?

Взволнованно рассказывает командир отделения:

-Подходя к маршруту, на крупных камнях командир отряда приказал отделению связаться и начал громко давать указания. В это время Максим (пострадавший) шел первым в связке с Галиной. Он пролез с рюкзаком до середины огромного камня и только неуверенно

пристроился на маленькой полочке, как услышал громкий окрик Германа: «Стоять!». Видимо тому не понравилась организация страховки в связке. Если бы на месте Максима был разрядник, то, видимо, тот бы устроился на полке удобно, а потом выполнил приказ. Но Максим был значкистом и выполнил приказ беспрекословно, находясь в неустойчивом положении. В то же мгновение, потеряв равновесие, он падает, а Галя инстинктивно жестко закрепляет веревку. Пролетая мимо нее Максим, как катапультой, срывает свою напарницу, и она падает на камни, перелетев через Максима.

-Понятно. Изложи сказанное в объяснительной записке для разбора на ущельской комиссии.

Во второй половине дня прилетел вертолет санитарной авиации. На борту, кроме экипажа, находился начальник альплагеря «Варзоб» Абдулаев Эрнест Сулейманович. Эрнест очень душевный человек, один из немногих начальников альплагерей был не только хорошим хозяйственником, но и сильным альпинистом и инструктором. Ребята помогли загрузить в вертолет акью с больной, и мы полетели с начальником лагеря сопровождающими в Душанбе. В больнице распаковали нашу участницу и на своих руках занесли в операционную. Затем, уже в темноте, на директорском УАЗике поехали через город в альплагерь. По дороге почувствовал что проголодался и попросил Эрнеста остановиться возле дежурного магазина. Вместе заходим в магазин и обращаемся с просьбой продать нам батон с сыром и какой-нибудь воды. Продавщица, подняв на нас глаза, испуганно с диким криком убежала в подсобку. Ничего не понимая, мы взглянули друг на друга. И тут же поняли в чем дело. Наши руки, одежда были перепачканы кровью. Выглядели мы действительно ужасно, как мясники на бойне. Эрнест таджикски громко объяснил в чем дело. Девушка, с опаской выглянув из подсобки, посмотрела на нас внимательно, а затем не глядя взяла деньги и подала продукты. Перекусив, мы ночью приехали в альплагерь и сразу завалились спать.

Спустя месяц Галина вышла из комы, начав вдруг считать вслух, и сразу пошла на поправку. А через год появилась в альплагере с путевкой, чтобы продолжить занятия альпинизмом.

СПАСРАБОТЫ ПО НЕДОРАЗУМЕНИЮ

В северном отроге Главного Кавказского хребта уютно пристроилась вершина Четгарабаши. Местные жители ее называют черной головой в тени. Красивая, стройная гора видна уже с середины ущелья Адылсу. Перед самой вершиной, примыкая к ней, виднеется гребень в виде снежной палатки. Впервые на нее вошли известные альпинисты А.Сидоренко и В.Орлякин в 1937 году, и с тех пор не иссякает желание альпинистов попробовать свои силы на маршрутах разной категории трудности.

На один из маршрутов четвертой категории сложности собралась взойти двойка инструкторов из альплагеря «Эльбрус». Володя родом из Украины, а Расим - из Азербайджана.

На «гражданке» Володя, довольно бесшабашный парень, работал маляром-высотником, а Расим умный, рассудительный занимался наукой, имел кандидатскую степень. Их объединяла крепкая мужская дружба, романтическая любовь к горам и желание заниматься альпинизмом.

Накануне ребята, минуя поляну «кошей», поднялись по гребню до большого камня и, повернув налево по тропе, идущей круто вверх, вышли на бивуак «Турьи озера». Здесь, на высоте около трех тысяч метров, словно оазис в каменной пустыне, есть относительно ровная, покрытая травой поляна. Небольшие овальные озера, наполненные темной водой, как бы специально вписывались в замечательный суровый горный пейзаж, чтобы порадовать взгляд. На поляне, защищенной от ветра, альпинисты установили палатку. С высокого бивуака открывался красивейший вид на близлежащие горы и прекрасно просматривался желанный маршрут. Понаблюдав за маршрутом, который проходил по центру горы и выходил на левую сторону снежного гребня, двойка, поужинала и пораньше улеглась спать. Предстояло встать в три часа ночи, чтобы выйти на восхождение. Так рано нужно было выходить из-за того, что в семь утра солнышко начинало пригревать предвершинные скалы, камни вытаивали и падали, пробивая начало маршрута. Володя поднялся точно по расписанию, разбудил Расима и, вскипятив на примусе чай, предложил позавтракать.

-Расим, тут у мэнэ е шматочок украинского «наркотыка», пид назвою «Сало» и трошки чорнэньких сухарыкив. Як ты на цэ дывышься, щоб з чаем прыйняты?

-Нет, Володя, сало я категорически есть не буду, нельзя мне.

-Да ты що! Цилый день голодный роботынешь? Треба поисты.

-Володя, дорогой, я никогда в жизни не ел сало. Понимаешь, нам мусульманская вера этого не позволяет.

-Расим, зараз тэмно, твий Аллах спыть и ничего не побачыть, а якщо шильно (плотно, пер. автор.) перекусышь, мы швыдко зробымо гору. Чуешь, як смачно сало пахнэ. Ну, ишь, не бийся!

-Ладно, давай попробую.

Ребята, плотно перекусив, проверив снаряжение, начали восхождение. Довольно быстро прошли участок стены до первого контрольного тура, и уже подходили ко второму контрольному туру, когда начало светать. Опасное место, куда могли падать камни, было

пройдено. Открылась сказочная панорама. Вдали виднелись немного прикрытые облаками, освещенные

утренним солнцем вершины Ирикчата, а слева, сбоку возвышались пики МНР, вершина Андырчи и перевал ВЦСПС. Оставалось пройти еще около часа по скалам, траверснуть снежную «палатку» и, пройдя вверх метров пятнадцать, подняться на заветную вершину. Вдруг Расим попросил остановиться, пожаловавшись на рези в животе. Володя, вернувшись к другу, сразу же забил пару крючьев для самостраховки. Они присели на небольшой полке. Через несколько минут у Расима началась сильная рвота. Володя дал ему попить из фляги воды, но рвота долго не прекращалась. Как только Расиму стало немного легче, он, с присущим ему юмором, тихо произнес:

-Володя, оказывается, Аллах не спит. Всевышний все видит и бдит.

Нельзя нарушать заветы.

-Да, действительно око Аллаха не дремлет. Но нам нужно двигаться, а идти дальше можно только через вершину, потому что вниз пути нет. По началу маршрута уже началась каменная бомбежка.

Расим из-за рвоты сильно ослаб. По-хорошему, нужно было вызвать спасотряд. Но пока спасатели дойдут, пройдет много времени. Ребята решают двигаться вверх с особой осторожностью и тщательной страховкой. Володя, пройдя веревку, закрепляет ее, и возвращается к Расиму. Затем вдвоем по перилам на жумарах двойка идет вверх. Расима постоянные позывы рвоты сильно ослабляли, но он, как мог, помогал другу на стене.

Несмотря ни на что Володя с Расимом все-таки вышли на вершину. Обычно возвращение с маршрута не занимало много времени. Однако в этой ситуации спуск вниз на четыре веревки оказался сверхсложным. Володе пришлось проявить незаурядное мастерство, используя сложную технику прохождения маршрута в одиночку. Таким образом, они спустились на перемычку. Когда вернулись на бивуак, Расиму стало легче.

Спасработы по недоразумению обернулись в сложное техническое, физическое и моральное испытание. На собственном опыте Расим и Володя усвоили истину о том, что Аллаха гневить нельзя. Впоследствии, ребята совершили еще не одно совместное восхождение и остались друзьями на всю жизнь.

ТВОЙ ДОМ

Позавчера днем еще грелся под ласковым июльским солнышком на бревне- скамейке возле КСП. Рядом носились дети, среди которых, стрижкой похожая на мальчишку, резвилась моя доченька Оля. Ей почему-то нравилось отвечать взрослым на вопрос: "Мальчик, как тебя зовут?" - "мальчик Вовочка". Думаю, потому что наслушалась анекдотов про этого мальчика. Как в замедленном кино, в голове прокручиваются эти кадры.

Втроем четвертый час в кромешной тьме идем по ущелью Юсеньги. Порывы ветра несут массу снежной крупы, которая с силой лупит по незащищенному лицу. Пучок света налобного фонаря освещает перед тобой всего пару метров. Идем по набитой выючной тропе интуитивно, нащупывая лыжными палками каменистую землю, стараясь мягко переставлять ноги. За часы подхода к маршруту, а движемся мы на поисково-спасательные работы, чего только не передумаешь. У моих коллег Владимира Болонина и Виктора Автомонова тоже по двое детей. Ольга моя не любила, когда я уходил на спасаловку. Маленькой была, ревела, а сейчас, став старше, молча ждет возвращения, но знаю, она гордится профессией отца. Чувства ребенка перед выходом на спасработы проникали в душу. Осознаю, что натренирован, прекрасно знаю район поисковых работ, но всегда перед выходом появляется непонятная тревога. Может быть, это страх? Даже при достаточном опыте неизвестность рождает в душе напряженность. Очевидно, направляясь на опасную работу, возникает природное чувство самосохранения. Но сознание того, что кроме твоей команды нет никого кто бы мог помочь выбраться людям, попавшим в экстремальную ситуацию, оказывается сильнее переживаний. И ты идешь навстречу неизвестному. Идешь, несмотря на взбесившуюся погоду, да еще о чем-то рассуждаешь.

По ущелью Юсеньги когда-то проходил известный туристский маршрут через перевал Бечо в Грузию, по которому можно было попасть к Черному морю. Спускаясь с легендарной Ушбы, альпинисты проходили по этому ущелью в свои лагерь, домой. В устах местных жителей ущелье звучит - Ёсеньги. В переводе с балкарского языка юй - "дом", а сени - "твой", буквально получается: твой дом. По ходу продвижения по ущелью в голове начала прокручиваться старинная легенда, связанная с названием Юсеньги, однажды услышанная в Терсколе за столом в гостях у знакомого местного учителя Османа Тилова. Ему ее пересказывал его отец Юсуп. Легенда повествует о том, что, в соответствии с горскими обычаями, юноша (джигит) украл свою невесту и привез на лошади в ущелье, по которому нынче шагают спасатели. Когда невеста, оглянувшись, увидела незнакомое место, сразу спросила: "Где мы? Куда ты привез меня?" Юноша ответил: "Это твой дом". В одной из пещер ущелья и жила влюбленная пара до тех пор, пока не родился у них мальчик. Молодая семья затем вернулась в отчий дом, а за ущельем осталось это название.

Будто бы внезапно начало светать и сквозь снежную пелену перед нами возникли палатки. Мои рассуждения тут же прервались. На часах было 4.50. Прошли ущелье с полной экипировкой почти за четыре часа в абсолютной темноте. Заглядываем в первую попавшуюся

палатку - там не спят. Оказывается, на бивуаке отдыхает баксанский учебный отряд значкистов. Встревожены. Узнав каэспэшников, любезно протягивают нам по кружке чая, предлагают перекусить. Нам не до еды. Не откликнулась ли пропавшая двойка? Что здесь успели сделать до нашего прихода? Инструктора попытались выйти на поиски двойки, но из-за снегопада вернулись. А я мысленно возвращаюсь к началу вчерашнего дня.

После солнечного тепла в конце дня полил дождь. На межлагерной связи, по докладам начальников спасательных отрядов, в высокогорье все идет штатно, без отклонений от планов. Только Комов - начспас альплагеря "Баксан" доложил, что с двойкой на вершине Олимпиец пропущена одна связь. Такое бывает. Может быть, непрохождение радиосигнала, либо случайно группа прозевала время выхода в эфир. В таких ситуациях обычно пытаются связаться в начале каждого часа. Я зафиксировал сообщение в журнале радиообмена и посмотрел в окно радиорубки. Лил дождь. Может, до утра все выльется? Проснувшись, утром обычно бегу на зарядку, но в этот раз воздержался - дождь неприятно барабанил в окно. В своей кровати уютно спит, накануне набегавшись, дочурка. Разбужу перед завтраком, пусть еще поспит. Захожу в радиорубку - радист на посту. В районе тихо. Но будоражит неприятное предчувствие. Увы, так было не раз. Начинается утренняя межлагерная связь. В высокогорье лепит снег, поэтому многие группы возвращаются на базы. Баксанский начспас сообщает, что двойка с Олимпийца не спустилась, и поэтому он утром отправил туда поисковую группу. Состав мобильной группы из четырех человек не вызывал сомнений в том, что они справятся со своей задачей. Гора - второй категории сложности, проблем не должно быть, а группа состоит из инструкторов альпинизма, кандидатов в мастера спорта по альпинизму. Руководителем отряда Комов назначил мастера спорта Сергея Названого. Мы его хорошо знали, неплохой спортсмен, некоторое время даже поработал на КСП, правда, не вписался в наш коллектив. В "Баксане" в текущем сезоне подобрался хороший спортивный состав инструкторов, да и начспас опытный человек. На всякий случай, в конце связи спрашиваю:

-Помощь нужна?

-Справимся сами, - последовал ответ Комова.

Незаметно пролетел день. На последней связи Комов доложил, что спасательный отряд лагеря работает, повода для беспокойства нет. Пропавшая двойка обеспечена всем необходимым. Вроде бы, делают все правильно. Записываю в журнале о начавшихся спасательных работах и предупреждаю, что радиостанция КСП остается на постоянном приеме. Меня беспокоит медленный темп спасательных работ. Время: 0.10. В радиорубку врывается взволнованный хриплый голос Комова.

- "Луч", посоветуйте, как снять застрявшую на маршруте двойку?

Странный и неожиданный вопрос. Имея в своем распоряжении около четырех десятков мастеров и кандидатов в мастера по альпинизму, он просит совета. Конечно, погода не подарок и пошли вторые сутки без связи с группой. Реакция мгновенная.

- Какие могут быть советы?! Снимать надо! Мы выезжаем немедленно.

Через пятнадцать минут старенький "уазик", пробивая светом фар темноту, насыщенную снегом, вез нас по Баксанскому ущелью к альплагерю

"Баксан". Приехав, несколько минут потратили на разговор с Комовым. Оказалось, что лагерные спасатели должны были пойти не по пути подъема, как это обычно делается, а выйти на перевал Бечо, траверсировать гребень до вершины Олимпиец, а затем спуститься к пострадавшим. Выяснилось, что и со спасательным отрядом, вышедшим в первой половине дня, связи тоже нет. Уточнили, что под маршрутом стоят палатки учебных отделений лагеря. Узнав эти подробности, наша тройка перешла небольшой мостик через реку Юсенги и в темпе начала продвигаться по ущелью.

Подойдя к бивуаку, мы быстро связались и ушли вверх по пути подъема пропавшей двойки. К нашей тройке подсоединился один из инструкторов отряда значкистов. Рельеф контрфорса несложный, много выступов и

зацепок. Валивший с небес густой снег не был особой помехой. Старались его не замечать. Правда, в подсознании вертелась мыслишка о том, что за сутки с небольшим выпало прилично снега, "карманы" могли переполниться, и в любой момент возможен сход лавины. Шли двумя двойками в хорошем темпе с попеременной страховкой. Пройдя вверх четыре веревки, увидели свободно висящий с полки конец основной веревки. А через несколько минут хода мы обнаружили на скальном выступе две сидящие фигуры. Это были парень и девушка, ради которых мы пробивались сквозь ненастье много часов. Состояние их было крайне тяжелым. Сидят они беспомощные, отвернувшись, друг от друга, в промокших насквозь пуховках. На вопросы не отвечают. Лица у них посиневшие, со стиснутыми зубами. От встречи с нами никаких эмоций, полная апатия. Сколько им оставалось так сидеть? Наверное, недолго.

Ощущаю в душе вполне объяснимое радостное возбуждение. У моих партнеров-спасателей, очевидно, такие же чувства, хотя внешне никак их не проявляем. Главное, успели. Достав из внутреннего кармана пуховки

заветную флягу чая с приличной концентрацией спирта, заставили подопечных проглотить эту огненную жидкость. И сразу же вниз, на землю. Витя с Володей сопровождают парня, а Саша и я - девушку. Сообщив по радио, что мы нашли двойку, прошу находящихся внизу на бивуаке

инструкторов начать навешивать перила по пути нашего подъема. Спустившись на одну веревку, даю Кате выпить из заветной фляги грамм сто горячительного. Закусив кусочком копченого мяса, быстро захмелев, она защебетала. По ходу движения вниз начала рассказывать, что их

радиостанция работала только на прием и, когда она услышала, что к ним идут каэспэшники, у них появилась надежда. Спьяна что-то лепетала о любви ко мне и всем спасателям. Жизнь возвращалась - она оттаяла. По

готовым перилам движение вниз стало значительно быстрее. На одной из перестежек слышу из включенной рации свой позывной. Наконец, отозвались баксанские спасатели:

- "Луч-3", я - "Луна-?". Мы находимся в районе перевала Бечо,

недалеко от вершины Олимпиец, что нам делать, куда двигаться?

- "Луч-3" - на приеме. Состояние группы?

- Я - "Луна-7", у меня все в порядке. Какие будут указания?

Куда им идти? Несмотря на благодушное настроение от чувства профессионально выполненной работы, оттого, что мы успели спасти ребят, непонятно откуда взявшаяся волна обиды захлестнула меня. В нарушение правил радиообмена, открытым текстом рассказал как каким матерям им двигаться. Почему, даже в альпинизме, где пострадавшим может стать каждый и в любой момент, есть люди, отсиживающиеся за спиной у других? Правилами альпинизма было предусмотрено, что, только получив после специальной подготовки жетон члена спасательного отряда, можно стать мастером. Казалось, этот пункт правил вытекает из человеческой сущности взаимовыручки людей.

В половине двенадцатого мы стояли на земле, а из палаток "значки" несли нам чай, шоколадки, сгущенку и прочую вкуснятину. Природа, словно прочувствовав нашу радость за удачно выполненную работу, вдруг успокоилась, прекратился снегопад и выглянуло солнышко.

Никогда не нравилась мне работа в ущельских комиссиях в так называемых разборах "полетов". Порой там выносились формальные, не совсем справедливые решения, иногда

влияющие на судьбу людей. Хотя этот институт анализа несчастных случаев, безусловно, приносил пользу.

Утром следующего дня с готовностью я поехал снова в "Баксан" для работы по разбору случившегося. С пострадавшими участниками все ясно. Низкая квалификация восходителей и слабая физическая подготовка в непогоду отозвались холодной ночевкой. Девушка не могла выбить забитые парнем крючья и их оставляли. Когда крючьев не стало, растерялись, остановились и начали замерзать. Вопросы были не к ним. Хотелось взглянуть в глаза каждому из членов лагерного спасательного отряда. Когда они поднялись на перевал? Что там делали? Почему, имея высокую квалификацию, прекрасное снаряжение, в том числе шесть сорокаметровых веревок, ничего не предпринимали для оказания помощи? Вербовок хватило бы, чтобы провесить весь маршрут от вершины до подножья. Почему не отвечали по радио на запросы? И много других почему. Разбор был неприятный. Баксанские спасатели в первый день поставили палатку внизу под перевалом и преспокойно остаток дня, а затем ночь отдыхали. Утром, поднявшись на перевал, они прятались от ветра на гребне. Только вечером один из них приспустился по закрепленной веревке на тридцать метров с вершины и тут же вернулся, спрятавшись в палатке. Восьмидесятиметровую горизонтальную антенну гореспасатели не развернули, а штыревая антенна позволяла лишь прослушивать эфир. Ответов на вопросы не было. Председатель комиссии, один из известнейших мастеров альпинизма, Михаил Алексюк, был потрясен неоказанием помощи.

Комиссия еще разбиралась, а отогревшаяся наша вчерашняя пострадавшая Катя бодро атаковала выпускающего с просьбой о выпуске на очередное восхождение. Вчера она была на грани гибели, а сегодня все забыто, и снова стремление в гору.

В жизни спасателей нередко приходится встречаться с моральноэтическими проблемами, решение которых почти напрямую связано с жизнью - либо собственной, либо тех людей, ответственность за которых лежит на спасателях. Приходится действовать быстро и рискованно, но всегда нужно помнить, что цена решения одна и та же - спасенная жизнь. И ты к этому причастен. Вдвойне приятно чувствовать себя причастным, когда горы стали твоим домом и ты сможешь ответить на вопрос: ради чего.

ЖЕНСКИЙ ВАРИАНТ

Поднявшись ранним утром на перевал просто так, ради прогулки, увидел открывшиеся вершины гор только что коснувшимися лучами солнца, вспомнил об эпизоде, произошедшем здесь неподалеку, всего в получасе ходьбы. Произошли события совсем недавно.

В какие-то времена стало модным совершать чисто женские восхождения. Некоторые сударыни в альпинизме довольно высокой квалификации решили, что, как и в других видах спорта, можно разделить альпинизм по половым признакам. Пытались и административно разделить альпинизм на мужской и женский. Так называемое управление альпинизма

присылало в спасательную службу уникальные анекдотические директивы: «двух женщин не выпускать в одной спортивной группе на восхождения по маршрутам пятой категории трудности!» и, как следствие, чисто чиновничье указание: «женщину-инструктора, не считать женщиной!». Ведь многие представительницы «слабого» пола работали с разрядниками и ходили с ними на маршруты высших категорий.

Среди женщин-альпинисток встречались выдающиеся скалолазы, мастера, совершавшие восхождения высших категорий трудности, «снежные барсы» (восходители на 4 семитысячника бывшего СССР). Но, происходило это в составе смешанных команд с мужиками, причем высококвалифицированными. Известно, что большинство женщин мастеров альпинизма обладают необыкновенными волевыми качествами, они выносливы, жизнестойки, технически подготовлены. Эти качества высоко ценятся в альпинизме и не только. Мне посчастливилось быть знакомым с прекрасными альпинистками, а с некоторыми ходить на восхождения, работать в альплагерях, на сборах. Это такие выдающиеся альпинистки как Жунка Табей, первая леди в мире, вступившая на высшую точку планеты, Люда Варжапетян, «снежный барс», единственная в мире женщина шесть раз взошедшая на уникальную по сложности вершину Ушбу, «снежный барс» Роза Беззубкина, Агнесса Клокова, Тамара Кубонина и многие другие. Испытываю к ним пиетет. Кроме спортивных достижений они умные, душевные и красивые женщины, надежные партнеры на восхождениях. Однако эти прекрасные спортсменки ходили на вершины с мужчинами в связках. Видимо мужицкое плечо в альпинизме играет не последнюю роль.

Некоторые из женщин, а это уже только единицы из многих альпинисток, имели жетон «Спасательный отряд», участвовали в спасательных работах. К сожалению, альпинизм иногда сопровождается такими работами. Ведь в отличие от других видов спорта, где возможны травмы, и тут же тебе будет оказана медицинская помощь, в альпинизме нужно на месте в условиях высокогорья оказать доврачебную помощь, а затем доставить травмированного в медицинское учреждение. Доставка растягивается на многие часы, а порой суток при этом приходится спускать больного с вертикальных порой километровых стен, а затем нести по бездорожью морен на больших высотах, при кислородном голодании. Спасательные работы проходят по скальным маршрутам, ледовым и снежным заторам, часто в непогоду, при ураганном ветре и низкой температуре. Такая работа требует невероятных физических нагрузок, которые выдержать может только мужской организм. Это аксиома жизни в альпинизме. Не учитывать эту аксиому ради моды, тщеславия или пропаганды феминизма не допустимо. Эксперимент чисто женского восхождения оплачен дорогой ценой - жизнями наших альпинистов-женщин на известном семитысячнике.

Случился эпизод в Приэльбрусье. Четыре дамы, решили ради тренировки или с какой-то другой целью зимой сходить на двоичку (2-я категория трудности) пиков имени Монгольской народной республики из лагеря в лагерь, т. е. за световой день без ночевки и бивуачного снаряжения. Вдохновительницей чисто женского варианта была мастер спорта, имеющая

уважаемое звание в альпинизме «снежный барс». Команда выбрала простой для лета маршрут. Этот маршрут впервые был пройден еще до Великой Отечественной войны.

Чтобы подойти под этот маршрут нужно преодолеть одно «небольшое» препятствие - выйти на перевал ВЦСПС (имени Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов). Этот перевал славится не только длинным названием. Взойти на перевал можно, пройдя довольно крутой и продолговатый тягун. Летом этот путь занимает от трех до пяти ходовых часов, а зимой добавляется еще время, потому что приходится идти по глубокому снегу.

Девушки, уверенные в себе, вышли из лагеря поздновато. На перевал подошли во второй половине дня. Немного отдохнули. И тут одна из сплоченного женского коллектива отказалась от восхождения. Причина чисто женская - немного беременная. Решили дальше идти в тройке. Пока гадали, думали время шло. А зимний день короткий, да и с заходом солнца резко холодает.

В двадцать три часа в кромешной темноте, сидя на вершине, по радиации вызвали девушки спасательный отряд. Спасатели помогли барышням под утро спуститься. Парень - земляк одной из барышень, помогая ей, нес свой и ее рюкзак, поскользнулся в темноте и, оказался с переломанной ногой. Спасатели и его спустили с перевала. Восходительницы встретили рассвет внизу на «земле» продрогшие, но здоровенькие и невредимые.

Спустя сутки одна из восходительниц пришла на КСП с бутылкой хорошего вина. Спасатели предположили, что это знак благодарности, но вдруг барышня заявила.

- А мы все-таки сделали вершину, давайте за это выпьем!

После этой фразы пришлось изгнать ее вместе с бутылкой. Это не тот вариант..

КЕРОСИН

Многие годы ухаживания в альпинизме назывались странным словом «керосин». Например, если альпинист встречался с девушкой, говорилось: «они керосинят» или «он пошел на керосин», т.е. на свидание. Видимо происхождение этой фразы относится к тем временам, когда в альпинистских лагерях пищу готовили на керосиновых примусах. Керосин в те времена был дефицитом. Для того чтобы купить керосин приходилось выстаивать долгие очереди.

Однажды из альпинистского лагеря «Молния», который был в ущелье Адырсу, послали инструкторов девушку и парня за керосином. Их не было целую ночь, а утром, когда их собрались искать, они пришли, и на вопрос «где керосин?» в один голос сказали, что бутылку с керосином разбили. Народ в альплагерях юморной и тут же придумали им кличку

«керосинщики». С тех пор, хоть уже давно альпинисты готовят пищу на бензиновых примусах и газовых горелках, сохранилось на устах слово «керосинить».

Как-то подходит ко мне Верочка, сотрудница Контрольно - спасательного пункта с просьбой.

-Выпустите, пожалуйста, меня на восхождение со спортивной группой.

Всегда был сторонником желающих совершенствоваться и ходить на восхождения. Спасатели должны быть постоянно в хорошей спортивной форме и для работы удобно, если они находятся в высокогорной зоне, легче организовать на месте помощь возможным пострадавшим. Вера работала у нас переводчиком и знала, что я никогда не отказывал желающим выйти на восхождение. Однако выпускал всегда только подготовленных и тренированных ребят. Вера хорошо владела английским языком, прекрасно справлялась со своей работой, но склонная к полноте, тренироваться ленилась. Даже в сильной группе альпинистов она могла быть на горе тормозом, поэтому, объяснив ей это, отказал в выпуске.

-У меня есть за сверхурочную работу три отгула. Могу ли я их использовать ?

-Пиши заявление и получай свои отгулы.

Заявление я подписал, а Вера, как мне сказал дежурный инструктор, сразу схватила рюкзак и побежала в сторону бивуака «зеленая гостиница». Там уже несколько дней находились наши спасатели. Ребята оттуда ходили на восхождения. Среди них был парень, с которым Вере очень хотелось пообщаться или, как называют этот процесс альпинисты, покеросинить.

События развивались стремительно. Придя на бивуак, Вера узнает, что группа на горе. И девчонка решает пойти вверх навстречу со своим «керосином». Что только не совершишь ради встречи с желанным! Она прошла морену, затем вышла на Джанкуатский ледник и здесь вдалеке увидела спускающуюся группу, в которой узнала Его.

В молодости чувства бывает, толкают человека на отчаянные поступки. Верочка, забыв о том, что под ногами ледник, рванула на встречу. Ребята, увидев направляющуюся к ним девушку, хотели было остановить бесшабашную девчонку, но не успели. На глазах у группы Вера проваливается в трещину!.. Подойдя, и посмотрев в трещину, поначалу спасатели ничего не увидели, поэтому сразу пришло решение о срочном спуске в провал. Минуты подготовки. Страховочная станция готова, можно спускаться. Успели за это время сообщить по радиации на КСП о случившемся.

Трещина оказалась наклонной и глубокой. Когда выдали спускающемуся Николаю почти всю веревку (а это 40 метров), он сообщил, что видит застрявшую Веру, живую, но с небольшими травмами. Подбравшись поближе, Коля обнаружил, что девушку во льду заклинило самой объемной частью фигуры. Пышные размеры фигуры выручили. Трещина дальше расширялась и уходила на большую глубину, в которой слышен был гул подледной реки.

Веру вытащили, обогрели и через несколько часов на носилках принесли на КСП. Травмы оказались несложные, если не считать перелома руки и многочисленных кровоподтеков и царапин на лице и на «пятой точке». Подхожу к носилкам, спрашиваю:

-Как ты себя чувствуешь? - в ответ слышу.

-Честное слово, обещаю, больше никогда, никогда керосинить не буду! Прошли годы, бесшабашная девчонка стала солидной мамой и занимается

серьезным бизнесом.

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ

Мой учитель альпинизма Кирилл Александрович Баров придавал большое значение методике изложения каждой темы занятий. Часто от него курсанты школы инструкторов альпинизма слышали о дидактическом методе преподавания, о привитии новичку эстетического отношения к горам. Кирилл Александрович сам был самоотверженным трудолюбом и требовал от своих учеников того же. Главное чтобы уроки на различных горных рельефах были доходчивы, усваивались и практически закреплялись.

Шли ледовые занятия со значкистами на леднике Кашкаташ. Значкисты - это альпинисты особые, уже с определенными знаниями, в основном второй раз в жизни, побывавшие в горах, имеющие в своем активе перевальный поход и восхождение первой категории трудности. Знания еще сырые, мало опыта, но уже несколько самоуверенные - с ними трудно работать. Нужно не только показывать, но и убеждать в правильности выполнения тех или иных приемов. В этом отношении ледовые занятия очень показательны, ведь если дома многие занимались на скалах, то передвижение на «кошках» осваивалось лишь в горах. После хождения нескольких дней в предыдущем году на «кошках», навыки теряются и необходимо отбатывать упражнения заново.

В начале июня, когда в долинах наступают теплые деньки, в городах средней полосы забывают о зимних одеждах, а в горах порой прохладно, кулуары еще забиты снегом. Порой задует ветер, выпадает снег и приходится утепляться, особенно, если занятия проходят на леднике. Поднявшись с отделением значкистов на ледник Кашкаташ, перед занятиями, как мне

казалось, вполне доходчиво объяснил и показал, как нужно одевать и ходить в «кошках». Конечно, обратил внимание на безопасность, на вертикальное положение тела при движении по льду. Рассказал и показал, как передвигаться по ровному леднику - ноги ставить пошире чем обычно, чтобы не зацепиться зубьями кошек за брюки. Затем занятия усложнил. И так прошло несколько часов тренировки. Пригрело солнышко, потеплело. Разрешил ребятам снять теплые вещи и отнести их на место, где лежали рюкзаки на ровной площадке, недалеко от морены. Отработав, намеченные на этот день упражнения по моей команде отделение собралось возле рюкзаков. Тут я объявил, что занятия на сегодня окончены. Реакции, которая затем последовала, я не ожидал. Произошло то, что обычно сопутствует окончанию напряженного урока в школе после звонка на перемену. Ребята начали прыгать, скакать, обрадовавшись окончанию занятий. Один из участников Геннадий, прыгая в кошках, на ровном месте, зацепив кошкой штанину, падает. При падении нога попадает на камень. Раздается характерный треск... Перелом голени. Даю обезболивающее, шинирую ногу. Переносим Гену в кулуар, сажаю его на штурмовку. Чтобы не мешала транспортировке поломанная нога, цепляю ее репшнуром и подвешиваю второй конец веревки на шею пострадавшего. Таким образом, минут за пятнадцать по снегу стаскиваем Гену до поляны «кошей», а дальше на руках относим его в альплагерь «Джантуган». Затем отвозим больного в Тырнаузскую больницу. На следующий день собирается для разбора несчастного случая ущельская комиссия из «крутых» корифеев альпинизма...

В основном задача комиссии была выявить причину ЧП и наказать... виновных. В нашем случае виновник заранее был известен - инструктор. Для вынесения вердикта о степени наказания за неправильную методику обучения, комиссия решила соблюсти формальность. Уточняя причину возникновения травмы, члены комиссии занялась опросом участников процесса обучения. На вполне не сложный вопрос:

- Как инструктор вам объяснял о безопасности хождения в кошках? Ответ участников был однозначным:

-Правильно методически и очень образно.

-Что значит образно? - Настаивал один из дотошных членов комиссии.

В ответ ребята путались, краснели и смущались. К единственной девочке из отделения пристали, расскажите дословно, что вам инструктор говорил. Она ответила:

-Я это повторить не смогу.

-Нет, вы повторите! - Еще с большим пристрастием наставляли корифеи. Тогда Юлия, встряхнув головой, решительно выпалила:

-Наш инструктор говорил, что при передвижении по леднику в кошках, чтобы не зацепиться штаниной за «кошку» нужно «всегда помнить свое золотое детство, когда в штанах полно говна и ходить можно было только расщеперив ноги». Мы так и ходили, а Гена не выполнил методические указания инструктора и поэтому получил травму.

Члены комиссии были шокированы. Отпустив девушку, спецы альпинизма обратились к инструктору.

-Вы действительно интерпретировали технику хождения в «кошках» как рассказала участница?

- Да, я думал, что так лучше дойдет и запомнится.

Тут серьёзные дяди из комиссии расхохотались, вынеся редкий вердикт «отметить уникальное, образное и доходчивое толкование методики обучения хождения на кошках по льду, а в случившейся травме инструктор не виновен».

ОБМАН

Ягнобская стена одна из тех стен, куда устремлены чаяния многих альпинистов. Стена, словно огромный карниз в два километра высотой нависает над местностью. Её с полудня освещает солнце и к технически сложным скалам добавляет тепло. Целый день, проходя стену, находишься как на жаровне. Жажду утолить нечем. Приходиться лизать языком выступающие влажные пятна. Только в середине маршрута есть полка, так называемая «рюмка» со снегом. На ней можно напиться талой воды. Еще одна особенность стены. Если вдруг польет дождь, что бывает в этом районе крайне редко, маршруты становятся скользкими как мыло и непроходимыми. Однако, в основном над головой всегда безоблачное необыкновенно синее небо. При прохождении маршрута иногда рядом пролетает огромный орел, внимательно заглядывая тебе в глаза, будто вопрошая, что тебе здесь нужно и как бы проверяя, сможешь ли справиться со скалами, в которых он живет.

В Таджикистане эту вершину называют Замин Карор, что в переводе с таджикского, спокойная земля. Стена действительно соответствует таджикскому названию. Во время землетрясений альпинисты на маршрутах, не ощущали подвижек, в то время как на бивуаке «вертолетная площадка», что в полчасе хода от начала маршрута, земля ходила ходуном. Видимо основание этого грандиозного, созданного природой скального массива, шириной

приблизительно в восемь километров, уходит в неизведанные глубины Земли и поэтому он устойчив при землетрясениях. На стене пройдено около двадцати маршрутов, из которых более половины высшей категории сложности. В центральной части проложен путь команды Олега Викторовича Капитанова - талантливого организатора и мастера альпинизма, удивительно красиво проходившего сложнейшие скальные вертикали.

Добраться из альпинистского лагеря «Варзоб» в этот район можно, проехав около четырех часов на грузовике через Анзобский перевал. Затем дорога поворачивает круто вверх и по серпантину приводит к кишлаку Маргиб. Дорога настолько узкая и крутая, что двум машинам не разъехаться. Под Замин Карором в закрытом, далеком от цивилизации ущелье живут, доброжелательные удивительные люди. Разговаривают они на таджикском языке, но внешне многие больше похожи на славян, - голубоглазые блондины. Селяне занимаются скотоводством, ведут натуральное хозяйство. Существует легенда, что жители Маргиба потомки великого полководца Александра Македонского, проходившего в свое время через эти места в Индию.

Травецируя с командой склон в сторону бивуака «вертолетная площадка», несколько приморенный после шестёрочного восхождения, прокручивал в голове, описанную выше информацию, мечтал скорее отправиться в альплагерь - так легче отвлечься от усталости и перехода под жарким, изнуряющим солнцем. На бивуаке меня поджидала спортивная группа из альплагеря, которых выпустил на гору первый выпускающий Олег Капитанов, а я по его поручению должен был взять у них контрольный срок. В отдаленном районе такая практика допускалась при выпуске на несколько гор, чтобы участники не теряли времени на переезды.

На бивуаке нас радушно с чаем и сладостями встретили альпинисты со сборов из Ташкента, а на мой вопрошающий взгляд, рассказали.

- Мы, прослушав эфир, узнали, что вы удачно спустились по двойке и, пройдя до поворота, скоро придете на «вертолетную площадку». Ребята из вашего лагеря, услышав эту информацию, быстро собрали рюкзаки, и ушли в сторону Центральной вершины на север. Удивляемся, почему они вас не дождались.

Откровенно говоря, я тоже был удивлен. Принято как то было после восхождения, особенно прохождения маршрута высшей категории, встречать и поздравлять, тем более инструкторов работавших в одном альплагере. Но это лирика. Не всегда бывает до нее. Больше всего меня удивило, то, что альпинисты, кстати, тоже инструктора, знали о поручении Олега Капитанова, принять у них контрольный срок. Как можно уйти на гору без контрольного срока? На что можно надеяться - ведь без контрольного срока им не засчитают восхождение. Контрольный срок в альпинизме - это не пустая формальность. Лицо, принимающее у группы контрольный срок, обязано проверить знание группой маршрута, оговорить тактику прохождения маршрута, варианты спуска, связи, возможные места ночевки. Кроме того, согласовывались действия группы в случае возникновения аварийной ситуации - таковы были,

проверенные жизнью, правила альпинизма. Мне казалось, спортивная группа должна была быть заинтересована во встрече со мной, потому что недавно я прошел этот довольно сложный маршрут и мог подсказать тактику преодоления ключевых участков маршрута. Связаться по радио с ушедшими за угол стены невозможно, потому что там была так называемая «мертвая» радиозона, непрохождение радиоволн. Ну что ж, хождение в горы дело добровольное - захотели так идти, пусть идут.

Попрощавшись с гостеприимными ташкентскими сборами, наша группа спустилась в кишлак и на машине, поджидавшей нас, поехали в альплагерь к друзьям, к своим альпинистским отрядам и учебным отделениям. Заканчивался междусменный отпуск, во время которого инструктора могли пройти для души или спортивного совершенствования красивый путь на заветную вершину.

Долгая, азиатская дорога наложила на наши лица, одежду, рюкзаки плотный серый слой макияжа. Пыль казалось, проникла всюду, хрустела на зубах, налипла на ресницы и брови. Давала знать и накопленная усталость. У команды вертелось в голове единое желание поскорее сбросить с себя все одежды и попасть в баню. В альплагере нас тепло встретили друзья. Только у КЭПа, Олега Капитанова, нашего начальника учебной части, нашего лидера и друга я уловил тревожный взгляд. Отойдя чуть в сторону от встречавших нас ребят, Олег спросил.

-Как ты себя чувствуешь после горы?

-Нормально, КЭП.

-Валера, не распаковывай рюкзак, подбери себе в связку нормального парня и сейчас же езжайте под Ягноб. Только что руководитель ташкентских сборов сообщила по радио, что с нашей группой ЧП, есть тело. Почему то авария случилась с наблюдателем, который должен был сидеть внизу под стеной на связи. Необходимо тебе на месте переговорить с участниками восхождения, выяснить все обстоятельства и, при необходимости, быть готовым пройти маршрут.

В свою очередь я поделился с КЭПом о странном поведении этой спортивной группы, ушедшей на маршрут без контрольного срока.

-Тем более разберись на месте. Хочу знать правду.

Такое доверие друга, многого стоит. Усталости как не было. Поговорив о случившемся с одним из членов спасательного отряда, до этого

показавшего на занятиях качественную физическую и техническую подготовку и, рассказав ему о задаче поставленной начучем, спросил его, на всякий случай, о самочувствии. Геннадий, так звали парня, с готовностью отозвался идти со мной в связке. В его глазах я увидел тот огонек, который нужен при сложных ответственных работах. Капитанов, как положено, оформил наш выход, и мы через полчаса уже ехали на том же грузовике в сторону Ягноба. Под утро мы прошли тысячу пятьсот шагов вверх по крутой тропе к «вертолетной площадке». Перекинувшись несколькими фразами с ташкентцами о взаимодействии, мы поспешили под маршрут.

Под маршрутом на скальной площадке стояла палатка, из которой вышли двое участников. Они показали место, где лежал пострадавший. Подойдя к телу, я осмотрел его. Все тело было переломано, на голове травмы не совместимые с жизнью. На обвязке висел искореженный жумар. Увы, на нем не было подстраховывающего схватывающего узла.

-А где Слава, третий участник? - спросил я.

-Уехал.

-Как уехал, куда?

-Он должен участвовать в чемпионате вооружении и по срокам не успевал, поэтому уехал. Вместо него на гору пошел Артемов и, вот, случился срыв...

Проявилась удивительная ситуация.

Чтобы участвовать в чемпионате, Славе нужно было пройти сложный маршрут, как тренировочный. Но, так как он не успевал по срокам к началу чемпионата, он уехал, а вместо него пошел наблюдатель Артемов. Это для того случая, если кто-нибудь увидит на маршруте группу, то не будут разбираться в персоналиях, а по количеству человек на маршруте столько сколько и должно быть - трое. Вместо участника восхождения пошел наблюдатель. Поэтому они сбежали от меня, не оформив контрольный срок, надеясь уговорить выпускающего, принеся с маршрута контрольные записки, засчитать им восхождение. Затем планировали отправить телеграмму руководству чемпионата вооруженки о том, что Слава совершил тренировочное восхождение.

-А как произошел у вас срыв?

-Мы проходили маршрут так. Первым шел я, рассказал Анатолий, затем посередине на жумаре Артемов. Последним шел Василий. Пройдя участок, я закреплял веревку. Ко мне подходил Артемов, а затем Василий. Когда мы подошли к последнему ключевому участку я начал траверсировать влево, но под ногами оказался участок натечного льда и я сорвался. Перелетев через Артемова, на снегу сумел зарубиться. При рывке выпцелкнулся жумар у Артемова и, он улетел в кулуар.

Уяснив в первом приближении обстоятельства несчастного случая, учитывая свой график прохождения маршрута, прикинул, что на месте срыва группа оказалась невероятно быстро. Тем более тактика прохождения маршрута в тройке, о которой рассказал мне Анатолий, была, мягко говоря, не совсем рациональной.

Пока разбирался, подошли спасатели из Ташкента. У них все было готово для транспортировочных работ. А я, как договаривался с Олегом Капитановым, связался с Геннадием и мы вышли на маршрут. Подойдя к первому контрольному туру, сняли записку. Но обратили внимание, что следы к нему шли по снегу из кулуара и снова уходили вверх по расположенному рядом с маршрутом кулуару. Такие же следы были обнаружены и возле второго контрольного тура. Чем ближе к вершине кулуар становился круче, появились ледовые участки и наконец, мы с Генной увидели место срыва. Получается, восходители попытались по кулуару обойти заявленный маршрут, а контрольные записки снимали, траверсируя и выходя на скалы. Третью записку снять не удалось... Подробности уточнились, впоследствии, на ущельской комиссии. Выяснилось, что Артемов оказался офицером одной из воинских частей. Во время прохождения службы в альплагерь он уехал по профсоюзной путевке, а командир части не ведал, где находился его подчиненный. Комплексный обман закончился трагедией.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ

Прошло три года после того, как на маршруте третьей категории сложности, во время восхождения, глыба отколовшегося льда, величиной с тумбочку, вылетела из кулуара и сбила группу альпинистов. Инструктор Николай Мащенко, первым увидевший летящую на людей льдину и мгновенно оценив трагичность ситуации, прикрыл собой учебное отделение

разрядников. Он пытался остановить летящий с огромной скоростью ледовый снаряд... Николай был одним из сильнейших альпинистов Украины, Спасателем с большой буквы. Катастрофа случилась на вершине Андырчи. За две недели до этого случая гора сбросила со своих склонов двойку альпинистов, не пустив ребят на вершину, как бы предупредив остальных.

Может быть происходящее на вершине заключено в ее названии? По преданию старики рассказывают, что под горой на токах обрабатывали снопы с зерном цепями. Отсюда и

название горы. Балкарцы называют ее Ындырчы- баши, что дословно означает: ындырчи - стучать, греметь, а баши - голова, вершина, т.е. стучащая или гремящая вершина. Но можно предположить, что гора просто камнеопасна. И действительно, со склонов Андырчи часто сходят камнепады, лавины.

С тех пор, не договариваясь, никто из выпускающих не подписывал маршрутные листы с названием этой горы. Не решались. И вот спустя три

года, снова сборы альпинистов спортивного общества «Авангард» в альпинистском лагере «Эльбрус», в котором Николай Машенко много лет работал инструктором. С этого альплагеря Николай выходил на восхождения сложнейших альпинистских маршрутов. Такой же солнечный июль как тогда, почти та же дружная альпинистская команда. Память друзей сохранила подвиг Спасателя. Альпинисты решили, что хорошо было бы пройти не до конца им пройденный маршрут. Нарушив негласный запрет, решился на выпуск старший тренер Леопольд Всеволодович Кенсицкий, ходивший с Николаем в одной команде. Детально обсудив встречающиеся на маршруте сложности, он благословляет на коварный маршрут две связки добровольцев.

Ранним утром Володя Зайцев с Сашей Бонатьевым и Женя Мищенко с Витей Шпаченко, пройдя первый скальный остров, продвигались вверх по крутому снежному склону ко второму острову. Это был тот кулуар, в котором Николай принял на себя удар... Шли сосредоточено, следя за горлом кулуара. Тишину нарушали лишь скупые команды связок: «Выбери! выдай! закрепи! страховка готова!». Как ни настраивались ребята, но в памяти прокручивалось событие, произошедшее на этом месте три года тому назад. Миновав второй и третий скальные острова, связки подошли к небольшой стенке. Она выводила на вершинную башню. Напряжение спало. Поднялись уже достаточно высоко и можно было полюбоваться открывшейся панорамой близлежащих заснеженных гор. Что-то завораживающее виделось в далеких, покрытых снегом вершинах. В сотне метров под ногами альпинистов проплывали кучевые серебристые облака.

Первым на стенку вышел Витя Шпаченко. Прошел пять метров и как-то неуверенно остановился на маленькой полочке.

- Витя, бей крюк! Подсказал опытный напарник по связке Евгений.

Витя отмахнулся, рано мол. Вторая связка тоже подала голос.

-Витя, нужен крюк!

Пройдя вверх еще метра два, он и сам почувствовал, что на стенке без крюка сделалось неуютно. Вставил крюк в трещину, замахнулся молотком для удара, и откинулся назад, улетев за перегиб. Женя немного протравив, закрепил страховочную веревку.

-Витя, живой?! - Завис вопрос среди нагромождений скал, снега и льда.

Вите повезло. «Приземлился» он за скальным перегибом в глубокий снег. Рывок не выдержали только ребра. Вторая связка помогла ему выбраться из снега. На небольшой площадке связки собрались вместе. «Неужели это прозвенел трехгодичный «звонок»? Мелькнуло в подсознании. Решили немного отдохнуть, прийти в себя от случившегося. Наложили Вите на грудь фиксирующую повязку из эластичного бинта. Дали пару таблеток анальгина. Растопив на примусе снег, заварили чай. Попивая чай, задалась вечным вопросом, что дальше делать? Вверх или вниз? Вот в чем вопрос у альпинистов в таких ситуациях. Подумав, решили двигаться вверх на вершину, ведь путь вниз отрезан.

Солнце во второй половине дня пригрело северные склоны Андырчей и возможны по пути подъема камнепады или лавины. Тем более память хранит то, что на группу Машенко шальная льдина сорвалась именно в это же время, во второй половине дня. На вершине есть удобная площадка под бивуак, защищенная от ветра. Кроме того спуск с вершины очень простой. По Витиному самочувствию, а он все время постанывал от боли и тяжело дышал, шел медленно, ребята решили постараться выйти на вершину до темноты и там заночевать.

Саша, выйдя на стенку сразу забил крюк. Пройдя по стене метра три, забил еще один. Володя внимательно его страхует. Пройдя вверх с полверевки, Саша увидел удобную площадку и решил сделать перила для второй связки. Ведь на всю веревку будет трудно помогать Вите с подъемом. Забив четыре крюка и надежно закрепив веревку Саша выбрал с верхней страховкой Володю, который принес с собой конец веревки второй связки. Вдвоем они приняли Женю и Витю. Было видно, как тяжело давался подъем пострадавшему. Ребята полностью его разгрузили и всячески помогали, где только возможно, подтягивая и закрепляя веревку. Саша пошел дальше вверх и вдруг, пройдя всего пару метров, закричал:

- Кааамень!

Огромный камень весом около двух центнеров отошел от стены едва Саша прикоснулся к зацепке. Где силы взялись у щупленького Саши! Он прижал откол к стене, стоя на узенькой полочке, и не дал ему упасть на связку, находящуюся под ним. Саша огромным усилием воли удерживал камень до тех пор пока Женя с Витей не ушли от линии падения огромного «чемодана» и, только после этого отпустил страшный груз. Где-то далеко внизу многократное эхо донесло до восходителей грохот падавшего «подарка».

На вершину ребята вышли, когда последние лучи солнца уже скрывались за далекими гребнями ущелья Суарык. Из художников-монтанистов (от англ. слова mountain - гора), наверное, лучше всех великому Рериху удалось передать необыкновенную, но естественную

цветовую гамму гор. Волшебная картина раскинулась перед альпинистами. Черные силуэты гор подсвечивались ярким оранжевым сиянием. Вдали на фоне темного неба вспыхивали зарницы.

Поставили палатку и сразу же на примусе вскипятили снеговую воду. Чай заварили на чабреце. Перекусив и выпив ароматного чая, ребята уложили Витю в середину палатки, укутав потеплее. Каждый его вздох отдавался болью. Приятели старались всячески его отвлечь. Долго звучали всякие инструкторские рассказы, наполненные небылицами. Женя со знанием дела обещал стонущему Вите, что от выпитого чая с чабрецом, ему всю ночь будут сниться изящные, нагие девушки. Под рассказы, после оказавшегося неожиданно тяжелым и насыщенным эмоциями восхождения, ребята заснули. Утром проснулись поздно. Солнце успело пригреть вершину. Разобрали по рюкзакам нехитрый альпинистский скарб и не торопясь, всячески поддерживая Витю, пошли на спуск. Вниз к леднику Курмы вел несложный кулуар. Время приближалось к десяти часам поэтому снег, нагретый солнечными лучами раскис. Быстро промокли, обутые в профсоюзные отриконенные ботинки, ноги. Пройдя вниз по серпантину кулуара, ребята вышли на мелкую осыпь. Стало легче передвигаться. Едва заметным скольльзящим движением ног, ехали как на лыжах, быстро сбрасывая высоту. Далеко внизу показался ледник по которому двигались маленькие фигурки людей. Саша успел насчитать двенадцать человек.

Перед кулуаром люди остановились, увидев спускавшихся с вершины и о чем-то оживленно заговорили. Кто-то предложил быстрее выйти на перевал и разогреть чай для себя и спускающихся с вершины, другие возражали. Спор друзей прервал опытный Анатолий Чабанов.

- Надо всегда ждать, спускающихся с горы. Спустятся ребята и пойдем вместе. Смотрите, они почему-то идут очень медленно. Может быть им нужна наша помощь.

Аргументы подействовали и, сбросив рюкзаки, мужики удобно расположились, наблюдая за идущими по кулуару альпинистами. До встречи оставалось метров триста.

Вдруг тишину ущелья разорвал крик: «Камень!». Обычно, если альпинисты, видят летящий камень или сами случайно неосторожным движением сбрасывают его, предупреждают об этом командой «камень!». На практике эта команда произносится громко. В зависимости от размера камня, чем больше камень, тем громче звучит сообщение.

В нашем эпизоде голоса двенадцати мужиков слились в единый рев. Крик охватил все узкое пространство ущелья перед перевалом. Эхо многократно повторило это слово. Спускавшиеся с горы альпинисты, услышав предупреждение оглянулись, но ничего не увидели. Однако, реакция самосохранения сработала молниеносно. Володя Зайцев, шедший впереди, быстро побежал вниз, забирая вправо, а Женя с Сашей, поддерживая травмированного Витю, заскочили за большой скальный выступ. Спустя мгновение, по

зигзагообразному кулуару, со скоростью экспресса, мимо ребят пронеслась огромная лавина. Раздался необыкновенный грохот. В воздухе от сталкивающихся камней запахло серой. Лавина сорвала породу горы и вызвала селевой поток темно-желтой грязи, насыщенной огромным количеством камней. Волна страшной смеси несколько минут неслась мимо укрывшихся под скалой ребят. Лавинный конус на глазах уплотнялся и превращался в застывший бетон. Гора не хотела отпускать альпинистов. За одно восхождение три раза звонил «звонок» - так альпинисты называют мистические предупреждения об опасности.

Спустившись на ледник целыми и невредимыми восходители обнялись со своими друзьями, благодаря их за своевременное предупреждение.

На перевале ВЦСПС ребята встретили чету Аграновских, известных в альпинизме камчатских «снежных барсов». Узнав о происшедших событиях на Андырчах, Аграновские не очень лестно отозвались о горе. Восходители не согласились с авторитетным мнением ветеранов, понимая, что «звонки» они создали сами. Но все-таки поведение Горы представилось каким-то таинственным.

Мистика вершины Андырчи продолжилась. Через некоторое время после описываемых событий, с северных склонов гора сбросила очередной раз огромную лавину в Баксанское ущелье. Лавина срезала тысячи деревьев, разрушила сооружения. Погибли люди...

В недрах горы когда-то был прорыт туннель и построили в нем нейтринную обсерваторию для изучения прохождения частиц сквозь Землю. Может быть Гора наказывает людей за вмешательство человека в природу?

СОБАКА БЕЗ ТОЧКИ РУ И ДЕТИ

Связка Евгений и Владимир довольно быстро справились с прохождением стены, выйдя на вершину Вольная Испания. Солнце освещало близлежащие окрестности гор. Снег отражался изумрудными блесками. Восходителей заворожила необыкновенная картина. Близлежащие горы сказочно громоздились, вокруг складываясь в фантастическую панораму. Выделялись могущественная с отвесными стенами Ушба и огромный величественный, белоснежный Эльбрус. Поразительно то, что, несмотря на четырехтысячную высоту над уровнем моря, было тепло, почти не дул ветер. Около четырнадцати часов связка сменила записку в вершинном туре и после получасового любования открывшимися с вершины красотами, возникло желание начать спуск. Однако в маршрутном листе у них была записана ночевка на вершине. А так хотелось вниз. Подошло время связи. Обращаясь ко мне, они запросили.

-Луч, разрешите изменить условия, записанные в маршрутном листе. Мы хотим сейчас начать спуск по тройке.

-Спуск по тройке запрещаю, - последовал короткий ответ.

-Что же нам делать, погода хорошая, до темноты еще много времени.

-У вас есть два варианта. Первый - выполнить предписание начспаса и остаться ночевать на вершине, или второй, запасной - спускаться по маршруту четвертой категории сложности.

Ответ последовал незамедлительно.

-Мы готовы к спуску по четверке.

-Разрешаю. Только учтите это очень длинный спуск.

-Подтверждаем. Мы выбрали второй вариант и начинаем спуск по маршруту четвертой категории в сторону перевала Кашкаташ.

Этот путь я хорошо знал. В свое время его ходил. Впервые маршрут был пройден еще в далеком 1937 году и назван в честь борющейся за свободу Испании. Начинался он с перевала Кашкаташ. Альпинисты называли маршрут пилой. С одной стороны он похож на пилу своими многочисленными жандармами, но, возможно его назвали так, потому что нужно по нему долго «пилить». Очень уж продолговатый маршрут, но относительно безопасный. Троечный

маршрут, по которому я запретил ребятам спускаться, технически не сложный. Сам многократно по нему спускался, но и неоднократно на нем проводились спасательные работы. Альпинистов на этом маршруте после полудня подстерегали лавины, обильно сходявшие в мульду. Лавины сходили со склонов Вольной Испании и рядом стоящей вершины Бжедух. Поэтому спускаться можно в мульду только ранним утром, пока снег схвачен ночным морозцем.

Двойка долго «пилила» длиннющий гребень. В темноте ребята подошли к перевалу и только далеко за полночь уставшие и злые забрались в палатку. Общаясь между собой, ругали выпускающего: «Клестов, собака, без точки РУ, лучше бы по тройке спустились».

Утренний мороз довольно рано поднял альпинистов. Они, выглянув из палатки, были поражены состоянием троечного маршрута. Накануне восхождения мульда была чистой, а сейчас многочисленные свежие лавины забили все «корыто» как обычно это место называли спасатели. Только сейчас до восходителей дошло, что их подстерегало на спуске, если бы их не остановила жесткая команда. «А ведь мы могли на следующий год не стать на год старше» - мелькнула жутковатая мысль.

Прошли годы. Однажды, у меня в квартире раздался звонок. Открыв двери, я увидел незнакомых людей.

- Можно войти в Ваш дом? Вы меня помните? Вы меня когда-то выпускали на гору.

- Дом у меня всегда открыт для гостей и чая хватит на отшутился я, приглашая зайти. Но, извините, выпускал я на горы Вас не помню.

- Я Евгений. А это со мной мои сыновья, - и обращаясь к людям, отец вдруг сказал.

всех, - многих.

молодым а, если

всех, - многих.

молодым а, если

- Знакомьтесь, если бы не этот человек вас бы не было!

В альпинизме такое бывает, ослушались бы, могли быть спасработы, выполнить наказ выпускающего, порой и дети рождаются.

ЭКСПЕРИМЕНТ

Ночью на обычно огромном звездном небе ни одной звездочки. Зимняя непогода накрыла ущелья. Мелкие колючие снежинки непрерывно сыплются с небес. Тяжело вдыхать хоть и кристально чистый, но морозный воздух. Накрывшись капюшонами, поднимаемся по крутой морене вдоль ледника Кашкаташ (в переводе с балкарского языка кашха - лысый, голый, а таш - камень). Действительно вдоль пути возвышаются так называемые «бараньи лбы», камни, заглаженные многолетним движением ледника.

С каждой сотней метров подъема температура падает, но от интенсивного движения спина под рюкзаком влажная. Над отрядом спасателей в лучах налобных фонариков клубилось облако пара. Ребята торопились после сообщения о том, что на подходе к маршруту провалился в глубокую трещину один из участников армейской команды.

Странная какая-то была команда из шести спортсменов. Шли на сложное восхождение, как оказалось впоследствии, вразнобой, с большим разрывом по времени. Понятно, когда группа идет на подход к маршруту летом, по альпийским лугам среди цветов, по безопасной тропе такое допустимо. Каждый идет своим темпом. Зимой необходимо на сложном подходе работать коллективно. Нужно в глубоком снегу пробивать тропу, а по леднику передвигаться в связках с тщательной страховкой. Под снегом запрятаны многочисленные глубокие ледовые ловушки. Кроме того на этом леднике особенность, слева по ходу движения со склонов в любой момент может сойти лавина.

Когда пришло сообщение на спасательный пункт о случившемся, выпускающий он же руководитель команды, еще только собирался выйти из лагеря. Разрыв по времени, как впоследствии оказалось, между вышедшим на подход первым и последним участником оказался свыше пяти часов. Первый из команды, удачно минуя трещины ледопада, находился уже на плато, а выпускающий еще не думал выходить из лагеря. В трещине оказался вышедший вторым, а, шедший третьим обнаружил пострадавшего, находившегося в ледовом плену уже полтора часа. Однако ничем помочь своему товарищу не смог, потому что шел без веревки и рации. Переговорив с раненым, он побежал за спасателями. Подойдя к ледовой трещине и спустившись к пострадавшему, спасатели поняли, парень их не дождался из-за многочисленных травм...

Предстояла техническая работа по вытаскиванию из трещины и тяжелый изнуряющий труд по транспортировке. Можно было транспортировать акью волоком по гребню или спускать по снегу в кулуаре. Второй вариант полегче, но на лыжах ехать в узком кулуаре не удобно, а

ногами месить снег, проваливаясь по пояс, тяжело. Зимний день короткий, вот-вот стемнеет и тут Володя Добренко, один из спасателей, предлагает:

- Давайте сложим лишнее снаряжение в акью к пострадавшему, я сяду сверху и как на санках, притормаживая, съеду до лесной зоны. Остальные налегке спустятся рядом по гребню.

Такое предложение мне показалась заманчивым. Леня было тащить и по гребню и по глубокому снегу. Может быть действительно попробовать верхом на акье, никто таким образом не транспортировал, - подумал я. Так будет и легче, и быстрее и, дал добро на эксперимент.

Лишние веревки, ледорубы засовываем под страховочные ремни акьи, автор идеи, Володя, усаживается верхом на нее и стартует. Спасатели параллельно по гребню трусцой побежали вниз. Эксперимент продолжался минут десять. Вдруг из кулуара раздается крик. Так кричат, если очень больно. Несусь сквозь кустарник через глубокий снег к остановившейся акье. Володя рядом с акьей лежит и корчится от боли.

- Что с тобой?

- Резко тормознул перед выступавшим из снега камнем ледоруба вонзился в ягодицу.

Эксперимент пришлось прекратить. Леня не всегда является прогресса.

и штычок двигателем

и штычок двигателем

ГЛИССЕР

Отряд альпинистов заканчивал свою программу в красивейшем Накринском ущелье. В переводе со сванского языка *нак* - равнина, а вершина возвышающаяся над ущельем Накратау, называется не острая, как бы срезанная вершина. Это же название Накра имеет селение, речка и ледник. Почти две недели тридцать человек, выполняя намеченную программу, жили в палатках, ходили на восхождения. Вокруг стояли скально-снежные заборы, над которыми возвышались вершины.

Единственной ниточкой, связывающей альпинистов с внешним миром и цивилизацией, оставалась радиосвязь с базовым лагерем. Только три раза в сутки можно было связаться и передать или получить какую-либо информацию.

А в нескольких ходовых часах от расположения отряда за перевалом Донгузорун бурно кипела другая жизнь. Крутились канатные дороги, работали кафе, громко играла музыка, приезжали на автобусах туристы. Шашлыки, пиво и прочий алкоголь наполнял желудки экскурсантов.

Альпинисты, расположившиеся на площадках над перевалом Квиш, ходили на горы, пили чай и заедали консервами. Но вот планы выполнены, и пора возвращаться домой. По связи договорились о том, что за отрядом к определенному времени на Чететскую поляну придет автобус. Пока участники собирали палатки, командир отряда Виктор Козьявкин предложил инструкторам навесить перила с перевала. Спуск по снегу предстоял крутой. Под перевалом, в трех веревках ниже, снежный склон разрывался огромным бергшрудом.

Козьявкин поручил инструктору Володе Зайцеву, используя перила, с отрядом спуститься, а затем следовать по тропе под перевал Донгузорун. Командиры отделений Борис Грайцев и Виталий задержались, чтобы снять перила. С ними остался и командир отряда для организации страховки. Чтобы ускорить процесс спуска, профессионалы, подумав, предложили самому молодому Виталию спускаться последнему с нижней страховкой. Виктор и Борис должны принимать последнего, при этом выбирать тяжелую намокшую веревку.

Виталий, в кошках (на перевале лежал фирн), аккуратно лицом к склону с самостраховкой через ледоруб начал спуск. Ниже, перед бергшрудом снег раскис и Виталий, развернувшись спиной к склону, вбивая пятки, продолжал спуск. Снег прилипал и забивал кошки. Многократно ему приходилось останавливаться и чистить кошки. Стоящим внизу и выбирающим веревку показалось, что он спускается слишком медленно. Хотелось скорей окунуться в цивилизацию. Особенно нервничал Борис, любивший выпить не только чай.

-Что ты там чикаешься? Глиссируй! - Закричал Борис.

-Как глиссировать, ведь я же в кошках и ниже снежный мост через бергшруд?

-Ничего страшного, глиссируй. Прошли по мосту тридцать человек, ты, легкий, он тебя выдержит.- Поддержал его Козьявкин.

-Ладно, попробую, только быстрее выбирайте веревку.

Виталий на забитых снегом кошках заложил глиссер. Ему самому захотелось быстрее очутиться рядом с друзьями. На большой скорости он понесся вниз, почти проехал мост, но,

не хватило какого-то мгновения. Снег под ногами чуть слышно, как бы вздохнул, и... провалился под Виталием. Пролетел он метров десять, приземлившись на снежную пробку, забившую трещину. Ниже трещина расширялась. Дно не просматривалось. Видимо, не успев испугаться, вспомнив соревновательные навыки, Виталий на передних зубьях кошек с помощью ледоруба, в считанные секунды выскочил на поверхность. Перед ним стояли бледные и напуганные его друзья. На их глазах рухнул вместе с Виталием огромный снежный мост. Они уже представили последствия. Молча, выбрали, смакировали веревки. Борис загрузил все три сороковки, мокрые, тяжеленные в свой рюкзак и альпинисты двинулись догонять отряд, договорившись никому ничего не рассказывать. Так, молча, прошли минут пятнадцать и тут Борис жалобным голосом произносит.

- Мужики, можно мне побыстрее перейти через перевал. Я в автобусе вас подожду.

Понимая, как пересохли его трубы, и как его мучила жажда после пережитого, друзья его отпустили.

Когда отряд садился в автобус, Борис уже мертвецким сном спал в салоне.

ДУША

Между спасателями и, обосновавшимся в Приэльбрусье международным альпинистским лагерем (МАЛ) , не всегда складывались нормальные отношения. Иностранцы ходили в горы по своим правилам, часто не согласовывая свои выходы на маршруты с Контрольно-спасательным пунктом. Такое положение приводило к тому, что на одном и том же, порой камнеопасном маршруте, оказывалось по две группы. Возникали аварийные ситуации. Этого можно было бы избежать, но руководство МАЛа порой из-за своих меркантильных интересов пренебрегало безопасностью.

Однажды к спасателям приходят двое венгров и с волнением рассказывают, что их соотечественники пару дней тому назад ушли на гору и не вернулись. С трудом выяснили, что те планировали взойти на вершину Джантуган. В журнале регистраций их не было. Руководство МАЛа ничего о выходе не знало. Где искать? По какому маршруту? Вызываем из Нальчика для поиска вертолет.

Прилетел экипаж Алексея Севостьянова. Лешу Севастьянова спасатели давно зачислили в свои ряды. Ведь, когда Леша за штурвалом, становится возможным подойти к пострадавшим близко и в минимальные сроки. Ювелирная работа командира вертолета поражала воображение. После короткого совещания и сбора вертолет взял курс к вершине Джантуган.

Это одна из самых красивых вершин в ущелье Адылсу. Величественная пирамида, без девяти метров четырехтысячник. Всегда с большим воодушевлением совершал восхождения по различным маршрутам на вершину Джантуган.

Жан по-балкарски означает душа, *тууган* - родиться, а *баши* - верх, вершина, то есть, гора, где родилась душа. Название вершины связано с легендой.

По старинному кавказскому обычаю можно выбрать невесту, если брошенная в девушку папаха не собьет ее с ног. Юноша, заметив девушку из соседнего селения, швырнул в нее каракулевой папачой, та устояла. Всадник тут же подхватил девушку на лошадь, украл ее и, увез в тупик глухого ущелья Адылсу, где сейчас расположен бивуак альпинистов с экзотическим названием «зеленная гостиница». Об этом он не сообщил ни своим родителям, ни родителям девушки. Долго в безутешном горе родители и их родственники икали пропавших детей. Лишь спустя год односельчане, охотясь за турами, случайно увидели жильё под горой и молодых. Родственники девушки решили убить юношу за поруганную девичью честь. Но в сакле, кроме молодых, оказался их новорожденный ребёнок. Совет старейшин постановил, что нельзя убивать парня, потому что родившаяся душа, т. е. ребёнок, пропадет без отца. С тех пор гора, под которой родилась новая душа, стала называться Джантуганбаши.

Облетели один раз вершину. С воздуха заметили нашу группу спасателей, идущих на поиски по классическому маршруту 3Б категории сложности. Только на втором заходе увидели двух человек, сидевших на небольшой скальной полочке. Эта полка находилась в стороне от классифицированных маршрутов. Они сидели между двумя тройками «б» проходящими одна по северной стене, а вторая классическая, по северо-западному гребню. Как попали в тупиковую ситуацию люди сложно представить. Над ними возвышалась непроходимая стена. Севостьянов разворачивает машину и подлетает поближе к стене. «Приземлиться» чтобы посадить спасателей негде, но Леша сказал как всегда в почти безвыходной ситуации одно слово: «попробую». И подлетел почти вплотную к стене. Винты находились приблизительно в двух метрах от склона. Одно колесо слегка коснулось полки. Механик открывает дверь и спасатели выпрыгивают на эту небольшую полочку. Машина тут же отлетает в сторону «зеленой гостиницы». До пострадавших нужно пройти траверсом всего двадцать метров. Навесили перила и вот уже, с замершими венгерскими альпинистами, спасатели снова на той же полочке. Фантастика, снова подлетел к стене огромный Ми-8 и забрал спасателей и спасенных. Спустя несколько минут Леша опять виртуозно приземлил вертолет на крошечной площадке дороги возле моста через речку Адылсу, рядом с альпинистским лагерем «Эльбрус». И еще пилот извинился, сказав, что если бы не было проводов, можно и возле КСП сесть.

На этих спасработках не обошлось и без печали. Третий из венгров, сидевших на «холодной ночевке», увидев приближающихся снизу спасателей, отстегнулся от самостраховки и решил идти им навстречу. Закончилась попытка летально. Обессиленный, после двух холодных ночевок, он сорвался на крутом снежном склоне и, к ногам спасателей прилетело уже бездыханное тело...

Спасенные на «Горе души» ребята, после вкусного обеда, ожили. Разговорились. Благодарили спасателей за душевное отношение к ним, нарушителям «закона гор».

КОНЕЦ ВЕРЕВКИ

Заканчивался второй день ледовых занятий на леднике Джан-куат-чиран (в переводе с балкарского языка *джан*-край, *куат*-мощь, *чиран*-ледник, т.е. мощный крайний ледник). Действительно этот огромный по площади ледник в конце ущелья Адылсу. Яркое солнце освещало огромное поле из льда, изрезанного многочисленными трещинами. Хотя высота на месте занятий была около трех тысяч метров и должно быть прохладно, но лето чувствовалось и здесь. Небольшие ручейки, характерно звеня, струились, то огибая ледовые выступы, то ниспадая в поперечные трещины, где-то в глубине ледника объединяясь в подледный поток. А поток затем, вырываясь из ледовых объятий, превращался в красивую горную речку Адылсу (*адыл* - красивый, а *су* - вода, красивая река по балкарски).

Разрядники с инструкторами отрабатывали приемы подъема и извлечения пострадавшего из трещин. Благо ледник летом открытый и трещин различных конфигураций пересекающих его множество. Анатолий Солнцев, командир альпинистского отряда, провел необходимую пятнадцатиминутную вводную беседу по методам вытаскивания человека, попавшего в трещину, напомнив инструкторам, что занятия нужно закончить к часу дня, дабы к обеду возвратиться в альплагерь.

Отделения разбрелись по леднику, каждое выбрав себе «подходящую» для занятий трещину. Периодически Солнцев с накинутой на обнаженный торс пуховкой и в необычных кожаных шортах появлялся то возле одного отделения, то возле другого. Он делал существенные замечания, предлагал новые вводные для тренировки и уходил к следующему отделению. Иногда он отдыхал, принимая солнечные ванны на морене, и наблюдая издали за упражнениями отделений. Как договаривались, к часу дня занятия

закончились. Выполняя приказ командира, отделения альпинистов во главе с инструкторами, разобрав по рюкзакам снаряжение, отправились в

альплагерь,

А на леднике события развивались стремительно...

Анатолий, отдыхая за большим камнем, задремал. Солнышко тем временем ушло за гребень и почувствовав прохладу, Солнцев проснулся. Сбросив с себя дремоту, он оглядел на ледник. Не обнаружив своего отряда,

приподнялся, взглянув на часы и, не спеша побрел по леднику в сторону бивуака «зеленная гостиница». Проходя по снежному мосту через небольшую трещину, Анатолий услышал под ногами глухой звук, напоминавший тяжелый вздох и, в тоже мгновение провалился. Повезло. Трещина оказалась не расширяющейся к низу и не очень глубокой. Однако, Вертикальные скользкие ледовые стены окружали его. Самостоятельно выбраться из трещины не имея

крючьев и ледового инструмента без посторонней помощи даже такому мастеру альпинизма, каким был командир отряда, невозможно. Сидеть в ледовом плену, откровенно говоря, не уютно, тем более одежда командира годилась лишь для прогулки. Усугублялось положение, тем, что по ледяным стенкам струится вода...

И вдруг слышались на леднике, вблизи от трещины, голоса.

Как можно громче Солнцев закричал.

-Помогите!!!

Через минуту над трещиной наклонилось несколько голов с удивленными глазами.

-Как вы сюда попали?

-Как любой, шел и провалился. У вас есть веревка?

-Есть!

-Так сбросьте мне конец!

Тут же в трещину полетела веревка.

В следующее мгновение из глубины трещины слышались фразы невозможные для описания и снова вопрос.

-Еще веревка есть?

-Есть. - Отозвались туристы.

-Ну, так сбросьте мне конец, чтобы я мог вылезти.

И как в первый раз к Солнцеву полетела уже маркированная бухта веревки. Из трещины слышался невообразимый мат.

- Неужели не понимаете, что для того чтобы я вылез отсюда нужно наверху закрепить веревку. Закрепите конец веревки у себя и сбросьте мне второй конец! Поняли! - прозвучала очередная команда из трещины.

- Понять, то поняли, но больше веревок у нас нет. Все, что было у нас, мы вам скинули.

Поняв свое безвыходное положение, пострадавший уже умоляющим голосом произнес.

- Ребята, ради Бога, бегите к спасателям и сообщите, что Солнцев в трещине. И, прошу вас, побыстрее.

Спасатели, прибыв на место, помогли околевшему командиру выбраться на поверхность ледника. Световой день закончился, вот-вот наступят сумерки, похолодало, замерли ручьи. В сопровождении спасателей Солнцев, приняв внутрь для профилактики полстакана спирта, пошатываясь, шагал вниз по тропе в альпинистский лагерь.

КРЫМСКИЕ МОТИВЫ ИЛИ АРЕНАЯ КУРОЧКА

Тренировки в Крыму в межсезонье замечательное занятие не только для любителей полазить по теплым скалам, но отличная профессиональная подготовка спасателей. Рядом сложные скалы и Черное море. Пройдя с километр скальных вертикалей, можно нырнуть во все еще теплую, ласковую воду. Легкая морская вода быстро снимала тяжесть с рук и ног. После тренировки, на уютном бивуаке за чаем обсуждались планы будущих восхождений.

Виталий с Валентином, кстати, профессором мехмата, обойдя окрестности прибрежных скал, обнаружили новый интересный маршрут, который образовался из-за колоссального обвала горных пород. Навскидку по протяженности и сложности маршрут тянул на самую высокую категорию трудности. Двойка тщательно подобрала снаряжение, продумала тактику прохождения маршрута и рано утром решила стартовать. Виталий проснулся задолго до намеченного времени, вскипятил чай и тут из палатки выглянул Валентин.

- Виталий, у меня изменились планы, мы с Шурочкой (а Шурочка была его аспиранткой) решили сегодня для тренировки пройти ближайший маршрут второй категории. Ты уж извини.

- Раз решили, так идите. С сожалением ответил Виталий, чтобы остудить огорчение, несмотря на утреннюю прохладу, побежал купаться в море.

Пригрело солнышко. Жители бивуака вылезли из палаток, чтобы погреться на еще теплом осеннем солнце.

Около десяти утра к палатке подбежала Ася Клокова, одна из сильнейших альпинисток и скалолазов Украины.

-Виталий, авария, сорвался Валентин. Виталик Форостян и Алик Ласкавый подошли к пострадавшему и начали оказывать ему помощь, но Валька требует тебя.

Маршрут прохожу в свободном стиле, благо там полно хороших зацепок, и добираюсь до пострадавшего. Валентин лежит на полке под «бесстыдницей». Так называли дерево, от природы лишенное коры. Оказывается, это экзотическое дерево помогло Валентину избежать более серьезных последствий, приняв падающего на свою крону. А срыв случился из-за того что скалолаз сильно нагрузил зацепку. Эту зацепку все знали. Ее так и называли почему-то «трамвайной ручкой» - удобная для захвата, заполированная от многочисленных прикосновений и, шатающаяся в своем скальном гнезде. Скалолазы аккуратно ее нагружали и мягко проходили этот участок, а Валентин видимо сильно грузонул и зацепка вырвалась... Щурочка растерянная стояла рядом.

-Виталий, прошу тебя, собери все мое снаряжение - веревку, карабины, крючья, а то во время моего спуска может все это потеряться. - Произнес шепотом Валентин.

Понятно, чего только не пожелает человек, находящийся в шоке после срыва и полученных травм. У Валентина на спине был ободран почти весь кожный покров.

В больнице Валентин пролежал дней десять. Как раз заканчивался срок сбора, и нужно было отвезти его домой. Договорившись с шофером скорой помощи о доставке парня на вокзал, друзья зашли в больницу, чтобы его выписать и тут произошел инцидент, запомнившийся надолго. К спине Валентина из-за выделявшейся сукровицы прилипла простынь. При выписке медицинская сестра объявила, что простынь казенная и ее нужно сдать. Виталий вмешался, не дав свершиться варварству.

-Сейчас подойду к руководству больницы, договорюсь, простынь, только не причиняйте боль моему другу.

Однако не успел Виталий пройти коридор, как услышал крик в палате. Валентин весь окровавленный лежал на животе и громко стонал от боли. «Сестра милосердия» содрала с

мясом простынь и быстро ретировалась. Ей повезло, что ребята не смогли этого, так называемого медицинского работника, найти.

заплачу за

заплачу за

Проблема возникла занести пострадавшего в вагон. Пришлось вскрывать почему-то всегда задраенные окна и через окно занесли носилки. Когда до отхода поезда осталось около двадцати минут, Валентин подозвал свою аспирантку и попросил ее купить какой-нибудь еды на дорогу, выдав ей свой кошелек. Шурочка бегом бросилась выполнять волю больного шефа.

Спасатели-альпинисты заняли полвагона, а так как не всем достались билеты многие девочки съездившись, попрятались на верхних полках для багажа, остальное пространство занимали рюкзаки. Проводница, заподозрив неладное с перенаселением, пыталась зайти в купе с проверкой. Однако прорваться сквозь гору рюкзаков и пересчитать пассажиров, не смогла. Махнув рукой, удалилась. В это время поезд начал тихо набирать скорость, удаляясь от станции.

А где Шурочка? Сначала предположили, что опаздывая, она заскочила в соседний вагон и вот-вот появится. Увы! Прошло полчаса, час, а ее нет. После десяти часов пути в два часа ночи, на одной из крупных остановок, когда большинство пассажиров уже спали, у входной двери вагона раздался шум, сопровождавшийся не совсем цензурными выражениями. Народ стал просыпаться, а когда поезд тронулся, в купе ворвалась возбужденная, распатланная аспирантка. Она выглядела, мягко говоря не очень

привлекательно. Бросившись к Валентину, произнесла:

- Валентин Михайлович, я принесла Вам жареную курочку. Покушайте, пожалуйста.

- Шура, откуда ты появилась, и на фига, сейчас мне эта курочка?

- Вы же голодный, поэтому я на самолете Вас догоняла!

Галя Синицына, лежавшая на третьей полке, толи в шутку, толи всерьез произнесла:

- Баба Яга на метле прилетела.

- Шура, покажи кошелек - потребовал Валентин.

Шура открыла кошелек шефа. Там было пусто.

Народонаселение вагона до рассвета заснуть уже не смогло, подсчитывая стоимость жареной курочки. Что только не придумает аспирантка мехмата для того чтобы пострадавший шеф был накормлен?

Прошли годы. В связке с Валентином мы сходили еще немало красивых вершин, а аспирантка Шуручка стала кандидатом физико-математических наук.

НЕЗАПЛАНИРОВАННЫЕ СПУСКИ

После подъема на вершину по маршруту высшей категории трудности, предстоял не менее сложный спуск. Связка Володя и Юра понимали, что расслабляться нельзя. Однако, вершина мечты сделана и где-то в далеких закоулках души появилась приторная уверенность в себе. Опыт восхождений на многие вершины подсказывал, что нужно сосредоточиться до спуска на «землю». Тем не менее, сладость победы убаюкивала - «мы же побывали на вершине!». Со страховкой через выступы связка подошла к крутому сбросу. Предстояло заложить дюльфера. Володя, забив крючья, стал на самостраховку и застраховал напарника. Юра внимательно осмотрел путь спуска, и начал обследовать выступ, на который можно одеть петлю. Затем он собрался отрезать конец основной веревки, и тут его взгляд наткнулся на белую, четырнадцатимиллиметровую петлю на этом выступе.

- Володя, здесь классная спусковая петля. Может быть, сбережем нашу основную веревку, пока не будем ее резать на петли, ведь еще предстоит не один дюльфер.

- Хорошо, только проверь, не перетерта ли петля.

Придирчиво оглядев петлю и даже немного нагрузив, Юра, соединил карабином спусковую веревку с петлей и аккуратно ее сбросил, а затем приготовился дюльферять. Далеко внизу просматривался крутой снежный склон. К нему нужно сделать еще дюльферов девять - десять. Привычно зацепив «восьмерку» на спусковую веревку Юра, нагрузил ее и, в это же мгновение петля лопнула... Верхняя страховка не успела нагрузиться. Каким-то необыкновенным движением Юра успел левой рукой, ухватиться за зацепку. Усилив воли, подтянувшись на одной руке, он выбрался снова на полку. Володя, видевший всю картину срыва, побледнел от испуга.

- Вот, Володя, и сэкономили веревочку..., - горько пошутил Юра. Остальные десять спусков связка прошла очень аккуратно.

Спустившись на снег, друзья немного расслабившись, развязались и параллельно, лицом к склону в три такта пошли вниз, предчувствуя скорое возвращение домой. Фирн вначале был довольно жестким. «Кошки» держали великолепно. По мере спуска снег становился мягче и «кошки» больше забивались. Приходилось чаще выбивать ледорубом снег. Глубоко внизу зиял огромный, похожий на акулю открытую пасть, бергшруд. У Юры мелькнула бешеная мысль: «как бы не попасть в эту пасть». В тот же момент заскользили, забитые снегом «кошки». Упав, Юра с усилием давил на клюв ледоруба, пытаясь задержаться. Но, легко, словно горячий нож по маслу, ледоруб прорезал мягкий снег нигде не задерживаясь. Проскользнув метров сорок, Юра почувствовал, как ледоруб зацепился за что-то твердое и мгновенно вскочил на ноги. Этим «что-то» оказался ледовый борт желоба, по которому в ненасытную пасть бергшрунда неслись с горы камни, обломки льда. Туда же мог улететь Юра. Аккуратно, опираясь на ледоруб, он отошел на другой край снежного склона и, выйдя на скалы, стал ждать партнера. Володя, подойдя и отдышавшись, удивленно спросил:

-Как это ты смог настолько меня обогнать, ведь мы шли параллельно, а я даже шел несколько впереди тебя?

-Володя, вообще-то я порхнул и только жесткий борт желоба помог мне остановиться.

-!!!

Ребята ушли на скалы, и далее, с тщательной страховкой, спустились к тропе, идущей вдоль горной речки. Земля!

ПЯТАЯ ТОЧКА

Спускаясь с вершины имени выдающегося грузинского режиссера Марджанишвили К.А., альпинисты вышли на ледник. Ледник плавно вышоложивался и переходил в морену. Кончились трещины. Погода

великолепная, падать было некуда, и поэтому ребята, развязавшись и сняв, кошки, торопились в альплагерь, предвкушая теплый душ и вкусный обед. Лед, с небольшими вкраплениями камушков, напоминал терку, и казалось, от этого устойчивей идти под рюкзаком. Уклон был небольшим и на несколько проскальзываний никто не обратил внимание. Спускаясь, ребята мечтали о следующих восхождениях.

Неожиданно взмахнув руками, словно птица, девушка лет двадцати пяти поскользнулась и поехала на «пятой точке». Инструктор побежал за ней и метров через десять, схватив девушку за ворот, остановил скольжение. Когда через несколько минут отделение подошло, девушка подняться не могла. Из-под брюк появилась кровь и она тихо стонала, жалуясь на боль. Альпинисты быстро соорудили носилки из ледорубов и репшнуров, а затем, положив потерпевшую на живот, понесли в альплагерь. Девушка была среднего роста, плотненькая, и очень симпатичная. Нести ее было тяжело, однако ребята резво донесли ее до медпункта альплагеря. Медицинским кабинетом командовал Хето Мусолиани - талантливый хирург, он же врач сборной Грузии по альпинизму. Любой альпинист всегда мог рассчитывать на его помощь, и он от души всем помогал.

Хето в медкабинете долго колдовал над пострадавшей, а когда вышел, его поджидали участники и инструктора альплагеря.

- Хето, как дела у больной, что с ней, какая травма?

Медленно сняв хирургические перчатки, Хето тихо, но внятно произнес, сопровождая речь характерными для свана жестами.

- Как дэла, как дэла. Такой хороший дэвушка, с такой жоп бил. - Он взмахнул руками сантиметров на шестьдесят, и с сожалением закончил - половин остался!

СТРЕСС

Зима. Великолепная морозная солнечная погода. Ко мне заходят два спасателя Володя и Юра и просят выпустить на ледовый маршрут горы, которая, если выйти на балкон спасательного пункта, почти вся

просматривается на фоне неба. Этих ребят знаю хорошо уже много лет - целеустремленные, тренированные, надежные. Свою высокую альпинистскую квалификацию ребята многократно подтверждали. Мы вместе тренировались и проходили стены высших категорий трудности. Кроме того, среди спасателей всегда поощрялось желание к совершенствованию мастерства. Поэтому без колебаний предложил:

- Оформляйте маршрутный лист.

- А можно с нами пойдет Лина? - попросил вдруг Володя.

- Кто? Барышня? Зимой, да еще на ледовый маршрут. Прогуливайтесь с барышней, где хотите, а на ледовый маршрут зимой ее не выпущу. Зимой нужно ходить быстро и ваша

двойка с таким темпом справится. Тройка, да еще с дамой это приключение, которого мне не надо.

-Но она кандидат в мастера спорта - робко попытался настоять Володя.

-Нет, никуда она не пойдет, понятно?

-Ясно.

Через некоторое время Володя принес мне маршрутный лист. Переговорив в деталях о маршруте, подписал выпуск. Контрольный срок, оговорив радиосвязь, варианты спуска, у ребят принял Виталий Волынский -

инструктор КСП.

Утром следующего дня установил на балконе подзорную трубу и периодически просматривал маршрут. После второй связи на маршруте увидел две точки. Прикинул, что идут в графике и занялся другими делами. Через пару часов подходит ко мне дежурный инструктор и говорит, что, поглядев в трубу, он увидел на маршруте трех человек.

-Не может быть. Тебе показалось. - Ответил я, но на всякий случай глянул в трубу.

В окуляре просматривалась сначала одна движущаяся точка, а через некоторое время появилась и вторая. Понятно, подумал я, дежурному показалось. Оставалась сегодня еще связь с группой в шестнадцать и в двадцать часов. По моим предположениям двойка эти связи должна провести уже внизу, с бивуака «турьи озера».

Но ... Эфир молчал. Последней штатной связи так же не было. Наступила ночь. Каждые полчаса вызываем по радио группу, но ответа нет. Собираем с Виталием Волынским тревожные рюкзаки и решаем ночью выйти на поиски группы. Неприятный червячок гложет душу. Подбираем снаряжение для прохождения ледового маршрута и в три часа ночи выходим. От стремительного подъема, несмотря на мороз, стало жарко. Показалось даже, что потеплело. Хотя, глянув на градусник перед выходом увидел, что перевалило за двадцать. Возле «большого камня» повернули налево и начали подъем по еще более крутому склону. Светает. Четко на снегу видна цепочка следов, ведущих вверх. Идем след в след, прислушиваясь к постоянно включенной рации. В эфире слышен только треск. С каждым шагом наверх тревога нарастает. «Где же могут быть ребята?» - сверлит мысль. «Ничего не должно произойти» - отвечает внутренний голос. И вдруг снежные ступени, плотные от утреннего мороза исчезают,

переметенные языком свежей лавины.. Остановились как вкопанные. Следов больше не было. Впереди просматривалась сплошная снежная масса. Нехорошие мысли пронзили сознание.

-Мужиков накрыло. Это конец! - слова, произносит Виталий.

Что такое лавина мы с Виталием знали не понаслышке. Сами по несколько раз ощущали ее страшную силу, но судьба была милостива. Почему-то промелькнули в памяти кадры со склонов Эльбруса. Полет в огромной массе снега, подхватившей меня как пушинку, и бросившей глубоко вниз.

Медленно, с паузой после каждого

Медленно, с паузой после каждого

Произошло это недалеко от станции «Мир». Странное ощущение

беспомощности, хотя в полете все-таки делал плавательные движения. Полет в лавине длился мгновения. Только подумал, когда выбирался наверх, «лишь бы никто не видел меня в лавине - люди бы испугались». Потом, правда, минут десять трясло. А Волынского однажды на Ушбинском ледопаде лавина утрамбовала с рюкзаком за плечами, оставив на поверхности лишь голову. Откопали партнеры по восхождению. К сожалению, в большинстве случаев «белая смерть» чаще не прощает людей.

-Нет, Виталий, давай подойдем к маршруту и посмотрим там. Ведь мы видели их на маршруте, а следов спуска нет!

Пробивая ступени в жестком лавинном выносе, через четверть часа подходим к выполаживанию. Через несколько минут должен открыться бивуак «туры озера», на котором обычно ночуют альпинисты перед восхождениями.

Еще делаем несколько шагов и утреннюю тишину гор разрывает сиплый голос Виталия, вспомнивший всех матерей альпинистов, собиравших палатку в двадцати метрах от нас. Кроме Володи и Юры передо мной стояла, опустив голову Лина.

-Почему не выходили на связь? - чтобы что-то сказать, строго спрашиваю я.

А внутри сердце разрывается от радости и счастья, что ребята живы.

- Вот посмотри, батарейки от мороза сели, - открывая радиостанцию, Володя, показывает раскисшие батарейки. - Спустились мы поздно и, увидев сошедшую лавину, решили не рисковать.

Слушая объяснение Володи, обращаю внимание на лицо Лины - на нем в пол-лица синяк. Перехватив мой взгляд, Лина едва слышно объяснила:

- Это жумаром попало на маршруте во время перестежки, возле ледобура.

- ???

Мы с Волынским больше вопросов не задавали. По радио сообщил на базу, что все в порядке.

Разобравшись с деталями восхождения, выдав порцию гнева, несмотря на явное нарушение правил, на радостях, что все закончилось благополучно, засчитал ребятам восхождение. Через определенный срок после этого восхождения у Володи и Лины родилась доченька Поля. Она уже взрослая, но до сих пор подшучиваем при встрече, что Володя любовь свою проявил, побив на горе Лину. У спасателей так иногда от стресса появляются прекрасные детки.

ЭПИЗОДЫ

Иногда во время многочасовых подходов к месту аварии прокручиваю в голове всякие эпизоды. Так легче идти, меньше устаешь.

Вспоминается, когда по леднику Кашкаташ после восхождения спускалась двойка Игорь Платонович Леонтьев и Павел Самойлович Зак, известные мастера альпинизма. Во время передвижения у Павла Самойловича слетели и разбились очки. Он носил очки с толстыми линзами. Всегда на аварийный случай в рюкзаке у него были припрятаны запасные очки, но в этот раз, так случилось, не взял. Смеркалось. Из-за близорукости Павел в сумерках стал плохо различать рельеф. Он попросил Игоря, идущего первым в связке, подсказывать ему о ширине трещин, встречающихся у них на пути. Это нужно было для того чтобы рассчитать длину прыжка через трещину.

Тут необходима ремарка. Дело было летом. Хотя ледник был открытым, восходители шли в связке, соблюдая правила безопасности. Интересно также, что Павел Самойлович работал уполномоченным по альпинизму Спорткомитета страны и поэтому обладал неограниченной властью в вверенном ему районе. Уполномоченный имел право контроля по выполнению правил альпинизма, имел право приостанавливать действия приказов любых альпинистских

мероприятий, мог отстранять от должностей инструкторов любого ранга, если считал, что они работают с нарушениями и даже приостанавливать работу альплагерей. В инструкторских кругах Зака не любили за вьедливость. А кто любит контролеров? Игорь всегда защищал

инструкторов от нападков приятеля, иногда подтрунивал над Павлом. И тут, когда все сложное осталось позади, он решил пошутить. Пройдя небольшой отрезок ледника, Игорь кричит Павлу:

- Пал Самойлович, трещина два метра, прыгайте, страховка готова! Павел разгоняется и прыгает. Эту процедуру с уполномоченным он провел разов двадцать. Напрыгался «упал намоченный», как его называли

инструктора, по полной программе.

Вечером в альплагере «Эльбрус» инструктора прорабатывали планы занятий на следующий день. Павел Самойлович решил послушать, как готовится учебный процесс. В планах предусматривались занятия на леднике Кашкаташ, по которому накануне прошла связка. Уполномоченный вмешивается в обсуждение планов и запрещает выходы, в связи

многочисленными разрывами ледника. Его пытаются убедить, что там

безопасно для занятий, но он, ни в какую не соглашается. Приказал инструкторам провести занятия в другом месте, но вкралось сомнение.

С рассветом, чтобы развеять возникшие сомнения он, надев запасные очки, вышел на ледник. Конечно, Павел Самойлович не обнаружил большого количества трещин. Неделю со своей связкой он не разговаривал. Обиделся. Павел и Игорь впоследствии в связке сходили еще не один маршрут, и дружба их продолжалась многие годы.

Между сложными работами у спасателей случались и забавные эпизоды. Например, связанный эпизод с тем же уполномоченным. Однажды П.С.Зак, назначив совещание со спасателями Приэльбрусья на вторую половину дня, попросил Игоря Леонтьева отвезти его на мотоцикле в районный центр Тырнауз. Друзья решили там попариться в бане, привести себя в порядок в парикмахерской, а Ада, жена Игоря, собиралась прикупить продукты, чтобы приготовить спасателям что-нибудь вкусненькое.

Помытые, постриженные и выбритые друзья возвращались в ущелье. Павел Самойлович, надев белоснежную рубашку, сел на почетное место в коляску мотоцикла, прикрывшись от пыли защитным брезентом. Ада уселась на заднем сиденье за мужем, а Игорь уверенно рулил. Выехав из города, на крутом подъеме наездникам встретилось большое стадо коров. Игорь попытался съехать на обочину, чтобы стадо пропустить, настойчивой просьбой обратился Павел Самойлович.

-Игорек, очень прошу, как-нибудь езжай между коровами. Мы опаздываем на совещание. Я же не могу опаздывать.

но тут с

-Павел Самойлович, немного задержимся, ничего страшного. Вы ведь ничего нового спасателям не скажете, кроме того, что они должны спасать. Пытался отшутиться Игорь.

-Игорек, все-таки попробуй проехать. Еще настойчивей попросил уполномоченный, не обращая на его шутку внимание.

-Это чревато, но ради Вас, попробую.

И начал сложные маневры между коровами. Все шло удачно, пока одна корова не перегадила дорогу, а другая сзади не развернулась. С боков тоже двигались коровы. Мотоцикл попал в ловушку. Корова, стоящая за мотоциклом прямо над коляской с уполномоченным вдруг напряглась и резко опорожнила свой желудок. Да так виртуозно, что все содержимое желудка попало на голову самого главного альпинистского начальника Эльбрусского района. Игорь тут же съехал с дороги на берег речки Баксан, и с Адой, как могли, начали отмывать Павла Самойловича. Кое-как отмыли, но белая рубашка перекрасилась в соответствующий цвет. Дальше поехали молча. При подъезде к спасательной службе Павел Самойлович попросил.

-Игорек, ты ж никому не говори, что уполномоченного обделала корова.

-Да Вы что, Павел Самойлович, разве такое можно спасателям рассказать.

Пока Зак переодевался уже все знали, что всемогущего начальника не пощадила корова. Когда уполномоченный зашел в методический кабинет, ожидавшие его начальники спасательных отрядов и начальники учебных частей альпинистских лагерей, кто, чем мог, прикрыл носы. А один из присутствующих шепотом в полной тишине произнес.

-Что-то дерьмом запахло.

Совещание было сорвано. Пришлось Заку рассказывать анекдоты на соответствующую тему. Спасатели его успокаивали, что и без столичных инструкций они знают свое дело. Ведь

иногда доходило до того, что из столицы давали указания, при отсутствии снега, выставить круглосуточные дежурства в лавиноопасных местах - в Москве виднее.

Вот такие эпизоды прокрутились в голове на подходе к месту аварии.

КАК СТАНОВИЛИСЬ СПАСАТЕЛЯМИ

Проснувшись, вышел на улицу из здания КСП. Темно. Огромный звездный шатер накрыл ущелье и только вдаль на востоке, появилось бледно розовое сияние. Видимо наступающий день будет солнечным и морозным. Под ногами скрипит накануне выпавший снег. Ранняя зимняя прохлада внезапно сковала движения. Жалко поднимать по тревоге безмятежно спавших в теплом помещении ребят. Однако на сегодня намечен внезапный выход для всего отряда по подготовке на жетон спасателя. Будущие спасатели должны выйти в высокогорье на поисковые работы. Это один из ключевых зачетов сбора. Проигрывается ситуация по поиску пострадавшего, попавшего в лавину. О том, что тревога учебная известно только мне и начспасу сбора - ведь спасательные работы в горах всегда наступают неожиданно, поэтому спасатели должны быть готовы в любой момент включиться в работу.

Захожу в комнату и, разбудив дежурного, сообщаю.

-Сергей, срочно поднимай отряд. На леднике Кашкаташ, недалеко от «школьных» ночевок, сошла лавина и накрыла человека. Выход через двадцать минут.

Предыдущие дни тридцать молодых ребят сбора ежедневно слушали лекции опытных спасателей, врача и проводили под их руководством практические занятия по оказанию помощи пострадавшим в горах. Ситуации задавались курсантам на разных горных рельефах. Ставились задачи от простой по переноске легкораненого на руках по тропе до сложной, с транспортировкой пострадавшего на стенном маршруте высшей категории трудности. Отрабатывались подъем, траверс и спуск пострадавшего с тяжелыми травмами в акье, с сопровождающим.

Задачи ставились курсантам близкие к реально возможным ситуациям, возникающим во время восхождений.

Однажды на занятиях три связки, взаимодействуя, проходили сложную скальную стену. Группа прошла две трети стометровой стены. Вперед вышел Сергей Воронцов, забил крюк. Определяю по звуку, что в трещину он вошел довольно надежно. Володя Добренко страхует Сережу, а остальные связки работают ниже на перилах. Пройдя вверх два метра, Сергей забивает еще один крюк, и в это мгновение даю команду:

-Сережа, срыв!

Он медлит. Понятно, страшно, когда под ногами шестьдесят метров глубины. Спрашиваю:

-Может быть, ты не надежно забил крючья?

Сергей отпускает руки и, пролетев четыре метра, висит на крюке. Объявляю вводную:

-Сережу сбил камень! У него травма головы и плеча. Ваши дальнейшие действия?

После некоторой заминки командование на себя берет Володя Добренко. Ребята забивают дополнительные крючья, приспускают на полку «пострадавшего». Накладывают повязку на голову, фиксируют плечевой сустав. Затем из ледорубов вяжут носилки. Соорудив страховочную станцию, начинают спуск со стены.

Внимательно слежу за действиями группы и провожу хронометраж. Наконец, все на земле возле меня и, продернув веревку, кричат: «Земля!» - пытаются расслабиться. Но даю очередную вводную: транспортировать

пострадавшего со склона до дороги. Нести на носилках человека среди нагромождения камней, без тропы, работа тяжеленная, но команда будущих спасателей справляется и с этой задачей. Действия группы были настолько естественны, что, увидев, издали спасательные работы, из базового лагеря вышел на помощь спасательный отряд. Впоследствии эти ребята стали высококлассными спасателями, хотя поначалу выслушивал упреки по поводу сложностей поставленных ситуационных задач.

Итак, после команды «подъем!» и сообщения о ЧП курсанты, одевшись, получив лопаты, зонды, питание, выстроились на плацу. Пока кратко поясняю задачу, ребята поеживаются от холода, ведь на градуснике минус двадцать. Прошу сосредоточиться и подготовиться морально к быстрому подъему в гору.

Возглавляю отряд, и быстро направляемся к месту аварии. Через полчаса переходим речку Адылсу по навесному мостику из бревен. Затем следует подъем по крутому склону, вначале поросшему густым сосновым лесом, переходящим в кустарник и, наконец, в боковую морену ледника. Летом здесь проложена сносная тропа, а сейчас у нас на пути лежит сухой, словно песок, снег. Порой глубина снега достигает по пояс и выше. Приходится многократно утаптывать ступень, пока можно будет ее нагрузить и продвинуться на следующий шаг. Через каждые пятнадцать-двадцать метров смена ведущего и, без снижения темпа, двигаемся вверх.

Оглядываюсь. В темноте фонарики высвечивают сосредоточенные лица, а над строем, словно облако, струится пар. Слышно надрывное дыхание нескольких десятков курсантов. Даю команду остановиться. К месту аварии осталось идти минут десять. Нужно отдышаться. Многие ребята, сбросив рюкзаки, валятся прямо в снег. Отмечаю про себя, что физическая подготовка все-таки неплохая. Подойдя к лавинному выносу, расставляю наблюдателей и требую, в соответствии с тем чему учили на лекциях, рассредоточиться по рядам и начать зондирование. Большинство курсантов, прослушав по этой теме лишь лекции, никогда не работали по поиску человека в лавине.

Неожиданно вспыхнули лучи солнца, осветив макушки близлежащих гор. Верховье ледника Кашкаташ засветилось удивительной голубизной глетчерного льда. Вырисовались тени огромных сераков. А спасатели шаг за шагом зондировали лавину. Порой останавливались, внимательно осматривая лавинный вынос, прислушивались. Работали молча, только иногда слышались команды руководителя шеренги. И вдруг один из курсантов подзывает меня и говорит, почему-то шепотом:

-Кажется, я нащупал зондом что-то мягкое. - И показывает коронку зонда с кусочком материала.

-Действуйте, как вас учили.

К нему подошли курсанты с лопатами и начали аккуратно, снимая слой за слоем снег, копать траншею. И вдруг, уже не по инструкции раздался громкий радостный возглас.

-Нашли! Ура!!!

И... вытащили из-под снега старый спальник, заполненный такими же рюкзаками. Операция с подходом и поиском заняла полтора часа. Спальник накануне мы с начспасом закопали в лавине и сосновыми ветками замели свои следы.

К сожалению, до власти имущих многие годы не доходило, что необходима профессиональная спасательная служба. Инструктора альпинизма, используя сознательность граждан, готовили общественных спасателей, ведь кто-то должен уметь оказывать помощь пострадавшим в горах. Нужно заметить, что в норматив мастера по альпинизму в какой-то период ввели обязательное получение жетона спасателя и, кроме сознания необходимости оказания помощи в горах, многие спортсмены вынуждены невольно «зарабатывать» жетон. Жетон можно было получить на сборах, соревнованиях спасателей и участвуя в сложнейших спасательных работах. Необходимо было потрясение, такое как землетрясение, в Армении,

четырёхлетнее раздумье правителей и изменение социального строя, чтобы появилась профессиональная спасательная служба.

Спасать людей, особенно в горах, весьма сложно. В высокогорье нет дороги, по которой может приехать по вызову скорая помощь, не всегда, в связи с неустойчивой, переменной погодой, может прилететь, а, прилетев, приземлится вертолет. Увы, даже в хорошую погоду в горах вертолетом иногда не долететь до пострадавшего. К пострадавшему в горах может подойти только человек, причем высокой квалификации. Профессионал окажет первую помощь, получившему травму или заболевшему, найдет и откопает, попавшего в лавину, спустит со стены или перевала и оттранспортирует больного в долину, куда сможет прийти современная техника.

Работать спасателем в горах дано не каждому физически здоровому человеку. Спасателю необходимо владеть многими альпинистскими навыками на уровне мастеров, горнолыжной техникой на высоком уровне, иметь медицинскую подготовку, а главное обладать высокими моральными качествами.

Сегодня есть государственная спасательная служба, вертолеты, новая техника, мобильная связь, однако проблема оказания помощи пострадавшему в горах человеку остается актуальной.

Зимнее солнце быстро скрылось за гребнями гор. Сразу резко похолодало, а в теплом актовом зале альпинистского лагеря «вновь испеченным» спасателям вручали, заработанные тяжким трудом, красивые спасательные жетоны с изображением красного креста на фоне великой Ушбы и свидетельства о том, что этот человек может оказать людям в горах квалифицированную помощь.

ЧАСТЬ 2 -КАК ЭТО БЫЛО

ПОЧЕМУ?!

В альпинизме меня всегда привлекала возможность быть самим собой, иметь «право выбирать, с душой лишь советуясь о плате, что нам любить, за что нам умирать, на что свою свечу нещадно тратить». А это, по определению Игоря Губермана, не что иное как свобода. Возможность насладиться свободой, несмотря на жесткие правила и неписанные законы гор, определила род моих профессиональных занятий.

Положительные эмоции приобретались в горах не только от общения с природой, но и от возможности свободного высказывания мнений, отличных от идеологических догм закрытого общества. Казалось, что в высокогорье людей от органов, контролирующих мозги, не было. Но это только так казалось. В альпинистской среде попадались булгаковские «швондеры», порожденные социальной системой, проявлялись среди альпинистов и сексоты (секретные сотрудники).

Однажды в альплагере я пообщался с итальянскими альпинистами. На рассвете следующего дня меня разбудил начальник учебной части и предложил срочно удалиться в сторону «немецких» ночевок, что в шести часах хода от лагеря. Он предупредил, что моими приметами заинтересовался один из сопровождающих иностранцев. А разговоров-то было всего - они интересовались нашим бытом, а я решил узнать, как поживают они.

Нас поражала раскрепощенность иностранцев, их красивая одежда и удобное снаряжение. Меня и многих моих друзей волновал вопрос «почему?». Почему у них нет проблем, почему у них можно все приобрести в магазинах, почему их специалисты получают зарплату во многие разы превышающую зарплату аналогичных профессионалов в нашей стране. Например, зарплата старшего инструктора-спасателя составляла 145 рублей, а аналогичный спасатель высокой категории в горах Австрии зарабатывал 6000 марок. Наверное, эти «почему?» не нравились нашим идеологам и поэтому общение с иностранцами запрещалось. За этим тщательно следили, так называемые, сопровождающие. Обычно, этих ребят из органов в альплагере узнавали, как бы они не рядились. Статью своей не вышли - глаза выдавали.

ДРУГОЙ МИР

Как-то немецкие альпинисты давали банкет после удачного восхождения. Вечером сопровождающие хорошо набрались, а утром, без них, иностранцы на вертолете улетели в другой район. Смеху было, когда проснувшиеся и еще не отошедшие от перепоя, сопровождавшие их «герои», потребовав у начспаса машину, помчались вдогонку за вертолетом на стареньком потрепанном «уазике». Пропили своих поднадзорных.

В восхождениях представители органов с характерными серыми глазками почти не принимали участия, поэтому на бивуаках в высокогорье никто не мешал общаться с представителями иного мира. Мира, где для альпинистов делали удобную непромокаемую одежду и обувь. В этом загадочном мире альпинистское снаряжение - «кошки», ледовый инструмент, жумары, карабины делались удобными для человека и всегда оставались предметом нашей белой зависти. Альпинистскую веревку для страховки капиталисты производили разных сортов и цветов с пропиткой, чтобы не намокала и не становилась колом на морозе. Эта чудесная веревка выдерживала без деформаций до пяти рывков! Ведь так необходимое альпинисту снаряжение ни за какие деньги нельзя было приобрести в стране, где нам внушали с детства, охраняя мозги от идеологии акул капитализма, что наше - лучшее в мире.

Спасателям приходилось выменивать необходимые для работы приспособления на ледобуры, подпольно сделанные из стратегического титана. Хорошо, что такого материала у иностранцев не было и поэтому долгие годы ледобуры оставались валютой на черном альпинистском рынке. Снаряжение, предлагаемое в альплагерях советскими профсоюзами, не выдерживало конкуренции. В стране Советов основную веревку, которую мы применяли для страховки, промышленность выпускала только для рыбаков. Такая веревка впитывала влагу и во время восхождения, промерзнув, становилась непригодной ни для страховки, ни для перил. Она теряла прочность после первого же рывка. Альпинистское снаряжение делали на наших заводах тяжелым и неуклюжим. Одежда и ботинки во время дождя или снегопада через полчаса работы промокали, а спасатели теряли работоспособность. Фирменные костюмы из американского материала «доге-тех» не промокают, не продуваются и дышат, а в пластиковых ботинках с утепленными удобными вкладышами ноги при любой непогоде остаются сухими.

Вся коммунистическая идеология проваливалась на альпинистском рынке снаряжения и никакие симпатичные однообразные мальчики не могли ее защитить.

ИДЕОЛОГИЯ

Коммунистической идеологией у нас пропитаны были и названия горных вершин - пики Революции, Ленина, Маркса, Энгельса и т. п. Конечно, высшую точку страны, в которой провозглашен коммунизм, как конечная цель построения идеального общества, прозвали пиком Коммунизма. Она располагалась на высоте 7495 метров над уровнем моря. Действительно, восхождение на высотный полюс, сопряженное с преодолением арктического холода и постоянного ветра, считается престижным для альпинистов и представляется довольно сложным по любым маршрутам. Не всем мастерам удавалось взойти на вершину.

У многих альпинистов восхождение заканчивалось на огромном по размерам плато высотой 6100 метров. Это снежно-ледовая гофрированная пустыня длиной в двенадцать и шириной в три километра становилась своеобразным психологическим и физическим барьером. Если бы не высота, здесь можно было бы проводить лыжные гонки.

Двухкилометровый подъем с ледника Фортамбек и быстрый спуск на траву поляны Сулоева, при этом с заброской продуктов и снаряжения, давали прекрасную акклиматизацию. После таких марш-бросков легче выходить на вершину, не так давит горная болезнь. По количеству и качеству занесенных на высотное плоскогорье продуктов можно было представить, какой достаток ожидает человека в счастливом коммунистическом будущем, о котором нам вещали идеологи. В импровизированных складах экспедиций хранились самые высококалорийные продукты, какие можно было достать лишь по знакомству в закрытых партийных спецмагазинах. На высоком плато жестко соблюдался принцип коммунизма «от каждого по возможности - каждому по потребности». Из-за горной болезни возможность съесть вкуснятину была ограничена и поэтому альпинисты употребляли пищу в соответствии со своими потребностями.

Плато становилось для многих альпинистов высотным и психологическим барьером к достижению высшей точки страны. Сказывался страх перед высотой. Горная болезнь для многих восходителей оказывалась роковой и срывала множественные честолюбивые планы. Даже участие в спасательных работах на высоте приводило порой к трагедиям, граничащим с героизмом. Каждый шаг давался усилием воли. Чрезмерные физические нагрузки ощущают спасатели во время транспортировки заболевшего человека в этих условиях.

ЧЕМ КОНЧАЕТСЯ ПОДВИГ

Известно, как спасали Рэма Викторовича Хохлова - академика, знаменитого физика, ректора МГУ, члена ревизионной комиссии ЦК КПСС.

Альпинизмом Рем Викторович «заразился» после войны, побывав по путевке в Домбае. «День пребывания в горах дает мне месяц работоспособности» говаривал академик. Как альпинист Рем никогда не чурался рядовой работы - подежурить на бивуаке, воды принести, приготовить для товарищей пищу. Рюкзак свой набивал поплотнее чем остальные. Ученый мечтал включить в экспедицию на Эверест научную группу для изучения на больших высотах воздушного «одеяла» Земли. Кроме спортивного романтического интереса в этот раз для восхождения на высшую точку страны собрались в экспедиции ученые гляциологи, орнитолог, ботаник... Когда до вершины оставалось метров пятьсот по высоте по «равнинным» меркам совсем мало, а тут этот путь преодолевался сутками раздался крик о помощи. Выяснилось, что спускается группа австрийских альпинистов, схвативших холодную ночевку перед последним взлетом на вершину. В группе был тяжело обмороженный человек. И Хохлов принимает решение: прекратить восхождение, чтобы помочь транспортировать пострадавшего вниз.

Нужно ли говорить, что спускать с гор пострадавших неизмеримо труднее, чем подниматься самому, а тем более - человеку, в общем-то, не имеющему нужного опыта спасательных работ. Подвиг. Он не выбирает, кто ты есть - академик или солдат. В жизни каждого человека есть секунды, после которых нельзя жить только для себя. Уловить такой поворотный миг дано тому, кто честен и смел, мудр и добр. Никогда не простил бы себе Рем

Викторович, если б знал, что рядом страдает человек, а он бесстрастно продолжает дело, которое хотя и очень нужное, но в общем-то можно и отложить. Рем Хохлов впрягается в волокушу для транспортировки пострадавшего. Он работал, пока не наступила острая сердечная недостаточность.

Для экстренного снятия с плато, заболевшего от перегрузок Рема Хохлова, задействовали вертолет. Посадить машину на большой высоте теоретически можно. А как взлететь в разреженном воздухе?

Авиатехники, чтобы облегчить взлет, разобрали обшивку, оставив лишь раму вертолета. Впервые в мировой практике командир вертолета В.Иванов посадил машину на высоте 6100 метров над уровнем моря. Уникально то, что он сумел затем оторвать вертолет от края плато и взлететь с пострадавшим. Вертолет фактически падал почти две тысячи метров и стал управляемым лишь в нескольких десятках метрах над ледником Фортамбек. Здесь машина смогла как бы опереться на более плотный слой воздуха и стала управляемой. Через полчаса вертолет с пострадавшим успешно приземлился в аэропорту Джиргаталя. За мастерство и риск асса наградили высшим орденом страны.

Печально только, что из-за тупости высших лиц руководящей в то время в стране партии не выжил Рэм Хохлов. Как ни парадоксально, будь он простым альпинистом без партийных регалий, жизнь ему сохранили бы собравшиеся в Джиргатале высококвалифицированные альпинистские врачи. Но поступила команда из политбюро ЦК, в соответствии с которой прислали специальный самолет, и в течение нескольких часов больной был доставлен в кремлевскую больницу. Такой быстрый сброс высоты с 6100 метров на примерно стопятидесятиметровую московскую отметку, очевидно, выдержать не под силу не только больному с диагнозом «сердечная недостаточность» но и абсолютно здоровому организму.

ТРИЛОГИЯ

В районе города Джиргаталя, после выхода известной трилогии Брежнева, одна из альпинистских команд в экстазе любви к партийному вождю совершила первовосхождения на небольшие пупыри. Вы догадываетесь, как пупыри были названы? Правильно - «малая земля», «возрождение» и «целина», созвучные с одноименными произведениями генсека.

После торжественного доклада руководителя команды на республиканском коммунистическом форуме о присвоении вершинам названий «гениальных» произведений генсека, ему присвоили высшее тренерское звание - заслуженный тренер союза. Этот, в прошлом неплохой спортсмен, никогда никого не тренировал.

Такие звания, обычно, присваивались тренерам за подготовку чемпионов страны или за высокий рейтинг по подготовке мастеров альпинизма. Самый высокий рейтинг за подготовку наибольшего количества мастеров альпинизма в Союзе в то время был у Леопольда Всеволодовича Кенсицкого. Он подготовил свыше полутора десятка мастеров спорта,

чемпионов и призеров страны, но восхождений под знаменем компартии никогда не организовывал. Поэтому звание заслуженного тренера страны, по праву ему принадлежавшее, деятели от спорта отдали другому. Во многом тогда главенствовала идеология, а не профессионализм.

ЭКСПЕДИЦИЯ

В советское время под партийные юбилеи выделялись средства на различные альпинистские экспедиции. Так, очередному дню рождения компартии Таджикистана посвящалась экспедиция строящейся Рогунской ГЭС на высший пик страны. Старший тренер команды Юрий Сергеевич Янович пригласил меня в команду «играющим» тренером и я с благодарностью принял возможность сходить на самую высокую в стране вершину. Яновича знают в альпинистских кругах как сильнейшего разностороннего спортсмена. На скальных маршрутах связка «Олег Капитанов - Юрий Янович» творила чудеса. В высотных восхождениях выносливости Юрия удивлялись бывалые альпинисты. Во многом спортивным достижениям помогала работа. Как и Олег, Юра начинал работать еще на строительстве Нурекской ГЭС в бригаде высотников, а продолжил работу на строящейся Рогунской ГЭС бригадиром уже прославленной бригады скалолазов. Нас сближала общность интересов и спортивный дух, создаваемый Олегом и Юрой в альпинистской команде.

А вот из первой гималайской экспедиции Яновича, в то время сильнейшего в стране высотника, вывели по доносу одного из членов команды за будто бы рассказанный на бивуаке антисоветский анекдот. Порой мы высказывались, не задумываясь о последствиях. В столовой альплагеря «Варзоб» висел на красном полотнище лозунг, призывающий народ идти ленинским путем к коммунизму. В беседе как-то Юра отметил, что знает на пик Коммунизма многие пути: В. Беззубкина, В. Максимова, Э. Мысловского и других руководителей альпинистских групп первопрохождений, а ленинского пути на вершину нет. И получилось, как по Владимиру Высоцкому, один из бегунов-кандидатов в первую гималайскую экспедицию «съел колено» соперника, написал кляuzu таким образом сдал Юру соответствующим органам.

Для восхождения на Коммунизм в честь юбилея таджикской компартии руководство строящейся Рогунской ГЭС выделило КАМАЗы, на которых мы добрались до маленького городка Джиргаталь. Он расположен на высоте 1100 метров в предгорье больших гор и здесь же находится небольшой аэродром.

В прошлые времена вьючные караваны альпинистских экспедиций отсюда до ледника Фортамбек, что под вершиной, добирались пешим ходом за неделю. Сейчас же на вертолете долететь на поляну Сулоева можно за полчаса. Однако экспедициям приходилось ожидать в аэропорту не меньше той же недели по разным причинам. То нет керосина для заправки вертолета, то вертолет на профилактическом отстое, и возникает проблема, как быстрее вылететь под гору. Желающих вылететь под вершину было много, а машина летает одна. И

ставились многодневные бивуаки разных экспедиций прямо на летном поле в ожидании своей очереди.

У нашей экспедиции была палочка-выручалочка в лице Сергея Безверхова. Он привез из Тюмени, где работал, бумагу от компартийных боссов, желающих прославить местную газету «К победе коммунизма». Газета тоже отмечала юбилей. Бумага гарантировала безналичную оплату вертолетных чуть ли не двадцати с лишним часов. С таким богатством, да еще прихватив для поддержки дипломатических переговоров пару бутылок армянского коньяка, руководство таджикской экспедиции вошло в контакт со знаменитым командиром вертолета и, подарив ему несколько полетных часов, быстро решило проблему внеочередного вылета.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС

Несколько неожиданностей встретило экспедицию при приземлении. Прежде всего выгрузили из «брюха» вертолета ходячее мясо - баранов. Они, почувствовав свободу, резво бросились врассыпную. Помогла слабая акклиматизация нашего стада. Пробежав метров по двадцать, бараны повалились на землю почти бездыханными и больше не бунтовали, выполнив впоследствии свое предназначение. Набрал за полчаса по высоте три тысячи метров, и люди и бараны вначале чувствовали себя неважно. Давила на мозги навалившаяся тяжесть горной болезни. Правда, через некоторое время альпинисты уже играли в футбол.

Другой интересной неожиданностью оказалось то, что на небольшой по площади поляне возникла государственная граница, о чем нас еще при разгрузке экспедиционного багажа предупредили с важным надутым видом официальные лица, расположенного здесь же в палатках международного альпинистского лагеря. Лица заявили, что, во избежание неприятностей в «светлом будущем», нам запрещено общение с иностранными альпинистами и проход по территории их лагеря. Несмотря на единую цель, объединяющую здесь нас, граждан великой страны и капиталистов - цель движения к Коммунизму (вершине, разумеется) - нас разделили на два лагеря, благо без колючей проволоки и пограничных столбов.

На морене, рядом с высотной медико-биологической лабораторией, мы оборудовали добротный базовый лагерь, возведя все необходимое для жизни в высокогорных условиях. Усилиями специалистов запустили дизель и в палатках участников зажглись «лампочки Ильича». На ручье оборудовали двойную палатку для баньки. Над всем этим водрузили флаг Таджикистана, и не было нам дела до расположившегося вблизи мира инакомыслящих капиталистов.

Несколько дней ушло на радиальные прогулки, подготовку снаряжения, выработку тактики восхождения.

На высотных восхождениях особое внимание уделяется утеплению ног. Поэтому усердно готовили обувь для горы из обычных валенок. Укорачиваем сантиметров на двадцать голенище валенок, затем, при помощи расплавленного репшура намертво склеиваем этот кусок войлока

с подошвой, отрезая лишнее. Остается для удобства спереди и сзади сделать разрез со шнуровкой, приклеить к внутренней стороне голенища поролон и высокогорная обувь готова. Такая обувь, если утеплить ноги шерстяными носками и меховыми унтайками, гарантировала комфортность при любом морозе. Мини-валенки прикрываются непромокаемыми бахилами, а кошки надежно закрепляются ремнями. Ни одни суперсовременные ботинки со специальными вкладышами не сравнить по удобству и надежности с предлагаемой моделью для подъема на Коммунизм. Улыбайтесь, скептики, но в такой обуви никогда пальчики на ногах не почернеют от мороза.

Первый акклиматизационный выход на плато обернулся спасательными работами. В группе повстречавшихся нам немцев, идущих на восхождение, заболел один из альпинистов. Немецкие альпинисты попросили нас, чтобы не срывать свое восхождение, спустить своего заболевшего земляка на поляну. Мы откликнулись на просьбу коллег. Ведь где бы не находился спасатель, он должен всегда быть готовым подставить свое плечо людям. Несмотря на хорошую акклиматизацию и высокую тренированность, каждый шаг с пострадавшим давался с большим трудом. Забавно было слышать ретрансляцию «гражданским» - не альпинистом радистом наших переговоров в эфире, когда ему сообщили, что на спуске состояние больного улучшилось, и мы подходим к «верблюдам». Так назывался бивуак на высоте пяти с лишним тысяч метров, закрытый от ветра характерной конфигурацией жандармов. Радист передал на большую землю: «У них все в порядке, больного везут уже на верблюдах». Долго еще выясняли в эфире, как могли появиться на склоне самой высокой горы верблюды. Лишь опытный Олег Капитанов догадался, в чем дело.

Радист наш, Анатолий, как радиоловитель, связывался по ночам с подобными себе спортсменами, получая зачетные баллы за количество проведенных сеансов радиосвязей. После обмена позывными радисты рассказывали о своем местонахождении. Однажды, зайдя в палатку к Толе, я невольно стал свидетелем того, как он обменивался впечатлениями на коротковолновой радиостанции с партнером, находившемся где-то на Урале. Сеанс радиосвязи Толя проводил в теплой палатке, сидя на большом армейском термосе, заполненном брагой. Периодически он прикладывался к напитку. Естественно, воображение у него разыгралось, и на вопрос коллеги о его координатах он сообщил, что сидит на вершине высотой в семь с половиной тысяч метров уже вторую неделю, борясь в одиночку с ураганным ветром, морозом и почти без еды. Вызвав сочувствие далекого партнера, Толя тут же принял внутрь еще кружку браги и еще пытался угостить меня.

Спустив на две тысячи метров заболевшего немца на поляну, мы сдали нашего подопечного врачу экспедиции Геннадию Громову, опытному хирургу. Он работал в областной больнице Душанбе, прошел войну в Афгане... Гена поколдовал над ним и к утру тот был почти в порядке, однако в свой лагерь уходить не торопился. У нас ему понравилось. К тому же Гена ему прописал постельный режим. А после завтрака к нам пришли человек пятнадцать немцев поблагодарить за помощь их земляку. Мы радушно встретили гостей, угостив их из «неприкосновенного» медицинского запаса. Завязался веселый разговор на международном

диалекте. Баварские альпинисты попросили разрешения вывесить рядом с нашим знаменем флаг их земли, чтобы коллективно сфотографироваться. Не успели все присесть под символами, как тут же явились с перекошенными физиономиями мальчишки из соседнего «государства». Сквозь зубы выговаривали нам о недопустимости контактов с людьми из капиталистического мира. Выслушав претензии, Юра популярно объяснил им, что ни один член нашей экспедиции границы не нарушал, а со своими подопечными иностранцами пусть сами проводят идеологическую работу, дабы те к нам не ходили. Сверкнув одноцветными серыми глазами, представители спецслужб удалились восвояси.

ОБЩЕНИЯ

Апофеозом контакта со спецребятами стало последствие общения с пришедшими к нам в гости из международного альплагеря американскими альпинистами. Радушно пригласили их за стол. Несмотря на разделявшие нас политические формации, мы занимались одним спортом и даже стремились взойти на одну гору. Интересно было узнать, как у них обучаются альпинизму, сколько стоит столь удобное снаряжение, одежда, чем они питаются на горе, сколько зарабатывают профессионалы. У нас состоялся такой диалог:

- Валерий, сколько времени ты проводишь в горах?

- Два, три месяца в году. А ты Майкл?

- Я дней десять, пятнадцать. А где ты берешь деньги на отдых в горах?

- В тумбочке, а ты?

- Я беру деньги в банке, а что есть тумбочка?

Сложно переводилось слово тумбочка (bedside-table), в которой можно брать деньги. Как им объяснить, что тумбочкой были профсоюзы, а зарплаты хватало лишь на прожиточный минимум. На заработную плату в нашей стране шло около трех процентов от стоимости производимого продукта. Труд обесценивался уравниловкой, а альпинизм был небольшой щелочкой, где существовала возможность пользоваться благами, заработанными многими трудящимися, по сути бесправными и неимущими. Волею судьбы мы нашли эту щель и пользовались тумбочкой на полную катушку. Большинство же трудового народа не имело такой отдушины и находилось в постоянном ожидании счастливого будущего.

Американцы так и не разобрались в этой арифметике, считая нас, имеющих возможность столько находиться в горах, богатыми людьми. Мы не возражали.

-Сколько стоит обед, которым вы нас угощали? Он нам очень понравился.

-Ничего не стоит. Это халява.

-Что такое халява? Что-то я не знаю такого русского слова, - спрашивает русскоговорящий американец.

-Ну, как вам объяснить? Это значит - на шару.

Такого сленга им не понять, как многого и другого.

Беседа в палатке продолжалась до трех часов ночи, а затем мы с Юрой провели немного захмелевших американцев до виртуальной границы с международным лагерем. Стороны остались довольны друг другом. Не так часто доводилось без посторонних наблюдателей беседовать с людьми, прибывшими из-за железного занавеса.

Будни подготовки к восхождению продолжались. Утром весь спортивный состав экспедиции для акклиматизации снова поднялся на плато с таким расчетом, чтобы к обеду спуститься на бивуак. Нужно отметить, что обеды для экспедиции готовила Света с корейскими чертами лица. Обеды - пальчики оближешь! Сидим за столом, обедаем, и вдруг к нам подходят два «маловца». Один представляется начспасом международного альплагеря по фамилии Недоспасов, а второй, поджарый парень с бесцветными глазами и короткой стрижкой, сообщает, что он майор. Они не поздоровавшись, на ходу задали вопрос:

-С кем вчера общались в течение шести часов американцы?

Юра и я сказали, что они находились в нашей палатке.

-Вам необходимо написать объяснительную с изложением причин вашей встречи и с полным содержанием всей беседы.

-А с какой стати?

-Американцы подозреваются в шпионаже, мы их вели от самой границы и должны знать, что они делали шесть часов. Объяснительная должна быть написана к завтраку.

Выдав приказ, парочка удалилась.

Будучи законопослушными гражданами страны Советов, Юра и я уселись сочинять объяснительную записку. Для литературной обработки сочинения мы привлекли корреспондента газеты «К победе коммунизма», прибывшего с Сергеем Безверховым освещать наше восхождение. Возвратившись с заброски, Сергей, человек с открытой душой, умница, застал нас за напряженной творческой работой.

-Интересно, чем занимается «союз писателей»?

Выслушав нас, Сережа популярно объяснил, не стесняясь в выражениях, что мы балбесы. Ведь эта бумажка попадет в архив КГБ и общение со шпионами припомнят через многие годы нашим внукам.

-Немедленно порвите ваше произведение искусства. Вы не обязаны ничего объяснять. Это их работа следить за всеми и пусть занимаются своим делом.

Произведение мы тут же уничтожили, а явившаяся за объяснительной «сладкая парочка», возмущившись нашим непослушанием, удалилась. Больше к нам не приставали.

НА ВЫСОТЕ

Перед восхождением в высотной медико-биологической лаборатории нас обследовал известный альпинистский врач, фотограф и публицист Владимир Машков. Все двенадцать членов команды имели отличные медицинские показатели. Команда в полном составе за световой день поднялась на пик Душанбе, что находится по пути на высшую точку страны. Высота на этом бивуаке 6900 метров. Здесь неудобно, очень холодно и ветрено. Резких движений делать нельзя, дышать тяжело, сказывается нехватка кислорода.

Приятной оказалась неожиданная встреча с Люсей Славинской, моей землячкой. Она поделилась своим горем. Руководитель их команды не разрешил ей выход на вершину, мотивируя тем, что при подъеме на Душанбе она чуть-чуть отстала от остальных. Обидно, ведь до вершины оставалось всего 595 метров по высоте, а такие восхождения бывают раз в жизни. Пока я сочувствовал Люсе, ее команда спустилась с вершины. Вместе отужинали. Не всем ребятам хотелось есть. Некоторые, учуяв запах пищи, покидали наш «достархан», дабы по случаю не продемонстрировать ранее съеденную пищу - сказывалась высота. Однако, доля сала с луком, доставшаяся мне с Юрой, нами прекрасно усваивалась. Запили мы высококалорийную пищу кружкой чая, добавив в него по ложке медицинского спирта. Напиток дал возможность забыться во сне. Выйдя на рассвете во время сильного мороза на шторм вершины, команда спасателей за световой день, совершив восхождение, сумела

спуститься на траву. Это было очень быстро. Спуск оказался утомительней подъема. Особенно тяжело давался переход по двенадцатикилометровому плато. Усталость скрасила встреча с горными туристами. Остановив меня, один из них спросил:

- Ну как, мужики, взлохматили пупырь?

Сначала я не понял, о чем речь и прошел, ничего не ответив. Сил говорить не было. Только через некоторое время дошло, что пупырем он обозвал Коммунизм.

Стремительное восхождение далось непросто. Тридцать шесть часов на горе отразились на весе команды. После взвешивания оказалось, что двенадцать альпинистов потеряли в весе за восхождение пятьдесят пять килограмм. Так это было.

ЧАСТЬ 3 - ЭЛЬБРУССКИЕ НОВЕЛЛЫ

ЭКСКУРС

Двуглавое сооружение природы покрытое снегом в виде конусов с диаметром у основания около 18 километров и высотой Западной вершины 5642,7 метра, а Восточной 5621 метр над уровнем моря, величаво возвышается посередине бескрайней долины междуречья Кубани и Баксана. Расстояние между вершинами составляет 1450 метров, а седловина

расположена на высоте 5376 метра. Названий у этого сооружения природы несколько. Наиболее известное - Эльбрус. По мнению некоторых

специалистов название Эльбрус происходит от тюркского *эл, джел* - ветер и *брус, бруш* - крутить, управлять, т.е. управляющий ветром. Это логично, потому что гора действительно влияет на направление ветров прилегающей территории. Эльбрус стоит приблизительно в десяти километрах севернее Главного Кавказского хребта и соединяется с ним хребтом Хотютау.

Поверхность горы покрыта ледниками, суммарная площадь которых около 145 кв. км. Большая часть склонов пологая, но от высоты 4000 м средняя крутизна достигает 35 градусов. На западном плече имеются скальная стена высотой до 700м - высшей альпинистской сложности. Эльбрус - это

относительно молодой (около 2,5 млн. лет) потухший вулкан. Это не только самая высокая гора на Кавказе, с которой зимой, когда воздух особенно прозрачен, видно Черное море, но и одно из самых холодных мест. В июле температура на его вершине опускается значительно ниже нулевой отметки. Подобное наблюдается лишь в Антарктиде и Гренландии. На горе зафиксировано атмосферное давление около 380 мм ртутного столба, то есть в два раза меньше показателя равнины.

Персидский историк Шериф-ад-Дни Иезди в «Книге побед» отмечает, что среднеазиатский завоеватель Тамерлан во время военных походов в Закавказье якобы поднялся на Эльбрус для совершения молитвы. Известно, что в 1829 году на Восточную вершину Эльбруса взойшел Киллар Хаширов из экспедиции генерала Г.А. Эмануэля, а спустя 39 лет на Западную высшую точку горы взойшли проводники Ахия Соттаев и Даци Датосов с Дугласом Фрешфильдом, А. Мурром, К. Туккером и Ф. Девуассу. С этих пор стремление взойти на Эльбрус у восходителей всего мира не иссякает.

Большая высота, разреженный воздух, изменчивая погода, низкая температура и постоянный западный ветер, иногда достигающий ураганной силы, с одной стороны, отпугивали людей, а с другой - возникал интерес в познании возможностей человека преодолеть силы природы. Это подогревает интерес людей испытать себя при восхождении на Гору.

Относительная простота склона и возможность ступить на высшую точку Европы ежегодно собирает на склонах Эльбруса многие десятки желающих. Спортсмены высшей квалификации используют восхождения для получения акклиматизации. Некоторые идут на гору во имя какой-либо знаменательной даты, порой анекдотической. Так, однажды, политическими умельцами была организована альпиниада в честь пятидесятилетия первой колхозной альпиниады. Большинство людей идут на гору потому, что она есть. Восхождения совершаются и летом и зимой. Зимой подъем на Эльбрус особенно труден. Температура опускается ниже сорока градусов. При этом западный ураганный ветер забивает дыхание, а под ногами на жестком фарфороподобном льду едва остается след от очень острых кошек.

По воле судьбы мне, как спасателю, пришлось работать на склонах Эльбруса летом и зимой, днем и ночью, в хорошую погоду и при нулевой видимости в непогоду, когда идешь в буране, а ураганный ветер отрывает тебя от склона. В нескольких записках постараюсь описать эпизоды, случившиеся на этой великой Горе.

ЛЕГЕНДЫ

Популярность Эльбруса порождает различные легенды, связанные с горой, которые передаются из поколения в поколения.

Давным-давно на вершине Минги-Тау (одно из названий Эльбруса с балкарского *минг* - тысяча и *тау* - гора, т.е. Гора из тысячи гор) обитала волшебная птица по имени Симург. Несказанно прекрасно было его ледяное царство, убранное алмазами и хрусталем. Симург обладал беспредельной властью и мудростью, и не было возможности простому смертному даже увидеть его, а тем более овладеть его мудростью и силой. Многие сильные молодцы из любопытства стремились заглянуть в закрома Симурга, хотели полюбоваться ледяными

алмазами и хрусталем. Но людей которые заглядывали в царство птицы больше никто не видел. Говорят, Симуург превращал любопытных в ледяные статуи, охранявшие его богатства.

Но вот однажды власти Симурга пришел конец: молодой воин Артур во имя своей возлюбленной - красавицы Фатимы взошел на вершину горы на восходе солнца. И пропала сразу вся сила Симурга - Любовь победила его и открыла людям путь к сокровищам, которые охраняла вещая птица. Раскололась под побежденным Симургом ледяная вершина, и исчез он в недрах горы. Рухнули запоры на дверях подземных кладовых, и добрые джины открыли перед Артуром и людьми несметные сокровища, скрывавшиеся в недрах Священной Горы.

Местом, к которому по приказу Зевса Гефест приковал Прометея за подаренный людям божественный огонь, по некоторым версиям был Эльбрус, а по всем признакам огромная, вертикальная стена Кюкюртлю. К стене каждый день прилетал огромный орел и терзал печень титана, которая за ночь вновь отрастала. Снова и снова орел клевал новую пищу много веков, истязая страдающего, пока Геракл не освободил его.

И сейчас прилетает к этой стене орел огромного размера. Прилетая и улетая орел никого не клюет, только помогает альпинистам. А зовут сегодняшнего мирного орла МИ-о МТВ-1 и правит им современный Геракл - Алексей Севостьянов.

Правдоподобно звучит легенда об эльбрусской деве, ищущей на склонах Эльбруса своего возлюбленного. Она является альпинистам по ночам и своей красотой способна завлечь доверившегося призраку восходителя в одну из ледовых трещин, которыми избилуют эльбрусские ледники. Встречи с эльбрусской девой побаиваются даже бывалые альпинисты

ЛЕДЯНОЕ ЦАРСТВО

Многочисленные группы альпинистов приходили за консультациями на КСП и мы с удовольствием делились своими знаниями по специфике восхождения на разные горы и маршруты. Всегда просили восходителей, а особенно стремящихся взойти на Эльбрус, готовиться тщательно. Несмотря на относительно несложный, по альпинистским понятиям, рельеф, спасателям на склонах этой горы больше всего приходится работать из-за того, что многие люди не могут даже допустить возможность неудачи.

Ребята приехали издалека. Завод, на котором они работали, оплатил дорогу, жилье и пропитание. Руководил альпинистами опытный инструктор. Молодые ребята, среди которых выделялась супружеская пара Аркадий и Эльвира, мечтали взойти на Эльбрус. Аркадий - сын руководителя, уже имел в послужном альпинистском списке довольно сложные восхождения. Придя к старшему инструктору на КСП, они сразу захотели выпуститься на Эльбрус. Однако, документы у них оказались не в порядке и поэтому,

посочувствовав, я разъяснил, что по действующим правилам они могут лишь, как туристы, покататься на канатке, прогуляться до Приюта 11 и не выше. Таковы были в то время правила в альпинизме и контроль за соблюдением этих правил возлагался на контрольно-спасательные пункты. На этом и расстались. А спустя некоторое время начались спасательно-поисковые работы, продлившиеся более месяца.

Во второй половине апрельского дня на склонах Эльбруса запуржило. Видимости практически не стало. Все восходители, зарегистрировавшиеся у дежуривших на Приюте спасателей, вернулись с горы и казалось, что попив горячего чая, можно залезть в пуховой спальник и дремать до утра. Однако каждые три часа необходимо одеваться во все пуховые и пластиковые доспехи и выходить из Приюта. Несмотря на ураганный, порой со страшными завываниями ветер и очень больно бьющую по лицу снежную крупу, все-таки выходишь в строго оговоренное время для радиообмена с базой. Сегодня это последняя штатная связь. Здесь, на высоте четырех с небольшим тысяч метров только начало смеркаться, а в ущелье уже давно стемнело. Чтобы нормально пообщаться с Землей нужно подальше отойти от обитого железом сооружения, создающего помехи. Выхожу на связь, подавляя неизвестно откуда появившееся неприятное предчувствие. С базой штатный радиообмен: «как меня слышишь?», «у меня все в порядке, все спустились», «погоды нет». Последняя информация говорит еще и о том, что в ближайшем обозримом времени никто никуда не выйдет, а значит у нас не будет работы. Как хочется сразу выключить рацию, быстрее вернуться в уютную каюту Приюта, чтобы укрыться от ветра. Однако есть негласное правило у спасателей - после окончания радиосеанса с минуту послушать эфир. Слушаю. Вдруг в эфире звучит зов о помощи:

- Мы находимся под западной вершиной. Видимости нет. Что делать?! Реагирую быстро:

- Кто мы? Сколько человек? Какое самочувствие? Я «Луч-3», на приеме.

Позывной «Луч» был известен всем альпинистам и туристам на Кавказе - это позывной спасателей. Луч - это всегда символическая надежда для пострадавших людей.

- Нас двое. Чувствуем себя нормально. Не знаем куда идти. Ничего не видно.

- Уточните место вашего нахождения, кто вы, и с какого вы сбора? Мелькнула успокоительная мысль, что они целы, не поломаны.

- Мы из города Печоры. Аркадий и Эля. Спустились приблизительно на сто метров ниже седловины и сидим в небольшой трещине, укрываясь от ветра.

-Ребята, есть ли у вас теплые вещи? Не видите ли рядом вешки?

-Одеты мы хорошо, есть запасные свитера и носки. Ничего вокруг не видно.

Мысленно просчитываю место где сидят ребята и понимаю, что двигаться им нельзя. Ниже их пристанища начинается зона трещин. Сейчас подниматься спасателям тоже чрезвычайно опасно. Ночью, в абсолютной темноте, в том месте где они сидят, почти стопроцентная возможность угодить в трещину. Мы сможем выйти к ним с таким расчетом, чтобы на рассвете подойти в эту зону. С компьютерной скоростью просчитываю варианты и решение приходит мгновенно.

- Сейчас двадцать часов. Спасатели выйдут в час ночи и реально подойдут к вам к четырем часам.

-Хорошо, мы продержимся.

- Никуда не двигайтесь, вокруг вас трещины. Ждите спасателей, до встречи. Связь в начале каждого часа.

-Поняли. До встречи.

В кают-компании приюта мои ребята уже ужинают. Рассказываю им о состоявшемся радиообмене. До выхода на поиски у нас немногим более четырех часов. Снаряжение, рюкзаки давно приготовлены для выхода. В начале каждого часа выходим на связь. Вроде, у них все в порядке. В двадцать три часа Аркадий попросил отложить связь до четырех. Даю добро. Ведь питание радиостанции нужно беречь - на морозе можно быстро его посадить. Теперь нужно постараться расслабиться и заснуть.

В половине первого мгновенно просыпаюсь и сразу к окну. Вроде ветер успокоился, перестало пуржить. Заиндевшие иллюминаторы говорят об очень сильном морозе за стенами приюта. Одеваем на себя пуховки, сверху натягиваем гортэксовские костюмы. Внизу, в «предбаннике» Приюта, натягиваем ботинки с бахилами, закрепляем на них кошки. Для защиты лица от ветра одеваем горнолыжные очки и специальные маски, похожие на хобот, а затем, включив налобные фонари, похожие на фантастических инопланетян, пошатываясь, выходим на улицу. Наша улица без тротуаров и автомобильных дорог ведет в ледовое царство Эльбруса. И не дай Бог заглянуть в закрома этого царства... Много раз приходилось ходить по этой «улице» и всегда на первых шагах тебя сковывает всепроникающий космический холод.

Как бы тепло ты не одевался, привыкнуть к необычной атмосфере тяжело. Через полчаса хода расхаживаешься и набираешь нормальный темп движения.

Как и наметили, к четырем утра подходим к месту, где предположительно должна была находиться двойка. Еще темновато. Видимость метров сорок, но фонари пробивают далеко. Начинается неприятный западный ветер. Включил рацию и сообщаю многократно: «Я «Луч-3» на приеме. Аркадий ответьте». В эфире тишина. Собрались вместе и одновременно в шесть луженых глоток позвали ребят. В ответ - только завывание ветра. Занудно напоминаю спасателям о возможности угодить в трещину и, разбившись на двойки, связавшись, идем цепью в зону трещин. Переживаю за ребят, да и у самого от страха в горле противный холодок. Свежий снег закрыл трещины. Любой неосторожный шаг может оказаться в пустоту. Три с лишним часа шарахаемся по трещинам. Нигде никаких следов. На первой связи сообщаю на КСП о поисковых работах. Прошу подмоги. К восьми часам к нам подходят земляки пропавших ребят. Отец Аркадия подавлен. Рассказываю о ночных радиопереговорах. Предлагаю им осмотреть участок необследованного склона и уйду со спасателями под Восточную вершину, постепенно спускаясь вниз в сторону Ледовой базы. Может быть там найдем следы. Поработав целый день, почти до темноты, следов мы не нашли. На поиски по призыву КСП вышли общественные спасательные отряды. На третьи сутки в ущелье Ирикчат один из спасательных отрядов встретил Эльвиру, жену Аркадия. Она поведала о том, что Аркадий приблизительно через полчаса после последней радиосвязи, сказал ей, что нечего ждать и нужно искать путь вниз. Эля уговаривала его не двигаться с места, тем более его мучила «снежная слепота» и была потеряна одна «кошка». Но Аркадий резко ушел в темноту и Эля, закричав бросилась за ним. Голос его она услышала правее в метрах пятнадцати, но когда подошла никого не увидела. Начала ходить вокруг, а с рассветом оказалась в незнакомой местности. Решила потихоньку спускаться вниз, пока не набрела на спасателей.

В течение лета всем выходящим на Эльбрус группам давалось задание внимательно осматривать склоны. Приезжали на КСП мать и отец Аркадия. Приходилось подробно рассказывать о последнем радиообмене. Спустя год родители парня, снова приехав на КСП, во время очередных бесед начали заговариваться, настаивая на том, что Аркадий жив и где-то ждет их...

Вновь и вновь проводились поисковые работы. Безрезультатно. Возможно, Аркадий заинтересовался закромами ледяного царства птицы Симуург...

Много лет спустя горные туристы путешествовавшие в верховьях ущелья Ирикчат наткнулись на вытаявшие останки. Вызванные спасатели, обнаружили на обрывках одежды номерной жетон члена спасательного отряда. По номеру жетона был опознан Аркадий.

ОДНАЖДЫ ЗИМОЙ

После долгого беснежья неожиданно началась метель. словно природа, пожелав восполнить упущенное, начала вываливать все свои запасы снега на относительно небольшой участок Земли. Снегопад сопровождался сильным ветром, завывание которого бут-то вопль дикого зверя проникал сквозь стены в здание контрольно-спасательного пункта.

Как бы невзначай этой точкой на огромной планете оказалось Приэльбрусье. Если представить, что эта территория занимает всего около тысячи квадратных километров и зимуют на ней всего два спасателя, то окажется она огромной. Приблизительно так философствовали оставшиеся зимовать спасатели КСП Виталий Вольтинский и я. Остальные штатные спасатели уехали в отпуск.

Виталий опытный альпинист, прекрасно знал район. Он много лет проработал инструктором в альпинистском лагере «Эльбрус», участвовал в сложных восхождениях, спасательных работах, но это было всегда летом. Нынешняя зимовка у него оказалась первой. В зимние вечера он любил читать мировых классиков, в частности Шекспира в подлиннике. Однажды он так зачитался, что заснул, забыв затушить сигарету. Проснулся я ночью от неприятного запаха. Выскочил в коридор из своей комнаты, а из каюты Виталия валит дым. Заскакиваю к нему. На полу лежит одеяло с огромной уже пропаленной дырой, а на кровати спокойно спит Виталий с книгой в руках. Сон пропал, и мы начали беседу на философскую тему, обосновывая свою значимость, выпавшей нам миссией, обеспечивать безопасность людей на одной тысяче квадратных километров. При этом, не забывая проветривать задымленное помещение. Под утро метель утихла, и мы улеглись досыпать. Мне показалось, что я только успел закрыть глаза, как раздался голос Виталия:

-Валера, вставай. Спасаловка. Надо идти на Эльбрус.

Сон прошел мгновенно. Виталий продолжает:

-Только что прибежал парень и сообщил о гибели своего напарника.

Оказывается эти ребята, приехав издалека, потихоньку, не зарегистрировавшись, решили сходить на Гору. Переждав на «Приюте 11», окончания пурги, молодые альпинисты решились на восхождение. Пройдя снежный склон чуть выше Приюта, они вышли на лед. По ходу подъема у напарника из-за плохой подгонки начала слетать то одна, то другая кошка. На кругом ледовом взлете перед скалами Пастухова очередной раз слетела кошка. Срыв окончился трагически. Тело оказалось недалеко от Приюта.

Прибежавшего парня, его звали Геннадием, мы напоили чаем, накормили, и собрались на гору спускать тело. Сборы были недолгими. Виталий предложил идти в снегоступах. Я настаивал, что нужно подниматься на ски-турах. У меня возникло сомнение в том, что нам под силу вдвоем спустить тело, а Виталий был уверен, что, тело в акье, спустить нам удастся. Так с небольшими разногласиями, каждый, оставшись при своем мнении, мы ушли наверх.

Подъехав на канатной маятниковой дороге до станции «Мир» и, выйдя на склон, мы увидели огромные снежные заносы. Естественно кресельный подъемник не работал и поэтому каждый из нас надел на ноги свое снаряжение - я ски-туры, а Виталий снегоступы. Отойдя на некоторое расстояние от «Мира» мы оказались в снежной пустыне. Сильный мороз затруднял дыхание. Над нами было пасмурное зимнее небо, а под ногами бескрайние поля, покрытые снежными барханами. Никаких ориентиров. Иду впереди на одной интуиции. Виталий за мной движется, но постепенно отстает, проваливаясь в сухой перемороженный снег. Снегоступы не помогают. Идешь вверх, а кажется, топчешься на месте. Крутизну склона не ощущаешь, но камуса на лыжах держат хорошо и, поэтому продвигаешься. Главное не проваливаешься. Стараюсь утапывать снег, чтобы Виталий чувствовал себя комфортней. Обычно, даже зимой расстояние до «Приюта 11» в спокойном темпе проходил часа за два. Сегодня же работаем на «полную кагушку», а продвижения почти нет. Ориентиры, столбы на которых был провешен силовой кабель, были частично занесены полностью и только местами торчали над снегом тридцатисантиметровые черные верхушки. По этим верхушкам отгадывал направление. Наконец, перед нами появился, словно корабль в бескрайнем море овальный корпус Приюта. Взглянув на часы, удивился. Мы шли налегке, в рюкзаках были только аптечка, фонари да перекус, семь часов. Еще более удивительно было увидеть здесь большую группу питерских альпинистов, которыми командовал известнейший альпинист, один из первых восходителей страны Советов на Эверест, Владимир Балыбердин. Его группа в порядке подготовки на один из восьмитысячников поднялась сюда для акклиматизации. Володя нас тепло встретил и предложил помощь по транспортировке. Мы ее с благодарностью приняли.

Транспортировочные работы в горах всегда связаны с невероятными физическими нагрузками, но по такому глубокому и сухому снегу они оказались запредельными. Несмотря на тридцатиградусный мороз с ветром, было очень жарко от прикладываемых усилий. Девятнадцать акклиматизированных спортсменов, дотащив акью с телом до станции «Мир», долго приходили в себя. Виталий, подойдя ко мне, скупно с хрипотцой в голосе произнес.

- Да, Валера, ты оказался прав. Не ожидал, что потребуется столько сил.

Погрузили акью в вагончик и туг один из участников питерской команды, сняв капюшон пуховки, здороваются со мной.

- Валера, привет! Не узнаешь?

Да как же не узнать прекрасную альпинистку. Девушку звали Елена Кулишова. Мы работали с ней инструкторами в замечательном альпинистском лагере «Варзоб». Промелькнули воспоминания, когда Лене чтобы получить мастера, нужно было сходить на «шестерку», маршрут в альпинизме высшей категории сложности. А перед этим Олег Капитанов, дружище КЭП, предложил взять Лену для просмотра на первопрохождение одной стены в Сиаме. Откровенно говоря, я возражал, но КЭП настоял. С нами еще шел Валера Куцряшов, один из сильнейших альпинистов Татарстана. После горы мужики не разочаровались в хрупкой на первый взгляд партнерше, но оказавшейся внутренне волевой и технически сильной. Она смогла, например, проходить вертикальную нависающую сороковку за пять минут - не все мужчины на это способны. Кстати, этот маршрут стал именоваться 4К по первым буквам наших фамилий. Вопрос о «шестерке» был решен. Лена прошла с нами Ягнобскую стену и на крыше, достав из скального рюкзака неучтенную бутылку шампанского (а на такой стене каждый грамм веса был на учете), отметила с командой ее вступление в клуб мастеров. Да и тут, на Эльбрусе, среди спасателей девушка, кандидат в команду на один из гималайских восьмитысячников, работала на равных и открыла личико только после окончания транспортировочных работ.

Зима на удивление оказалась очень длинной. Еще не раз мы выходили на спасательные работы.

ВРЕМЯ ВСПЯТЬ

Время неминуемо убегает. И никаким силам не повернуть его вспять. Прошло много лет, но сознание бессилия, проявленное во время спасательных работ из-за отсутствия необходимого инструмента, будоражит воспаленную память.

После начала смены приходит на КСП начальник учебной части одного из альпинистских лагерей за разъяснением правил. Правила гласили, что заниматься альпинизмом разрешено с шестнадцати лет, а в альплагерь по путевке приехала девочка четырнадцати лет.

- Все нормативы по физической подготовке сдала, но можно ли допустить девочку, если не на восхождение, то хотя бы к занятиям в высокогорной зоне. К учебным занятиям по прохождению травянистых склонов, скал, снега и льда.

- Допустить ребёнка к таким занятиям можно при условии, если родители дадут письменное согласие, а тренер возьмет на себя ответственность за обеспечение безопасности - разъяснил пункт правил инструктор КСП.

Накануне выхода в высокогорную зону позвонили домой. Катина мама в тот же день прислала телеграмму в альплагерь с согласием на занятия дочкой альпинизмом.

Как всегда перед выходом был объявлен выходной день. Часть ребят, в том числе и Катя, уехали в город покупать билеты на обратную дорогу. Касса оказалась закрытой, и ребята решили прокатиться на рейсовом автобусе в Терскол под вершину Эльбрус. Затем, добравшись до маятниковой канатной дороги, поднялись до станции «Мир». Погода была великолепной. Главный Кавказский хребет, расположенный напротив, пленил взгляд своей красотой. Снег в солнечный летний день на высоте 3500 метров слепил глаза. От высоты немного кружилась голова. Хотелось подняться еще выше. Ребята, опьяненные высотой и увиденным, сели на кресельную дорогу и поднялись на Гарабаши. Высота притягивала.

Здесь, на высоте 3900 метров, в июле, среди вечных снегов, Катя увидела парня, предложившего за символическую плату прокатиться на снегоходе. Отказаться было невозможно. «Буран» с места развил большую скорость, оставляя за собой шлейф снега. Футболка и брючки из синтетической ткани облегли тоненькую фигурку девчонки, сидевшей на сидении за водителем. Волосы её развивались на ветру. «Буран», яростно рыча, понёсся на второй круг и вдруг, как конь на скаку, застряв в ледовой трещине, резко остановился. Водитель, пролетев через руль, рухнул в трещину, а Катя, не успев испугаться, встала на сиденье заглохшего снегохода и начала звать на помощь людей, находившихся в метрах ста от них. Несколько человек бросились на помощь. Когда люди подбежали к снегоходу, произошло непредвиденное. Катя на глазах у всех, потеряв равновесие, соскользнула с сиденья и улетела в трещину. Водителя снегохода, застрявшего недалеко от поверхности ледника, быстро достали из трещины подоспевшие спасатели и тренеры школы инструкторов. Он отделался небольшими ушибами и с подозрением на сотрясение головного мозга был отправлен в ближайшую больницу. Трещина конусом уходила в глубину ледника. Катя проскользнула значительно ниже и её заклинило в горизонтальном положении на глубине пятнадцати метров от поверхности.

Много раз к ней спускался Виктор Автомонов, профессиональный спасатель, но лед в трещине сужался до щели размером в две ступни. Подобраться к пострадавшей, застрявшей еще метров на пять ниже, было

невозможно. По краям трещины стекала талая вода и потоком лилась на девочку. Она стонала и просила побыстрее ее выволить. Работать спасателям приходилось по одному - больше не помещалось в узком

пространстве. Чтобы расширить ледовую трещину, пытались рубить лед то туристским топориком, то топором с укороченной рукояткой. Другого

инструмента не было. А лед сопротивлялся спасателям, работавшим в подвешенном состоянии на страховочной веревке вниз головой. Парни

менялись через каждые пять минут, но работа продвигалась очень медленно. Вырубались сантиметры, а необходимо было вырубить кубические метры

вечного льда.

Спустя два часа стоны прекратились. По всем признакам от полученных травм и переохлаждения сердечко у девочки не выдержало. За шесть часов смогли лишь приблизиться к телу. Только на следующий день, к полудню, спасателям удалось выволить бездыханное тело из ледового плена.

Прошло много лет. Невозможно забыть отчаяние и беспомощность профессиональных спасателей. Даже всесильному Гераклу, герою из древнегреческой мифологии, руками не раздвинуть ледовую трещину. И люди, несмотря на нечеловеческие усилия, такое совершить не смогли. Эльбрус забрал очередную человеческую жизнь...

Теперь спасательная служба обеспечена специальными бензопилами, с помощью которых можно распилить многовековой лед в узкой трещине значительно быстрее, чем рубить традиционным топором. Увы, время не повернуть вспять... Хотя появление необходимых инструментов у спасателей вселяет надежду.

ПРОГУЛКА

Приехали из соседней горной республики гости с грандиозными планами. Было желание снять фильм о прыжках парашютистов с приземлением на вершине Эльбруса. В первый день приезда четверо операторов и столько же парашютистов, сев в вагончик маятниковой канатной дороги, поднялись на верхнюю станцию «Мир». Выйдя на смотровую площадку и увидев невообразимую красоту главного Кавказского хребта, им захотелось подняться еще выше. Компания уселась на кресельную дорогу и, доехав до Гарабаши, стала подниматься к Приюту одиннадцати. С каждым шагом расширялся обзор, появлялись новые красоты. Ярко светило солнце. Только далеко над Западной вершиной стайкой виднелись перистые облака. Они изящными, почти параллельными дужками застыли в голубом небе. Воодушевленные необычной обстановкой - высота, снег в июльский день, окружение высоких гор на фоне голубого неба, гости потянулись от приюта еще выше. Появилось желание подойти к скалам, заманчиво выделявшимся на снегу. Казалось, протяни руку и дотянешься до брошенных на снежном просторе камней. И люди потянулись вверх. Им казалось, что еще минут десять-пятнадцать и они будут у цели. Под ногами, обутыми в городские туфли, стелился некрутой снежный склон. Потеплело. Одетые в обычные выходные костюмы с галстуками, они не чувствовали прохлады, ощущаемой на этой высоте. Поставив перед собой цель быстренько подойти к скалам, наши туристы не заметили, как безобидные облачка из перьев превратились в сплошную облачность, постепенно окутавшую их. Исчезла видимость, пропал заволаживающий пейзаж. Люди потерялись в облаке.

Искали пропавших спасательные отряды четырех альпинистских лагерей, свыше ста человек. Все эти дни над Эльбрусом носилась пурга. Лишь на третьи сутки семеро человек нашлись в боковом ущелье Ирикчат. Спускаясь с Эльбруса при отсутствии видимости, многие восходители попадают сюда, вероятно из-за физиологического состояния человека. Левая нога у большинства людей слабее, а боковой ветер подталкивает сворачивать влево по ходу. И люди попадают в ущелье, пройдя при этом разорванный ледник. А это сравнимо с прогулкой по минному полю.

Трехсуточное пребывание на высоте в непогоду не прошло без осложнений. От обморожения лица, руки и ноги пострадавших оказались черными и у всех наступила снежная слепота. Их походка напоминала пошатывания пьяного человека, а речь была неразборчива. На вопрос о восьмом спутнике отвечали сбивчиво, нечленораздельно. Спасатели немедленно всех отправили в ближайшую больницу с опасным диагнозом - «гипотермия». Выяснили только, что на месте пропажи попутчика они оставили лыжную палку. Как обнаружить на бескрайних снежных просторах крупнейшего эльбрусского ледника лыжную палку? С воздуха за двухчасовой облет просторов Эльбруса на вертолете ничего не обнаружили. Тогда вышли на поиск спасатели. Инструктор контрольно-спасательного пункта Владимир Болонин, руководивший одной из поисковых групп, через сутки нашел в снежной пустыне торчащую из снега рукоятку лыжной палки. Во время пурги палку занесло снегом и лишь черная рукоятка торчала на поверхности. Многие профессионалы поразились Володиной интуиции. Инстинкт спасателя сработал безошибочно. Сняв слой снега, спасатели увидели небольшое круглое отверстие в которое и спустился Володя. На глубине тридцати метров он нашел замерзшее тело восьмого участника прогулки.

ВЫСОКОМЕРИЕ

Привлекательность гор, как в будние дни, так и в период праздников не оставляет спасателей без работы. Вырвавшись из суеты городов, люди жаждущие взойти на гору, порой любой ценой, стремятся постоять на вершине. Если в спасательную службу приходят восходители

регистрироваться и просят совета, спасатели всегда расскажут, как и где можно в кратчайший срок, например, пройти акклиматизацию, подскажут о состоянии маршрута, временной график и особенности планируемого

восхождения. Замечена интересная закономерность - чем выше квалификация спортсменов, тем внимательней они прислушиваются к советам спасателей. Восходители, пренебрегающие опытом спасателей, порой попадают в экстремальные ситуации.

Многочисленная французская группа приехала в Приэльбрусье по приглашению федерации альпинизма. С французами, среди которых в большинстве были дети, гидами назначили спасателей КСП. Сопровождавшие детей, представились опытными гидами. Два

французских гида с гордостью сообщили, что недавно побывали на Монблане. Одеждой и скальным снаряжением они выгодно отличались от наших спасателей. В течение недели на скалах совместно занимались, присматривались друг к другу. А, когда спасатели предложили позаниматься на снегу и льду - ведь в планах группы было восхождение на Эльбрус, французы с пренебрежением ответили, что им этого не надо.

- Мы на эту гору и в кроссовках зайдем! - вещал самоуверенный руководитель.

На скальных занятиях тоже сквозило пренебрежение к нашим профессионалам. С французскими альпинистами работал многоопытный инструктор, мастер альпинизма, профессиональный спасатель Леонид Андреев. Очень скромный, человечный Леонид в своем альпинистском багаже имел опыт восхождений и спасательных акций на скальных вертикалях и высотных маршрутах высших категорий трудности, иногда в сложнейших погодных условиях. Перед восхождением на Эльбрус французский руководитель, вместо того чтобы посоветоваться с Андреевым с гонором заявил ему, что приставленные к ним российские альпинисты годятся им только для переноски груза. Леонид, удивившись такому отношению к себе и другим спасателям, поделился со мной впечатлениями.

-Леша, на этого хамоватого человека не обращай внимание. Главное следи за безопасностью и во время окажи помощь, если она понадобится.

Исходя из опыта нашей работы, я сделал вывод - Эльбрус великая Гора и она равняет на своих склонах всех, и мастеров и новичков. Перед этой горой все равны как в бане. Пренебрежение всегда приводит к предсказуемому финалу. Гора требует к себе уважения.

Прошли сутки, после того как группа поднялась к «Приюту 11». Ночью намечен выход. Погода способствовала восхождению. Как всегда на высоте стоял крепкий мороз. С Леонидом поддерживаю радиосвязь. Через час после выхода на гору в эфире раздается голос Андреева:

-«Луч»! Я «Луч»-4, из-за горняшки на грани потери сознания

руководитель французов. Начинаем его транспортировку. Дети, обутые в легкие трековые ботинки, мерзнут и тоже спускаются вниз в

сопровождении спасателей.

Эльбрус ответил на высокомерие по отношению к себе и к советам профессионалов - Он не пустил зазнаек к себе на вершину.

В том же сезоне в Приэльбрусье побывал Жан Клод Мурме один из сильнейших альпинистов Франции, в то время Президент федерации альпинизма этой страны. Он очень внимательно с подробностями интересовался любыми деталями и условиями восхождения на Эльбрус, прежде чем выйти на гору. Мы постарались дать ему исчерпывающую консультацию. Восхождение гранда французского альпинизма и его товарищей увенчалось успехом.

КРЕПКОЕ СЛОВО

Случилось так, что пришлось по просьбе одного моего знакомого сходить с группой молодых немцев на Эльбрус. По рассказу товарища его клиенты имели слабую акклиматизацию, но физически были крепкими. Вечером, накануне восхождения, ужиная на «Приюте 11», переговорил с клиентами о тактике восхождения. Предупредил о том, что успешным восхождение возможно при условии, если все двенадцать человек будут беспрекословно выполнять мои команды. Заглянул каждому в глаза и предложил:

-Подъем в час ночи, а выход в два. Если удача будет на нашей стороне, за двенадцать часов мы сможем подняться на вершину и спуститься к приюту. Это обычный темп средней по силам группы. Согласны ли вы на такие условия?

-Да, да, да! - заявили подопечные.

Погода не очень способствовала восхождению. Дул сильный западный ветер, отчего по лицу больно били твердые снежинки. Иду впереди группы и краем глаз поглядываю на ребят. Шагают, сосредоточено и молча. Когда вышли на вершину, погода совсем испортилась, и спуск начали все также собрано. Видимость почти нулевая. Ориентируюсь по едва различимым вешкам и, возможно, лишь мне известным отметкам на рельефе. Как только спустились ниже скал Пастухова, ветер сдул облачную пелену, и сразу мы увидели здание «Приюта 11», издали похожее на огромный трехпалубный корабль. Посмотрел на студентов - они все хорошо себя чувствовали, и решил дать им небольшое послабление.

-Ребята, впереди вы видите «Приют 11». Можете свободно, в своем темпе, без меня добираться.

Реакция была мгновенной. Стройный ряд рассыпался, они бегом рванули

вниз. Я же в своем обычном темпе пошел за ними. Прошло минут десять. Снова облачность начала накрывать склон. «Приют 11» еще недавно хорошо

просматривавшийся вдруг исчез. И тут я увидел как толпа восходителей

вместо того, чтобы идти прямо вниз, начала уклоняться вправо. А там зона трещин! Люди были ниже меня метров на двести. Как остановить их? До

этого я общался с клиентами на плохом английском, и мы друг друга понимали. Но, когда я увидел, что люди в опасности, весь небогатый запас английских слов мгновенно испарился. И вдруг осенило.

-Ахтунг! Ахтунг! Мать вашу, - гаркнул я во всю глотку.

Немцы встали как вкопанные и оглянулись на меня. Когда я подошел к ним через несколько минут, они стояли вытянувшись по стойке «мирно!». Рядом в метрах пяти зияли бездонные трещины, некоторые из которых были предательски закрыты снегом. Так называемые ловушки. Как можно мягче объяснил и показал, где они могли очутиться. Молча, гуськом немцы побрели дальше за мной.

В кафе под Эльбрусом, утолив жажду пивом, молодежь разговорилась. Благодарили меня за восхождение, радуясь тому, что в этот день только они одни из многих групп смогли сходить на гору. О трещинах ни слова.

ДЕНЬГИ

Однажды по тревоге спасатели поднялись к «Приюту 11». Нам сообщили, что на горе потерялся человек. Такой сигнал всегда волнителен. Но, где искать ?

Прежде чем искать человека на площади около 150 кв.км, покрытой ледниками с многочисленными трещинами, необходимо уточнить хотя бы когда и в каком направлении ушел пропавший. Зная ответы на эти вопросы, в снежно-ледовой пустыне найти человека чрезвычайно сложно. Шанс найти пропавшего более суток даже, если известно время выхода и направление движения на склонах Эльбруса, небольшой. На пятитысячной высоте без теплого питья, палатки, без возможности закопаться в снег, при ураганном ветре с морозом выживаемость человека приближается к нулю. Печальная статистика Горы подтверждает эти рассуждения.

После первых вопросов к знакомым пропавшего человека, приехавших к спасателям из соседнего региона, выясняется, что уже прошло две недели с тех пор, как пропал их знакомый. Поразительным оказалось то, что пропавший был инвалидом по зрению. Оказывается, что вечером после ужина на «Приюте 11», а это на четырехтысячной высоте, парень сам вышел из помещения без сопровождающего и... не вернулся. Возникло сразу множество новых вопросов, один из которых, почему эти люди молчали две недели. Но ответом на такие вопросы пусть занимаются правоохранительные органы. А мы спасатели пошли искать.

Что можно предпринять в такой ситуации? Спасателям довольно часто приходится работать на склонах большой Горы. Им, увы, известны места, куда при срыве улетают тела, - это так называемые «трупосборники». Одно из таких мест находится неподалеку от Приюта - там ледник на перегибе разрывается на многочисленные глубокие трещины. Понятно, что вести поиски в такой зоне даже опытным людям смертельно опасно. И вот, спустя две недели после случившегося, спасатели добровольно, рискуя жизнью, начали поиск в районе этих трещин. Дальше неопытный человек, тем более слепой, уйти не смог бы. За двое суток сложнейшей работы - никаких следов. Понимая бесперспективность и опасность нашего труда, приказываю прекратить поисковые работы. Никому не дано право распоряжаться жизнью других людей, а тем более, приказывать «искать!» с риском для жизни. Остановить неоправданный риск моральное право у меня было. Сочувствую родственникам и близким пропавшего.

Через сутки прекращения поиска на контрольно-спасательный пункт приехали какие-то люди, вызвали меня в коридор на разговор и, потребовали возобновить поиски, предлагая пачки денег.

Этих людей я оставил среди валявшихся на полу денежных знаков.

ВОСКРЕСЕНИЕ

Время от времени в спасательную службу обращаются с удивительными для нашей страны просьбами. Скажем, привел как-то к нам один гид своего подопечного из Греции с травмой руки. Посмотрел я на руку - несколько царапин. Предлагаю помазать их зеленкой. Пострадавший отказывается. А гид рассказывает: перед восхождением на Эльбрус сходили они для

акклиматизации в район бивуака «зеленая гостиница», что в ущелье Адылсу, и возвращались вниз. Грек увидел вольно пасущихся лошадей, подошел к одной из них и протянул ладонь. Лошадь обнюхала пустую руку и с возмущением ее укусила. Советую ему в следующий раз протягивать животным хотя бы конфету, тогда можно обойтись без травм. Грек шутки не понимает и требует срочно вызвать хозяина лошади, ветеринара, полицию, представителя страховой компании. А где в высокогорье их найти?! Ну, как ему объяснить, что таких служб здесь и в помине нет и, что его страховка в нашей стране не действует! Обиженный грек уехал на Эльбрус. С его склона парень по мобильному телефону связался со своей мамой в Греции. Она, кстати, профессор медицины. По ее совету сынок должен был срочно покинуть Приэльбрусье, а затем и страну, чтобы сделать прививку от бешенства на родине. Но сын решил, послушавшись маму, сначала сходить на Эльбрус, и лишь потом поехать домой. Однако события неожиданно начали развиваться по другому сценарию.

Обычно гиды сопровождают своих клиентов на протяжении всего восхождения на Эльбрус. На этот раз они почему-то довели греческих альпинистов до скал Пастухова и вернулись в гостиницу. Сходя на

вершину, иностранцы, на спуске в тумане, разбредлись. В базовый лагерь не вернулся как раз этот укушенный грек. Гиды обратились в спасслужбу и во второй половине дня на поиски пропавшего вылетел вертолет.

Быстро темнело. Кончался ресурс разрешенного для полетов в горах времени. И вдруг, во время одного из последних заходов вертолета, в стороне от вершины, на западном склоне горы, спасатели увидели лежащего на снегу человека в ярком костюме. Человек неподвижно лежал на спине с широко раскинутыми руками и ногами. В такой одежде были только греки. Пилот подлетает к лежащему, делает над ним три круга, но тот не шевелится. Никакой реакции на вертолет. А прошли уже сутки с момента пропажи альпиниста! Выжить же без палатки и примуса на пятитысячной высоте Эльбруса шансов мало. Решили, что альпинист в помощи, увы, уже не нуждается, а за телом прилететь можно и утром.

Плотный и холодный утренний воздух еще окутывал склоны Горы, когда вертолет подлетел к месту, где накануне был обнаружен ни на что не

реагировавший человек. Однако, там никого не было! Поразительно: вчера тут лежало неподвижное тело. Зверей на Эльбрусе нет, утащить не могли. Мелькнула сумасшедшая мысль: «Сбежал «жмурик», но разве такое бывает?!»

Полетав несколько минут, спасатели вновь увидели лежащего на снегу человека в той же позе, но достаточно далеко от вчерашнего места. Отряд высадился из «вертушки», готовый к транспортировке тела. Каково же было удивление спасателей, когда альпинист оказался живым и почти здоровым! Только на лице осталась расписка Эльбруса в виде темных пятен

обморожений. Невероятно: без палатки, без горячего питья, он провел на высоте около пяти тысяч метров более суток! Здесь всегда воздух ледяной, такой, что даже дышать больно. Иногда кажется, что внутренности

покрываются изморозью. А парень, приехавший из теплой Греции, выжил! Правда, одет он был не по-спартански. Тонкое шерстяное белье дополняло флисовое, затем теплая пуховая куртка, а сверху непродуваемый и непромокаемый костюм из ткани «gore-tex». Руки и ноги тоже были надежно защищены современными альпинистскими соответственно рукавицами и ботинками.

Выпив горячего чая, найденыш долго что-то рассказывал на английском языке про маму, про Бога... Лепетал о том, что он специально лежал на снегу, расставив руки и ноги, предполагая, что такая поза будет

выглядеть как просьба о помощи. А ему надо было, услышав звук

приближающегося вертолета, хотя бы поджечь любую тряпку. Ведь дым хорошо просматривается с воздуха. Мог бы, вскочив на ноги, интенсивно помахать курткой или другим предметом. Отмашку так же увидели бы спасатели.

Спасатели в восторге от того, что обнаружили парня живого, по-русски вторили ему и о Боге и об его матери. На радостях внизу выпили за

воскресшего грешника земли, при этом опять вспоминая его маму и Бога. Главное жив!

Впоследствии гиды, имеющие высокую альпинистскую квалификацию во всех грехах почему-то обвиняли спасателей, перекладывая на них

ответственность за потерю своего клиента. Мол, нужно было

десантироваться в первый день. К сожалению, часто бывает -

перекладывается вина с больной головы на здоровую - так легче

оправдаться перед своей совестью. А спасатели выполнили свое предназначение, вернув домой, на Землю одного из воскресших на Горе.

ПЕРВАЯ ЛЕДИ

Обычно летом, во время массового паломничества на Эльбрус, небольшой спасательный отряд постоянно дежурил на «Приюте одиннадцати». Спасатели старались дать консультации по тактике восхождения. Иногда охлаждали горячие головы, готовые, например, штурмовать Гору в обычной обуви или явно не подготовленные для этого предприятия. В разгар сезона спасатели выше скал Пастухова всегда устанавливали на снегу вешки, по которым в непогоду можно было бы альпинистам ориентироваться на склоне. К сожалению, довольно часто приходилось мчаться наверх за попавшими в беду восходителями. Во время отборок в гималайские экспедиции некоторые спортсмены проходили участок от «Приюта 11» до седловины за час с небольшим. За плечами у них никакого груза не было, а спасатель всегда нес с собой аптечку, продукты, запасную одежду, иногда кислородный баллон, преодолевая расстояние от «Приюта» до седловины за два часа пятнадцать минут. И это при сильном ветре, а порой в пургу. Каковы усилия при таком движении на высоте пяти и более тысяч метров, может оценить лишь человек, прошедший сам этот участок в подобном темпе. Кроме того, спасателям необходимо распределить свои усилия так, чтобы хватило сил на оказание первой медицинской помощи и транспортировку пострадавшего вниз. Запретельные нагрузки при дефиците кислорода - вот что испытываешь при таком движении.

В одно из таких дежурств Леонид Андреев, менеджер международного альпинистского лагеря, сообщил мне по радиации, что наверх поднимается группа из тринадцати японцев во главе с Джункой Табей. Мы, обычно, спокойно относились к особам с известивши именами, появлявшимся в зоне нашего внимания. В конечном счете, как это не банально звучит, все они - потенциальные клиенты спасателей. Гора всех уравнивает. Но в данном случае я проявил интерес. Ведь Табей - первая женщина планеты, взошедшая на самую высокую гору Земли - на Эверест (8848 метров над уровнем моря). Леонид, с которым мы много лет проработали в Контрольно-спасательном пункте, вместе ходили на горы, попросил уделить ей внимание. По плану Джунка и ее партнеры в первый день пребывания в Приэльбрусье должны были остановиться в гостинице «Иткол». Но они посчитали, что предшествующего восхождения на высшую точку Африки - шеститысячный Килиманджаро, - достаточно для акклиматизации, и сразу направилась на «Приют 11». Не учли японцы нашей тогдашней советской действительности. Обычно иностранцы, выходя в высокогорную зону, обеспечивались продуктами, которые заранее выписывались в бухгалтерии гостиницы. Но прибыли они в пятницу, в конце рабочего дня, когда сотрудники обслуживающей сферы уже ушли домой. А впереди - выходные и выдавать продукты никто не будет. Все это по радиации Леня мне объяснил и попросил как-нибудь сутки японцев поддержать продуктами. Конечно, это не функции спасателей, но что не сделаешь, если просит кореш.

Когда отправляешься на высокогорное дежурство, тащишь на себе строго рассчитанные на период пребывания там вещи и продукты. Поэтому у нас было не густо с продуктами. А тут еще тринадцать дополнительных ртов. Зашел к коменданту «Приюта» Косте Хапаеву и попросил в долг буханку хлеба и пачку сахара, чем он по-приятельски поделился со мной. А у нас в достатке были чай и печенье. Предположил, что вечер и утро продержимся, а днем Андреев обещал разбиться в лепешку, но продукты раздобыть и доставить клиентам наверх. Радужно встретил японцев, общаясь с ними

через переводчика, сопровождавшего их. Шура, так звали переводчика,

учился на последнем курсе московского института иностранных языков и довольно бойко общался со своими подопечными. Худой, длинный паренек ничего общего с альпинизмом никогда не имел. От высоты 4200 ему поплохело, но держался парень мужественно и старался переводить как можно лучше. Из талой снеговой воды я сварил чай и, пригласив гостей в уютную компанию на втором этаже «Приюта», выложил на стол добытую буханку хлеба и наш сахар с печеньем. Поедая скромные порции, японцы оживленно расспрашивали о специфике восхождения на нашу Гору. Затем, вдруг, как по команде все встали и пошли отдыхать, сказав, что ночью выйдут на восхождение. Пытался объяснить, что в первые сутки нужно пройти акклиматизацию, поднявшись сначала к скалам Пастухова и только на

следующие сутки, при хорошем самочувствии и погоде, можно выходить на гору. Предупредил, что появившиеся на небосклоне перистые облака (cirrus) и застрявшее между вершинами Эльбруса чечевицеобразное облако - явные признаки наступающей в ближайшие

часы непогоды. Они, улыбаясь, поблагодарили за рекомендации, но решение не изменили. Ну что ж,

вольному воля.

Утром проснулся от воя ветра. Пуржило. Японцы уже ушли. Через час с небольшим, пройдя вверх всего метров триста, они вернулись. По выражению лиц восходителей было видно, что эта кратковременная вылазка им

досталась не просто. Опять угощаю чаем с тем же хлебом и сахаром. А тут Леня по связи сообщает, что ничего из продуктов, к сожалению, не может раздобыть.

В обед японцы достают маленькие пакетики из своего неприкосновенного запаса, распускают содержимое в горячей воде и, ловко орудуя палочками, поглощают бурду, похожую на рисовую кашу. Подарив свои палочки, они тщетно пытались учить меня ими пользоваться. Так проходит субботний день.

Несмотря на шквальный ветер, в ночь на воскресенье они снова выходят наверх. Видимости почти нет. Подождав пару часов, осознавая опасность, которая им грозит в такую погоду, выхожу наверх. Чуть выше скал Пастухова догоняю группу из девяти человек. Японцы еле двигаются. Пройдя с ними вверх еще с час, предлагаю на плохом английском спуститься в «Приют». Посоветовавшись между собой, они уныло побрели вниз. А я, продолжая подъем, прохожу косую полку и, выйдя на седловину, встречаю Джунку Табей и трех ее подруг - очень миниатюрных девушек. Они уже сходили на Восточную вершину и потихоньку спускаются.

Многие говорят, что альпинизм из-за огромных физических нагрузок не женский вид спорта. Но мне кажется, что во время восхождения на вершину важнее воля и стремление к выживаемости, а этого у женщин, посвятивших себя нашему спорту, не занимать.

Чувствуется, как много сил отдали девушки Эльбрусу. Они едва держатся на ногах. Достают термос с горячим чаем, угощаю. Немного ожили. Забираю у них рюкзаки и иду рядом. Японки постоянно валятся от усталости на снег, но идут. А ведь даже Норгей Тенсинг - первый в мире человек, взойдящий на Эверест, пытался взойти на наш Эльбрус и не смог, отшутившись тем, что гора не хочет его принять.

По рации прошу выйти навстречу к нам спасателей, дежуривших на «Приюте». Японцы планировали спуститься на лыжах с Эльбруса, но сил хватило лишь на то, чтобы дотащить ски-туры только до скал Пастухова. Теперь нужно было забрать снаряжение и довести обессиливших восходителей до Приюта. Сопровождая японок, помогаю подняться со снега то одной барышне, то другой. Лучше других чувствует себя Табей, но тоже еле передвигается. Подбадриваю их, угощая теплым чаем. Перед «Приютом» ускоряюсь, чтобы до прихода девушек вскипятить чай.

В кают-компании Джунка с друзьями увидела на столе все то же меню. А в это время ввалилась в гостиницу группа американцев, в сопровождении известного альпиниста Валентина Иванова. Шум и смех наполнили небольшое помещение столовой. Помощники Иванова быстро сервировали столы, выставив свежие овощи и фрукты, колбасы, паюсную икру и прочую калорийную вкуснятину. Валентин, представив меня американцам, рассказал о работе нашей спасслужбы и пригласил к столу. Стало неловко. Слишком разительно отличалось американское меню от японского. Посидев для приличия, несколько минут с новыми гостями, я вернулся к нашему с японцами убогому столу. Обращаясь ко мне на ломаном английском вперемежку с японскими словами, Джунка пыталась мне что-то сказать, с каждой фразой все больше раздражаясь. Прошу переводчика перевести ее претензии.

-Вы относитесь к белым лучше, чем к нам, желтым. Почему у американцев на столе такое обилие продуктов, а у нас нет? Где наши гиды? Где высотные носильщики? Почему вы не обеспечили нам восхождение? Ведь мы за все вам заплатили.

-Объясни ей, что она меня принимает не за того. Я спасатель, и моя здесь обязанность оказывать помощь всем восходителям - белые они или серо-буро-малиновые в полосочку. Кроме того, мы еще предупреждаем их о возможных опасностях на горе. И не наши проблемы, если восходители игнорируют советы и их восхождение срывается. О продуктах, гидах и носильщиках - это вообще не ко мне.

-Вы же помогали нам на спуске, но это недостаточно. Вы здесь представитель своей страны и обязаны обеспечить восхождение на вершину всей группе.

-За всю советскую власть и, тем более, за людей, пригласивших Вас, уважаемая Джунка, на Эльбрус и получивших за это деньги, я ответственности не несу. А то, что я помогал, то делал это не по обязанности, а потому что уважаю Вас как первую леди в альпинизме, сумевшую взойти на Эверест.

Джунка, несколько успокоившись, пригласила меня к себе в каюту и показала контракт. Переводчик дословно перевел написанное в этой бумаге. И тут в недоумении оказался я. В договоре с Совинтерспортом было оговорено, что группе под руководством Табей для восхождения на Эльбрус предусмотрено выделение каждому из тринадцати японских альпинистов по гиду, а четырнадцатый гид во время восхождения должен идти впереди группы, предупреждая о возможных ледовых трещинах, встречающихся по пути подъема. Кроме того, вещи японцев должны нести пять высотных носильщиков. Естественно оговаривалось, что питание клиентов будет высококалорийным, и принимающая сторона гарантировала, что все тринадцать человек выйдут на вершину. За эти услуги каждый японец

проплатил в Москве по тысяче долларов за день пребывания в Приэльбрусье. Всего за услуги уплачено семьдесят восемь тысяч долларов. Пытаюсь Джунке объяснить, что я к контракту не имею никакого отношения, однако, как мне показалось, она этому не поверила. Кстати, Лене Андрееву дельцы из интерспорта тоже ничего не сообщили об условиях контракта. Когда утихла непогода, японцы попрощались и ушли вниз.

Через три месяца я получил из Японии от Джунки Табей очень теплое письмо с извинениями и наилучшими пожеланиями. В письме она передала мне фотографии и написала, что разобралась, кто есть кто.

А через некоторое время я ощутил, что такое альпинистская солидарность.

После чернобыльской катастрофы увеличилась щитовидная железа у моей дочки. Врачи порекомендовали употреблять в пищу консервированную ламинарию. Связался я с бакинскими друзьями, попросив у них капусту. Подумав вначале, что мне нужны доллары, они готовы были оказать материальную помощь. Но когда оказалось, что нужны натуральные консервы из морской капусты, мой друг Расим Джафаров, инструктор альпинизма, партнер по связке, тут же выслал их в большом количестве. Кроме того, я узнал, что в Японии разработана методика лечения с использованием лекарства, дающего положительные результаты. В отчаянии, без всякой надежды на положительный результат, послал письмо Джунке Табей, и она сразу же выслала необходимые лекарства. В результате, благодаря усилиям друзей, моя дочь выздоровела.

ЧАСТЬ 4 – ИСПЫТАНИЯ

Спасатели почти никогда не знают судьбу своих подопечных, ради которых многие часы, а порой и сутки терпели лишения, рисковали и этим помогали пострадавшему добраться к больнице. Как складывается жизнь человека еще недавно абсолютно здорового и вдруг в результате аварии ставшего немощным инвалидом? И от этого никто не застрахован. Передалась ли энергия спасателей человеку которого они смогли вырвать из небытия. Какова судьба спасенного, возвратился ли он к нормальной жизни? Как найти в лабиринте жизни наиболее оптимальный вариант борьбы за статус независимого человека? Как достойно отстаивать свои права у бездушной чиновничьей оравы и при этом не стать несчастным просителем?

Авария настигает человека всегда внезапно и врасплох. Работая в экстремальных условиях профессионалом-спасателем, казалось, ты должен быть готов к любым неожиданностям. Подсознание подсказывает возможность возникновения аварии, но почти всегда предполагается, что она может произойти не с тобой, а с кем-то другим. Но авария происходит почти всегда не логично и вдруг...

И в этот раз на пятитысячной высоте Эльбруса при обычном ураганном западном ветре и сильном морозе спасатели готовы были ко всему. Однако мороза не выдержал металл, из которого сделана «кошка»... (см. «Жизнь на лезвии», автор)

Ответы на эти и многие другие вопросы подстерегающие человека, получившего инвалидность в результате несчастного случая на работе, хотелось бы, чтобы читатель нашел в дальнейших моих записках.

РЕАНИМАЦИЯ

Сознание как прилив, то накатывает волнообразно, то незаметно шурша уходит. В момент прилива сознания оглядываю огромную комнату называемую реанимацией. Три койки расположились треугольником. В каждом углу по человеку, а может быть по получеловеку. Ведь в любой момент душа может отделиться от тела. Кровати обвешаны проводами, впоследствии оказавшиеся подключенными в никуда. Так, для бутафории. Единственный работающий аппарат - это капельница, связанная с телом через иглу, вшитую под ключицу. Через иглу периодически вводят еще и обезболивающие препараты.

Почему-то все говорят шепотом или это так слышится. Напротив, в углу на койке, лежит молодой парень, ранен в Афганистане в живот. Пережил двенадцать операций. В правом углу на кровати женщина после автомобильной аварии. Все мы лежим в чем мать родила на светлокоричневых клеенках. Зачем одежда, если в любой момент можно «уйти».

Уйти в небытие бесследно, как корабли уходят в Бермудский треугольник. Возле меня и солдата всегда кто-то из близких хлопочет. А соседку посещают только в выходные. Няни заходят, если их настойчиво попросят, а сестры - по необходимости сделать инъекцию.

Лежу на спине в положении «лягушки» и это положение, говорят, надолго. Во время прилива сознания время тянется бесконечно. Слышу разговоры о возникновении пролежней, говорят это опасно и что нужно делать обтирания различными составами. Интересно - как это будут мне делать, если нельзя меня переворачивать? Забавно. Прошло трое суток после операции. Возникают какие-то мысли, ощущения. Ощупываю голову, она на месте но вся в кровотокающих рубцах.

-Почему не зашили разрывы на голове? - Высказываю претензии.

-Смотрите он уже командует. Скажи спасибо, что смогли сложить кое- как кости таза и нашли место, где подшить твой мочевой пузырь. Кроме того, раздробленные подвздошные косточки, оказавшиеся лишними, выбросили. - Отвечает с улыбкой мой дорогой доктор Али Хачимович Теунов.

Возникает паршивенькая иждивенческая мыслишка, что мне что-то должны. Но ведь я сам ничего не могу делать. А это еще не вкладывается в проявляющееся сознание. Таня и Саша Елистратовы, наши ближайшие друзья, получив пропуск в реанимацию, по очереди приходят после работы ко мне на вторую смену. Они принесли простынь, пеленки, подстелили. Стало несколько комфортней после лежания на влажной клеенке. На клеенке как-то постоянно мокро. Все время что-то со мной делают. В основном убирают все из-под меня вытекающее. А Света может пока отдохнуть после всенощной или побежать за лекарствами.

-Саша, мне под спиной что-то колет.

-Там ничего не должно быть, тебе померещилось, - произносит Саша и на всякий случай засовывает ладонь под мое неподвижно лежащее тело.

Он вытаскивает из-под меня осколки ампулы. И тут же старается чем-то замазать царапины на спине. Как могло попасть стекло на кровать - знает только медицинская сестра, делавшая уколы. Это мелочи, во время операций, говорят, забывают извлечь из оперируемого хирургические инструменты. Бытует быль, что стоит настрожиться, если лежа на операционном столе вы услышали: «Все готово. Надеюсь я ничего не забыл внутри, как в прошлый раз...». Но это хорошо, что у меня появилась чувствительность. Не дождалась своих

родственников в очередную субботу соседка справа. Как-то буднично зашли санитары и вынесли ее.

В один из дней подходит к моей койке симпатичная девушка.

- Как вы себя чувствуете? Я анестезиолог, участвовала в операции. Расскажите про ваши ощущения во время операции. Я собираю такие рассказы.

- Последняя услышанная мной фраза одного из врачей была о том, что нужна срочно кровь. А затем я оказался в небольшой квадратной комнате без окон и дверей, на кровати. Комната наполнена какими-то мягкими, типа поролона, длинными, очень ярких, всех цветов радуги, языками. Странно то, что лежу я на кровати и вижу, как эти огромные языки поддерживают и шевелят под потолком мое невесомое тело.

- Я интересуюсь видениями больных. Чаще во время операций ощущаются полеты в трубе на больших скоростях. Такие как у вас впечатления испытывают крайне редко.

Один из хирургов пошутил, что в меня влили весь резервный запас крови на тот момент имевшийся в больнице, и что теперь в Кабардино-Балкарии выведена в моем лице новая национальность - «кабардинобалкарец».

ВЫЖИВАНИЕ

Через некоторое время на каталке перевезли меня в обычную палату, где сгрузили на кровать с настилом из неструганных досок, который прикрывал мешок со сбившимися комками ваты, с большим приближением напоминающий матрац. Предполагаю, что с целым тазом на этом сооружении лежать было бы неудобно, а с только что сложенным по частям, приходилось выть от боли.

Спасатели из Нальчикской спасательной службы, проведая меня, сняли размеры кровати, и к утру обещали сварить какую-то штангу чтобы можно было хотя бы подтягиваться на руках. Али Теунов, зайдя в палату и увидев на чем лежу, молча ушел на переговоры с руководством больницы. После его вмешательства вкатили в палату шикарную функциональную кровать, до этого валявшуюся на складе. Ребята в шутку этот немецкий шедевр назвали семисотым «мерседесом». Когда меня переложили в чудо-кровать, впервые после операции заснул без инъекции.

Потом начались больничные будни. Питание через капельницу, холодец, чтобы кости заживали, бульоны с чайной ложечки. Постоянно возле меня дежурит жена Света и меняющиеся ежесуточно спасатели нальчикской, затем эльбрусской спасательных служб. Когда я уходил в забытие, ребята могли прикорнуть на раскладушке. А в промежутках возились

со мной как с грудным ребёнком - то попить дадут, то меняют пеленки, то что-нибудь расскажут.

После операции моча выходила по полиэтиленовой трубочке, вшитой в живот. Трубочка часто забивалась отложениями, и тогда острая боль пронизывала тело. Приспособился большим шприцом, как насосом, вытягивать из трубочки белые, похожие на известняк пробки. Однажды, во время такой процедуры баночка с мочой вылилась в кровать на глазах у Сережи Лобастова - спасателя, дежурившего возле меня в те сутки. С Сережей мы работали на спасаловке в тот для меня роковой день. Симпатичный, обаятельный, очень обязательный и совестливый человек. Он, увидев подо мной большое мокрое пятно, разволновался и растерялся, не зная что предпринять. Ведь меня нельзя перевернуть или переложить чтобы заменить простынь. Предложил ему настольной лампой высушить мокрое пятно. И он долго сушил этой лампой мою постель. Очень нежно со мной обращались Эдик Галачиев, его друг Равиль Узденов и все остальные ребята, сутками дежурившие возле моей кровати.

Больничные дни тянулись один за другим. Типичными не назовешь случаи, произошедшие со мной в больнице. Однако несколько моментов выживания благодаря «заботе» медперсонала хочу привести. Так, тебя раздетого, под одной простыней, выдерживают перед дверью в рентген кабинет рядом с открытым проемом в стене вместо двери, сквозь который виднелся

больничный двор, покрытый снежными пятнами. Тощее тело сковал холод. Саша Копылов, как в горах, когда у друзей замерзают конечности, отогревал меня дыханием. Затем во время переноса моего неподвижного тела с качалки на кровать на простыне, вдруг две сестрички поддерживавшие ноги, роняют меня. Со стороны головы меня надежно нес Саша и, как было возможно, амортизировал падение моего сложенного во время недавней операции тела. Боль от прогиба туловища парализовала сознание. Не было сил даже выругаться для облегчения.

Из-за проблем с приемом пищи назначена была капельница. Подходит сестра и не глядя вводит иглу в вену, но промахивается, а капельница оказалась не отрегулированной и раствор быстро начинает заливать под кожу, образуя огромный пузырь в локтевом суставе.

-Сестра, раствор не туда вводится.

Она оглядывается.

-Милый, ничего страшного, давай другую ручку, сейчас попадем.

Конечно, она была далеко послана, а рука еще недели полторы оставалась парализованной.

Однажды привели в палату с десяток иностранных студентов и преподаватель показывал меня как экспонат. С любопытством рассматриваю молодежь и вдруг вижу как, стоящий рядом студент, после того как приподняли укрывавшую меня простынь, увидев мое хилое тело с торчащими из живота трубками, сильно побледнел и начал терять сознание. Преподаватели и студенты растерялись и мне пришлось давать им консультации по выведению пострадавшего из шока.

Самое неприятное случилось от передозировки, как впоследствии оказалось, антибиотиков. Резко подскочила температура, нарывы перекрыли дыхательные пути. Лечащий врач-хирург безапелляционно определил, что у меня ангина и, тут же я получил мощную порцию антибиотика. В результате такой диагностики, состояние вдруг стало критическим, почти безнадежным, отнялась речь. Невозможно стало не только принимать какую-либо пищу, но и пить. Опять в мою судьбу вмешался Али Теунов, пригласив из другой больницы для консультации свою знакомую, отоларинголога. Она установила диагноз, и мало того, оперативно вмешалась, прочистив мне дыхательные каналы. Я задышал, снова вернулась жизнь в мое тощее тело. По признанию врача за почти тридцатилетнюю практику она не видела такого запущенного стоматита. После ее вмешательства стал очередной раз оживать.

Но, увы, это продолжалось не долго. Хватило даже мизерного приема пищи, чтобы через две недели наступила кишечная непроходимость, сопровождавшаяся острыми спазматическими болями. Клизму сделать невозможно, потому что нельзя было меня повернуть на бок. И снова помог Али. Он приносит какие-то таблетки, разжижающие пробки в желудке. С огромными усилиями при страшных болях прочистился кишечник. Врачи сказали, что теперь я буду знать как проходят роды. Так продолжались больничные будни.

Особых перспектив в улучшении здоровья не ожидалось. Смогу ли ходить? Никто не мог ответить на этот вопрос. Ко мне в палату разрешили приходить всем. Если на проходной в больничный корпус говорили, что идут проводить альпиниста или спасателя, тут же ко мне пропускали любого. Это всегда разрешают, когда мало перспектив. Тело стало практически невесомым - немногим больше сорока килограмм. А, когда слегла от переутомления и болей, из-за не прохождения камней, Света, мир померк и захотелось перестать мучить себя и окружающих.

В критический момент представил усилия дежуривших много дней у моей койки парней и понял, что если я втихаря уйду, это будет нечестно. С этого момента захотелось выжить.

АССОЦИАЦИИ

В один из дней в палату вошел Володя Копылов. Он приехал из Москвы и принес мне письмо от Пьерре Сикоури.

В жизни спасателей бывают неожиданные встречи. *И* как обычно случается - сегодня познакомился с человеком, а через какой-то промежуток времени он становится, как ни

печально, твоим клиентом. Пьерре Сикоури, итальянский предприниматель, яхтсмен, альпинист, приехал в горы на короткое время с супругой Паолой. Паола, мать троих детей, журналист, путешественница, альпинистка, автор публикаций о морских круизах и альпинизме. Она одна из трех женщин Италии, которая обогнула на яхте мыс Горн. Познакомился я с Пьерре Сикоури и его красавицей женой во время пребывания их в Приэльбрусье. Пьерре с моим другом Виктором Грищенко - выдающимся альпинистом и классным гидом, планировал взойти на Эльбрус и спуститься с вершины на параплане. Паола также пожелала взойти на Эльбрус. Для подстраховки восхождения Виктор попросил меня их сопровождать.

Вышли на рассвете. Виктор с Пьерре после скал Пастухова оторвались от нас. Мы же с Паолой в среднем темпе продолжали двигаться вверх. Чувствовалось - гора ей дается непросто. Каждые десять, пятнадцать шагов останавливались и отдыхали. Так не спеша дошли до «косой полки» и вдруг она очередной раз восстановив дыхание, обращается ко мне.

-Валери, на какой высоте мы с тобой находимся?

-Высота сейчас 5200 метров над уровнем моря. - Ответил я, взглянув на высотомер.

-Я дальше не пойду.

-Паола, осталось пройти метров сто до седловины, а там затратим немного времени и по очень простому пути взойдем на вершину.

И тут вопрос Паолы застал меня врасплох.

-Валери, ты здесь ходишь, как мне рассказали, много лет, скажи, а итальянские женщины стояли на этой точке Эльбруса?

-Много выдающихся женщин штурмовали Эльбрус, но я не припомню среди восходителей итальянок.

-Вот и прекрасно. Я взойшла выше всех итальянских женщин и мне больше ничего не надо. Я довольна и пошла вниз.

Женскую логику не понять. И пришлось из-под вершины уходить вниз.

Подходя к Приюту-11, мы увидели красочное парение в воздухе Пьерре и Виктора, которые приземлились недалеко от нас.

Вечером за чаем Пьерре изъявил желание на следующий день с утра подняться на Чегет и уже с него спуститься на парашуте. Обратив внимание на накопившуюся после Эльбруса усталость, посоветовал ему сутки отдохнуть. Но он настоял на своем, объясняя это желание дефицитом времени. Утром они с Виктором стартовали с Чегета.

После неудачного приземления с переломом бедра Пьерре отвезли в Тырнаузскую больницу. В больнице он провел некоторое время. С помощью друзей ему выделили отдельную палату с телефоном. Жена не отходила от него. Когда Пьерре стал транспортабельным, перевезли мы его в аэропорт Минеральные Воды и погрузили в самолет, направлявшийся в Москву.

С тех пор прошло несколько лет. И вот, узнав о моих переломах и лежачем состоянии, иностранец с которым мне довелось видеться всего несколько раз, присылает своего сотрудника с удивительным предложением. В письме Пьерре Сикоури писал: «Валери, я готов прислать за тобой самолет, поместить тебя в московскую больницу для дипломатов, оплатить расходы по лечению и пребыванию твоей жены». Бескорыстность и теплые слова крупнейшего предпринимателя Италии были восприняты мной со слезами благодарности.

А нам всю жизнь вбивали в головы, что капиталисты жестокие и жадные люди. К сожалению, в связи с моей не транспортабельностью, воспользоваться дружеским предложением не пришлось. Необходимые операции были сделаны, кости таза собраны, мочевого пузыря подшит. Оставалось лежать на спине и ждать момента когда кости срастутся.

ВСТАТЬ!

Лечение оказалось до смешного простым. Лежать в позе «лягушки» и не шевелиться месяц, два... А потом? Потом врачи пообещали корсет и коляску.

В больнице делать больше нечего. Нужно ехать домой в Шхельдинское ущелье. Леша Севостьянов предложил меня перевезти вертолетом, но необходимо подождать пару дней. Однако больница мне так надоела, что ждать двух суток не хотелось и я попросил перевезти меня УАЗиком. Ребята подвязали носилки чтобы не трясло на выбоинах дороги, за руль села Зоя Махинова, в то время единственная в ущелье женщина-водитель и, со скоростью 30 километров в час мы тронулись в путь. Несмотря на предосторожности, чувствительно отдавалась каждая кочка. Было очень больно и утомительно, но кое-как добрались домой. И опять кровать, опять положение «лягушки». А мне ужасно хотелось встать на ноги! Когда

достали где-то костыли, я их положил рядом с собой в кровать как бы для перспективы. Чтобы от лежания не запали легкие, надувал периодически детские воздушные шарик. Мои коллеги-спасатели Володя Добренко и Саша Коляс над кроватью в бетонный потолок забили шлямбурный крюк и через карабин ко мне протянули резиновый бинт. Пока хватало сил я тянул эту резину, предполагая, что развивая руки, улучшится кровообращение в моих неподвижно лежащих ногах.

Тяжело давила на психику беспомощность при выполнении естественных надобностей. Подложить утку невозможно и приходилось все делать под себя. По просьбе жены, работавшей неподалеку, иногда заходила к нам соседка Линочка Куанлиева.

-Валерий, Вы что-то хотите? - деликатно спрашивала она.

-Да хочу, пойти гулять. Потрясая костылями, заявил я.

-Вы что, Вам нельзя двигаться. Подождите. И выскочила из квартиры. Через несколько минут прибежали взволнованные Света и Володя Добренко.

-Ты, что с ума спятил, куда ты собрался?

-Да вроде нет, не спятил. Лина спросила, чего я хочу. Я и ответил, что действительно хочу ходить. А что я не могу этого желать?

Посмеялись.

Все-таки пришел день, когда я смог ползком добраться до унитаза и сделать свои дела. Это была первая победа. Затем шатаясь сделал несколько шагов на костылях. Первый раз вышел на улицу. Первый раз в сопровождении Юры Захарченко дошел от дома до КСП, затратив на это вместо обычных семи минут, целых час двадцать. А в конце практически потерял сознание от усталости - Юра успел меня подхватить. Однажды вечером, шагая с КСП на костылях, не заметил промоины в дороге и провалился в яму метра на три, но удачно, не задев при падении переломанных костей, расшиб только голову.

Много людей приходило проведывать меня, подбадривали. Приходили односельчане - балкарцы знакомые, и не очень - приносили хичины, айран, молоко. Запомнилось одно изречение проведавшего меня пожилого балкарца.

- Работая спасателем, ты спас многих людей, поэтому и Аллах сохранил тебя. И прошептал по-балкарски молитву. Видимо о моем выздоровлении.

Я встал на ноги, и это была победа над собой, первая. А когда встал, задумался как жить дальше и на что. Имел ли я какое-нибудь право на материальную помощь от моей спасательной организации, кроме оплаты по больничному листу? Из-за юридической безграмотности ответа на этот вопрос я не знал. Мне выдали акт о несчастном случае на производстве, но что с ним делать было не ведомо. После четырех месяцев пребывания на больничном, врачебная комиссия объявила меня инвалидом.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Один из извечных российских философских вопросов. На второй вопрос «кто виноват?» отвечать не буду, так как он из сферы небесной канцелярии. Но ответить на первый необходимо, потому что жить приходится сегодня. Тем более, если ты не только прочел сценарий, но уже сыграл какую-то роль на сцене жизни. А как жить, если ты вчера был полон сил, нужен людям, а сегодня твое беспомощное тело еле передвигается по земле? Особенно важен ответ в стране, провозглашающей себя социально ориентированной. Исполнение же Закона о защите получившего производственную травму или инвалидность на рабочем месте чиновничьей ордой не обязательно. Игнорируются права пострадавшего, не возмещаются материальные компенсации за увечья. Почему-то несмотря на Закон о социальной защите тебе заранее уготовливается роль просителя, которого можно унижить, оскорбить, размазать как нечто не нужное.

Безысходность пострадавшего и безразличие существующей системы вынудили меня узнать о своем статусе инвалида. А получив об этом информацию, воспользоваться законными правами. Представители власти, от которых зависит судьба человека, стараются своими действиями или бездействиями почему-то направить пострадавших в тупик. Получить информацию о своих правах, не будучи юристом, чрезвычайно сложно. В юридических справочниках и комментариях идут ссылки на статьи, пункты да подпункты из Законов и Правил, утверждаемых разными ведомствами. Не известны адреса служб, призванных помочь работнику, получившему увечье на работе. На поиски моих прав и аналитическую работу потрачено пять лет. Но время потрачено не зря. Одержана материальная и моральная победа. Получена, положенная по Закону, компенсация в виде проиндексированной заработной платы за все годы, после получения инвалидности. Организация вынуждена была по решению суда выплатить и моральный ущерб за причиненные унижения. Выплачивается возмещение. В соответствии с Законом получен автомобиль, использую право на ежегодное санаторно-курортное лечение. Готов поделиться, как свести к минимуму чрезвычайно важный для здоровья пострадавшего срок борьбы за себя.

Наивно доверившись обещаниям чиновников из спасательного ведомства оказать содействие в получении материального возмещения по увечью, отдал им все имеющиеся у меня в единственном экземпляре документы. Они сумели успешно их потерять. Получив этот удар, впредь, восстановив с большим трудом документы, стал делать копии не менее трех. Нашел Государственного инспектора по охране труда своего региона - этот чиновник обязан

оказывать содействие работнику, получившему травму на производстве. Формально он составил требование о возмещении ущерба по увечью, подсказал даже какие законы мне нужно изучить, но не довел начатое дело до результата. Пришлось затеять длительную переписку с федеральной спасательной службой с просьбами выделить, предписанные законом средства. Составил алгоритм прохождения многочисленных писем и документов, чтобы знать, где они находятся и, когда ориентировочно должен прийти ответ. Вместо денег приходили отписки и рекомендации. Вокруг выстраивалась глухая бюрократическая стена. Пришлось настроиться на длительную борьбу за свои права и, обязательную победу.

Попытался найти себя на преподавательском поприще. Организовал школу подготовки спасателей. Разработал программу, по которой за 15 дней из спортивного парня можно подготовить специалиста, способного оказать помощь человеку на любом горном рельефе. Инициативу поддержал Борис Тилов, начальник Эльбрусской ПСС, придумав мне должность начальника школы спасателей. Практические занятия на горном рельефе проводили мастера-спасатели Леонид Андреев и Владимир Добренко. Опытнейший хирург-альпинист Али Теунов учил как оказывать доврачебную помощь в сложных условиях высокогорья. Чтение лекций, решение хозяйственных вопросов входило в обязанности начальника школы. Курсанты занимались весь световой день. Появились выпускники школы. На первых соревнованиях российских спасателей недавние курсанты, заняли призовые места. Многие руководители поисково-спасательных служб стали присылать в нашу школу на учебу людей, таким образом, подтвердив жизненную необходимость такой подготовки.

Мне предложили направить бумаги для утверждения школы и открытия централизованного финансирования в Москву. Все необходимые программы и обоснования разработал и отправил высшему руководству. Казалось, несмотря на инвалидность, я смогу, делаясь своим опытом с молодежью, стать полезным спасательной службе. Но чиновники мне предложили поехать в Москву и пройти (на костылях) по департаментам, собирая их драгоценные подписи. По такому отношению к моим предложениям стало ясно, что школа спасателей им не нужна. Последней каплей стало признание чиновника, от которого зависело финансирование школы, что на подготовку кадров из 18 расходных статей для поисково-спасательных служб можно выделить средства из статьи «прочие» расходы. Однако этого он делать не будет, потому что прочими расходами распоряжаются начальники служб, а их аппетиты урезать, значит с ними ссориться. Ему ссориться не хотелось. На этом школа подготовки спасателей в горах прекратила существование.

Оставшись без работы, вынужден был возобновить борьбу за материальное возмещение по полученному увечью на работе. Чинуши пытались отказать в праве на возмещение. Они требовали от меня доказательств того, что вред здоровью произошел во время работы в зоне повышенной опасности, хотя в акте о несчастном случае на производстве описывались обстоятельства, которые произошли во время спасательной акции зимой, на высоте свыше пяти тысяч метров над уровнем моря. Мне довелось обосновывать повышенную опасность тем, что работа проводилась на высоте при почти космическом холоде и ураганном ветре. После

письма Министру о том, что любой министерский чиновник может на рабочем месте упасть со стула и получить травму, это одно обстоятельство, а спасатель, работая на высоте свыше пяти тысяч метров в зимних условиях, это другое обстоятельство, вопрос о зоне опасности был снят. Этот был первый победный шаг, потому что в этой связи, работодатель полностью брал на себя ответственность за получение производственной травмы.

На заявления о возмещении вреда, причиненного увечьем при исполнении трудовых обязанностей, чиновники отвечали просьбой не торопиться и ждать разъяснений от Минтруда. Сколько ждать не говорили, а кушать хочется каждый день, а еще лекарства на что-то нужно покупать... И это, несмотря на Закон прямого действия о материальном возмещении ущерба за полученные увечья на работе. Впоследствии оказалось, что даже есть фонд оказания помощи пострадавшим спасателям во время чрезвычайных обстоятельств, формируемый из неиспользованных бюджетных средств. Кроме того, зная, что полученная травма - закрытый перелом тазовых костей и другие сопутствующие травмы, относятся в перечне увечий к самым тяжелым, издевательски желали скорейшего выздоровления. Последнее пожелание рассчитано на моральный нокаутирующий удар. Целью чиновников было размазать человека и избавиться от него. Поставить подпись под приказом о материальном возмещении пострадавшему, при этом выполнить Закон, не решались весьма высокопоставленные лица с полковничьими и генеральскими погонами. Но, видимо, система подбирала таких людей, не желающих что-либо делать для отдельно взятого человека, а решать только глобальные проблемы. Трудно сознавать то, что ты был одним из создателей профессиональной спасательной службы, а когда тебе понадобилась помощь, руководство этой службы отвернулось.

Пришлось начать борьбу за свои права, пришлось фундаментально подготовиться юридически как того требует подготовка к маршруту высшей категории в альпинизме. Нужно признать только, что сложнейшие вертикали в горах преодолевать было проще чем юридические лабиринты чиновников. В горах, в связке, рядом на сложных стенах были друзья, которым безгранично доверял свою жизнь. А на этой государственной вертикали все было чуждо, коварно и никаких связей. Один против целой рати невидимых противников. Но очевидно, опыт преодоления горных диретиссим и спортивная злость, сопровождающая борьбу для достижения цели, помогли пройти и эту вертикаль.

Составил исковое заявление в суд на Министерство, как финансирующую организацию, и параллельно отправил аргументированную просьбу разобраться с нарушением моих прав в Федеральную инспекцию по охране труда. К просьбе приложил подтверждающие мою правоту документы. Чиновничья рать не была готова к такому сопротивлению. Их стройная система удушения пострадавшего человека дала трещину. Но позволю себе ремарку.

ПРОДОЛЖЕНИЕ АССОЦИАЦИИ

В момент, когда система организовывала турнир с целью нокаутировать инвалида, меня нашли, друзья какое-то время работавшие со мной спасателями. Высококласные альпинисты

Олег Ерохин и Валерий Розенберг, пока я работал в горах, занялись на «гражданке» в перестроечный период бизнесом, сумев создать частную авиационную компанию. Однажды раздался телефонный звонок.

-Валера, нужно встретиться. Голос Олега узнал сразу.

С Олегом кроме участия в спасательных акциях мы еще и в связке ходили.

-Хорошо, я рад тебя увидеть.

-Тогда встречаемся через час.

-Ты где, откуда звонишь?

-Я в Одессе, а встречаемся в Жулянском аэропорту.

-Не понял, я то за час на троллейбусе в аэропорт доеду, а ты то как доберешься из Одессы?

-Это уже мои проблемы. До встречи.

Стояло жаркое лето. В тенниске и стареньких джинсах похромал я до троллейбусной остановки и, долго тряся через весь город в Жуляны. Выйдя на конечной остановке, сразу увидел Олега на ступеньках здания аэропорта. Передо мной стоял парень со знакомыми чертами лица, но сильно располневший. Обнялись.

-Через десять минут летим в Одессу.

-9 ?

-В Одессе хорошая погода и теплое море. Позагораем,купаешься.

-Ты шутишь, давай поговорим.

- Уже подъехала наша машина, садись.

Не успел усесться в машину, как она, рванув с места, въехала через служебный вход на летное поле, подкатив к одиноко стоявшему на взлетной полосе Як-40. Войдя в салон, я обалдел - вместо привычных кресел для пассажиров здесь стояли несколько сервированных столов. Нечто похожее на деловой кабинет. С этого момента мне пришлось удивляться еще не один раз. Выпили по рюмке виски со льдом за встречу. А самолет уже приземляется в Одессе. С аэропорта «Вольво» домчала нас на пляж в Аркадию. На берегу вдоль моря стояли столики с вкусной закуской и выпивкой. За столиками нас ждали одесские альпинисты. Приятно было увидеть знакомые лица.

Поселили меня на квартире у Валеры Розенберга, затем прилетела Света. Нам не давали тратить ни одной копейки. Рядом было теплое Черное море, пляж.

- А тебе интересно посмотреть, где мы работаем? В один из дней спросил Валера.

- Конечно.

Шикарное помещение в центре города. Красиво оборудованные кабинеты с компьютерами. Питание на рабочем месте. Начинаю понимать, что хозяева здесь Олег и Валера. Они постоянно в общении, в движении, в разъездах. В фирме работает много альпинистов. Опекать меня поручили помощнику президента фирмы Аркадию. Он начал знакомить с деятельностью фирмы, с финансовыми подробностями.

- А зачем мне знать подробности, меньше знаешь, лучше спишь ?- Пытался отшутиться.

- Шеф поручил ознакомить. Был краткий ответ.

Как-то общаясь, будто невзначай, Валера спросил у меня насколько я помню английский язык, есть ли у меня автомобильные права и меня загранпаспорт. А спустя пару недель Олег на ходу мне бросил:

- Через два дня ты летишь в Эмираты.

- Куда, куда? - Переспросил я.

-В Объединенные Арабские Эмираты. Будешь там жить в хатынке на берегу моря и греть на солнышке поломанные кости. Там тепло, устойчивый климат, сможешь быстро поправиться.

-Олега, я не понял.

-Все подробности к вице-президенту по финансовым вопросам. - Отшутился Олег и убежал по своим делам.

Вечером спрашиваю дома у Валеры про Олегову шутку. А он вполне серьезно отвечает:

-Мы все продумали. Тебе нужно поправить здоровье, а фирме необходимо доверенное лицо в Эмиратах. У нас там свои интересы.

-Но чем я могу помочь и что мне делать?

-Будешь с мобильным телефоном сидеть на берегу Персидского залива, дышать и, если телефон зазвонит, ответишь. Отшутился он.

Всерьез шутку не воспринял. Подумал - это одесские хохмы.

ПОЧТИ СКАЗКА ШАХЕРЕЗАДЫ

Самолет ТУ-154 после четырех часов лета пошел на посадку. Из иллюминатора видны красные бесконечные пески, слева под крыльями самолета блеснула вода. Неужели это Персидский залив? Над этим пейзажем висит огромное солнце. Видимо внизу очень тепло. Но я и представить в тот момент не мог насколько может быть жарко. Из кабины пилота выходит Олег Ерохин.

-Валера, скоро прибудем на место. Приготовься, будет тепло.

Олег сначала отправлял меня одного в далекую страну, но видимо обратил внимание на смущение и войдя в мое положение, в последний момент вскочил в самолет, как на подножку трамвая. Ему это позволено

-он президент компании и владелец самолета.

Самолет мягко приземлился и через несколько минут подруливал к зданию порта. За эти несколько минут корпус воздушного корабля накалился так, будто его запустили в мартеновскую печь. Стало невыносимо душно. К остановившемуся возле здания аэропорта самолету быстро подключили трубы большого диаметра и, вовнутрь стал поступать охлажденный воздух. От трапа самолета до входа в аэровокзал города Россельхайм приблизительно пятьдесят метров. Казалось, что солнце успеет тебя расплавить, пока ты идешь по дорожке от самолета до здания аэропорта. Градусник зашкаливал, в тени было до +50. Но, распахнулись двери, и мы вошли в совсем иной прохладный мир, мир кондиционеров. Небольшие формальности и нас радушно, по-мусульмански обнимая, встречает человек в ослепительно белых одеждах - друг и компаньон Олега,

Ибрагим Али Аль Марзооки. Впоследствии я узнал, что Ибрагим был довольно состоятельным, даже по эмиратским меркам человеком. Он окончил Кембриджский университет. Кроме бизнеса, довольно серьезно занимался водо-моторным спортом - по нашим понятиям показывал результаты на уровне мастера спорта, прекрасно плавал.

Первое, что я увидел, выйдя из аэропорта - это большие пальмы растущие вокруг стоянки автомобилей и, гуляющих среди них верблюдов. Чудно! Еще будет много чудного и непривычного для человека из другого континента и из другой госсистемы.

На шикарном лимузине по прекрасному шоссе, пересекающему пустыню, очень быстро преодолев сто десять километров, приехали в город Шаржу. Здесь в двухэтажном, белоснежном коттедже на берегу Персидского залива мне предстоит прожить довольно продолжительный отрезок удивительного времени.

Как все азиатские, дом огорожен высоким забором. Во дворе раскинулся цветущий оазис. В нем росли пальмы, кустарники с яркими цветами. Аккуратно подстриженный травянистый газон украшал все уголки двора. К каждому растению было подведено капельное орошение.

Помещение встретило нас приятной прохладой. Во всех комнатах беззвучно работали кондиционеры. Обратил внимание на высокий потолок в фойе, со сводами из бревен, напоминающий аналогичный потолок на Контрольно-спасательном пункте Центрального Кавказа. Олег, перехватив мой взгляд, подчеркнул, что специально арендовал дом, напоминая некоторыми штрихами здание нашей спасательной службы. На первом этаже располагалась огромная кухня-столовая, насыщенная бытовой техникой, и подсобные помещения. Второй этаж состоял из четырех спален, каждая из которых была, по понятиям советского гражданина, отдельной квартирой с туалетом и ванной. В одной из таких спален я поселился.

Вечером после захода солнца решили искупаться в заливе, который находился в ста пятидесяти метрах от виллы. Пройдя по еще горячему от дневного зноя песку, сходу ныряем в воду. Где же ожидаемая морская прохлада? Вода в заливе оказалась горячей, +38° С.

Олег и Валера попросили меня представлять их фирму в Эмиратах. Мне пришлось оплачивать расходы по содержанию дома, помогать челнокам, которые летали их самолетами. Я выдавал зарплату, командировочные работникам, работающим на фирму, выделял деньги на представительские расходы. Пришлось иметь дело с банками и с непривычно большими суммами наличных денег. И, конечно, восстанавливался после операций. Ребята все предусмотрели - даже устойчивую погоду в Эмиратах. Ведь перепады погоды средней полосы болезненно сказываются на поломанных костях.

Интересно прошло первое посещение банка и получение нескольких десятков тысяч дирхам. Такой суммы денег я никогда в руках не держал. С необходимыми документами я направился в один из банков. Насмотревшись фильмов про гангстеров за рубежом, очень опасался ограбления. Прошу шофера-пакистанца припарковать машину как можно ближе к дверям банка. Он не совсем меня понимает, но сделал несколько кругов вокруг здания и увидев, что освободилось место возле входа, все-таки подкатил вплотную к дверям. С трепетом вхожу в фешенебельный банк. Кстати, одет я был в потрепанные джинсы и старенькую футболку. На ногах поношенные кроссовки. Оглянулся. В операционном зале не видно никакой охраны. Подхожу к администратору и говорю по-английски, заученную дома необходимую фразу. Девушка любезно улыбается, проверяя бумаги и говорит, чтобы я с чеком обратился к кассиру. Кассир, внимательно просмотрев документы, тут же выкладывает на стойку несколько пачек денег. Скрывая волнение, небрежно скидываю их в полиэтиленовый кулек и направляюсь к выходу. Кассир, привстав, смотрит на меня и как мне показалось, его удивил мой внешний вид. Видимо, он тут же позвонил моему поручителю Ибрагиму. Через несколько дней прилетел Олег, ничего не объясняя, посадил меня в машину и привез в итальянский магазин одежды. Подобрали мне костюм, галстуки, рубашки, туфли. Приобрели красивый кейс. С тех пор я ничем не отличался от других банковских посетителей. Со временем я узнал, что в Эмиратах воровства практически нет и понял, почему так удивлялся моим требованиям шофер.

О медицине в ОАЭ думаю можно судить по нескольким штрихам. В госпитале за пятнадцать минут при помощи различных электронных датчиков сестра получила карточку с моей диагностикой. Врач, ознакомившись с показателями, предложил мне прилечь на осмотровую белоснежную кровать, одев тонкие резиновые перчатки. После пальпации позвоночника предложил мне перевернуться на спину и, тут же поменяв перчатки, приступил к осмотру послеоперационных швов на животе. Вот так стерильность! По рекомендации врачей сначала ходил в воде очень соленого Персидского залива, а затем много плавал, порой часами.

После прохождения цикла процедур появилась подвижность суставов. В конце концов стал ходить без трости и даже два раза в сутки совершал небольшие пробежки по песку.

Иногда оказывал помощь клиентам фирмы - челнокам. Однажды звонит барышня из гостиницы и просит срочно отвезти ее подругу к хирургу, ничего не объясняя. Раз надо, повез их к знакомому врачу. Через некоторое время врач выходит в коридор, говорит мне, что достал из анального отверстия женщины пачку денег, плотно завернутые скотчем. Рассказывая об этом, с удивлением спрашивает, как оказались там деньги. Перевел девушкам вопрос врача. Они откровенно рассказали, что таким образом приходится перевозить валюту через границу, необходимую для закупки товаров. На разрешенные властями для вывоза одну тысячу долларов достаточное количество товара для реализации не купишь. Вот и приходилось каждый раз при перевозе валюты друг у друга вытаскивать деньги из соответствующего углубления в теле, а на этот раз не получилось. Пытаюсь врачу объяснить об ограничениях по вывозу валюты, принятых у нас в стране - не понимает. Он спрашивает опять и опять - «это ее деньги?». Да ее, отвечаю я. «Если деньги ее, тогда зачем их прятать, да еще таким образом?» Так он и не понял про государственные заморочки и вынужденные изощрения наших граждан. Врач остался в недоумении.

А мне пришлось многому удивляться. Оказывается здесь можно на травянистом постриженном газоне посередине города усесться и перекусить. Можно оставить открытую машину на трассе с ключами в зажигании - ее никто не украдет. А если машина неисправна вызвать техпомощь, а утром возле твоего дома будет стоять уже исправная машина. В Эмиратах никто не угоняет машины, даже чтобы покататься - за это могут здесь повесить. В стране нет своей электростанции, но автобаны освещаются так, что нет необходимости ночью включать фары. Удивительная доброжелательность на дорогах. Осваивая вождение, ездил поначалу по автобану со скоростью не превышающей 80 километров. Так каждый второй водитель подъезжал и спрашивал: «Мистер, у вас проблемы, нужна помощь?»

Один из одесских туристов, взяв в аренду автомобиль, катался по трассе, не соблюдая правил - проехал на знак ограничивающий скорость в месте автобана, где дорогу пересекают дикие верблюды. Туриста тут же остановил будто из-под земли появившийся полицейский и молча начал выписывать квитанцию для штрафа. Турист полез в карман, достал купюру в сто дирхам и со словами «Братан, давай разойдемся по мирному» протянул деньги стражу порядка. В тоже мгновение на запястьях у нарушителя защелкнулись наручники. Его посадили за дачу взятки в своеобразную тюрьму и три недели он провел в яме на глубине пяти метров с двухразовым питанием. Меню арестанта составляла лепешка с кружкой воды.

Авария с наездом на корову окончилась штрафом в 750\$, а если неосмотрительный водитель сбил бы верблюда - в Эмиратах священное животное - штраф оказался бы уже 3000\$ плюс полгода тюрьмы и, никакой блат не поможет.

Вспоминается случай, связанный с темой часто поднимаемой у нас в СМИ - патриотизмом и национальной гордости. Восстановившись настолько, что можно было садиться за руль, я решил ночью тренироваться вождению в районе новостроек по грунтовым дорогам. Все происходило недалеко от виллы в которой я жил. Тренировался ночью потому что прохладней и так как никому не помешаю. Однако произошло непредвиденное. Не заметив поворота, съехал с дороги в песок. Машина сразу загрузла. Утром с флайменеджерами (они ночевали на вилле) попытались с помощью джипа выдернуть из песочного плена машину. Увы, она загрузла по самое днище. Собрался уже вызывать аварийную службу, но ко мне подошел пожилой араб из соседнего дома. До этого он, перебирая четки, внимательно наблюдал за нашими усилиями.

-Мистер, вы не правильно делаете.

-А как?

-Нужно машину раскатать и тогда она сама выйдет на поверхность. Последовали его совету. Через несколько минут колеса машины вылезли из песка. Подхожу к соседу со словами благодарности, решив сделать ему комплимент.

-У Вас золотая голова. Такое придумать!

Он задумчиво посмотрел на меня и неожиданно гордо произнес.

- Золотая голова не у меня, а у моего народа.

Спазм перехватил горло. Когда мой народ сможет так отвечать?!

Главный Эмир Объединенных Арабских Эмиратов за счет доходов государства материально поощряет рождаемость в стране. На строительство жилья он выдает беспроцентный кредит, поощряет материально создание оазисов, зон отдыха. В Эмиратах законсервирована добыча нефти, развивают туризм и торговлю. Государство и Эмир заботится о будущем поколении и поощряет нынешнее население, создавая достойную жизнь своим гражданам. В стране нет бедных и нищих.

ЭПИЛОГ

После возвращения домой из солнечных Эмиратов, Родина встретила меня холодом не только природным. Оказалось, что мое заявление о материальном возмещении вреда за увечье, приобретенное во время спасательных работ, никто не собирался рассматривать. Пока в нашей

стране система власти настроена на ущемление интересов большинства своих граждан. Даже социальные законы и реформы создаются не во благо, а в ущерб человеку.

Несмотря на то, что на рентгеновских снимках даже дилетант может увидеть явный сдвиг тазобедренных суставов, который подтверждает устойчивое увечье, потребовалось пройти семь государственных медикосоциальных экспертных комиссий, прежде чем мне присвоили пожизненную инвалидность. Рассмотрение твоего дела на комиссии сопровождается унижительной процедурой. Эксперты каждый раз видят в тебе потенциального симулянта. Например, в рекомендациях одна из комиссий записала, что я могу работать лифтером в сельской местности, где я проживаю. Как в анекдоте о сумасшедших и воду в бассейне. Если хорошо буду вести себя, в деревне специально для меня лифт построят.

После суда и вмешательства Государственного инспектора по охране труда на Северном Кавказе, возмещения как материального, так и морального, удалось добиться.

Однако государственное ханжество продолжается. Система, призванная бороться с бедностью, тут же приняла поправку к социальному закону, урезающую суммы возмещения нетрудоспособным инвалидам труда - людям, отдавшим свое здоровье государству. Мародеры от государственной власти посчитали, что инвалиды жируют на возмещениях по трудовым увечьям. Мои аргументированные обращения по этому вопросу Президент, социальный министр, депутаты проигнорировали, при этом не постеснялись повысить себе зарплату, переложив деньги из инвалидного кармана в свой. Вместо улучшения жизни в стране, насыщенной природными богатствами, выделения народу ренты от природно-ресурсного потенциала, правители устроили, так называемую монетизацию льгот, выраженную в ограблении пожилых людей и инвалидов. Забрали у пожилых и нетрудоспособных людей льготы, а вместо этого буквально заменили их монетами, которые тут же поглотили непомерно раздутые цены на продукты питания и коммунальные услуги. Испытания продолжаются.

СЛОВАРЬ АЛЬПИНИСТСКИХ ТЕРМИНОВ

Акья, металлические или пластиковые сани-волокуши

Горняшка, горная болезнь, возникает на высоте из-за недостатка кислорода, сопровождается общей слабостью, повышенной возбудимостью и прочими признаками

Бараньи лбы, сглаженные льдом скальные выступы

Бергшрунд, трещина в верховьях ледника

Бивуак или Ночевка, место на горном рельефе для оборудования отдыха

Боковая морена, обломки породы, располагающиеся по краям ледника

Веревка альпинистская, используется для страховки; единица измерения отрезка горного рельефа; длина веревки 40-45 метров

Восьмерка, устройство, предназначенное для спуска по веревке и для страховки

Гребень, образование в скальном рельефе, разделяющее склоны

Диретиссима, линия падения воды, оптимально прямолинейный путь к вершине

Дюльферять, способ Дюльфера: спуск по веревке через бедро и плечо (сейчас для спуска используют различные технические средства, в том числе восьмерку)

Жандарм, скальный выступ над гребнем

Жумар, зажим, предназначенный для подъема по веревке

Камус, специальная подкладка на скользящую поверхность лыжи для того, чтобы лыжа не проскальзывала при подъёме

Карабин, соединительное разъемное звено при работе с веревкой

Каримат, коврик из пенополиуретана, используется на бивуаках

Кошки, приспособления, надеваемые на ботинки, для хождения по льду

Крыша, относительно плоская вершинная башня

Кулуар, овраг, рассекающий горный склон по вертикали

Ледобур, трубчатые завинчивающиеся крючья для страховки на льду

Ледоруб, инструмент, предназначенный для страховки на снежно-ледовых И травянистых склонах

Маршрут Мышляева, присвоение имени руководителя группы первопроходцев

Мульда, в виде чаши (нем. Mulde - корыто) форма залегания слоёв горных пород

Полка, край скального выступа на стене, разной длины и ширины

Ранткльофт, трещина, образованная на границе между ледником и скалами

Скальная лаборатория, учебные скалы для совершенствования способов и приемов лазания, расположенные вблизи альплагеря

Семерка, конфигурация ледника на вершине Донгузорун

Стена, скальная поверхность крутизной более 50 градусов

Ice fi-fi (англ). ^специальное приспособление для прохождения ледовых стен